ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

ДУХ ФЭНТЕЗИ

КРЕЙГ КЭЙБЕЛЛ

fanzon.doc

Терри Пратчетт. Дух фэнтези
Крейг Кэйбелл

Аннотация
Крейг Кэйбелл. Терри Пратчетт. Дух фэнтези
Благодарности
Введение. (что это за книга и чем она ни в коем случае не является)
Серьезное замечание о тексте. (и немного разглагольствований)
Часть первая. Дорога мечты
  Глава первая. Начало
  Глава вторая. Что случилось потом
  Глава третья. Как по волшебству
Часть вторая. Мир фэнтези
  Глава четвертая. Цвет волшебства
  Глава пятая. Безумное фанданго
  Глава шестая. Мор, Фауст и Смерть
  Антракт. Люди ковра. (снова)
  Глава седьмая. Перенаселенный мир
  Глава восьмая. Развлечения с пиктами
  Глава девятая. Разрушение штампов
  Глава десятая. Мечты и кошмары детства
  Глава одиннадцатая. Любовь питают музыкой
  Глава двенадцатая. Долгое чаепитие

Глава тринадцатая. Книги для детей
Глава четырнадцатая. Народ
Глава пятнадцатая. Вежливые орангутанги
Глава шестнадцатая. Персонаж по имени Смерть
Глава семнадцатая. Болезнь Альцгеймера
Глава восемнадцатая. Крылья душевной боли
Глава девятнадцатая. Немного о кошках
Приложения
Приложение A. Пратчетт на экране
Приложение B. Пратчетт на сцене
Приложение C. Терри Пратчетт: библиография
Приложение D. Список книг библиотеки Незримого Университета
И наконец. Заключение
Финальный комментарий
Что почитать
Об авторе

Аннотация

История экстраординарной жизни одного из самых любимых писателей в мире!

В мире продано около 100 миллионов экземпляров переведенных на 37 языков романов Терри Пратчетта. Целый легион фанатов из года в год читает и перечитывает книги сэра Терри. Все знают Плоский мир, первый роман о котором вышел в далеком 1983 году. Но он не был первым романом Пратчетта и даже не был первым романом о мире-диске. Никто еще не рассматривал автора и его творчество на протяжении четырех десятилетий, не следил за возникновением идей и их дальнейшим воплощением. В 2007 году Пратчетт объявил о том, что у него диагностирована болезнь Альцгеймера и он не намерен сдаваться. Книга исследует то, как бесстрашная борьба с болезнью отразилась на его героях и атмосфере последних романов.

Книга также включает обширные приложения: библиографию и фильмографию, историю театральных постановок и приложение о котах.

Крейг Кэйбелл
Терри Пратчетт
Дух фэнтези

Craig Cabell
TERRY PRATCHETT: SPIRIT OF FANTASY

© Text copyrights Craig Cabell 2011

Серия «FANZON.DOC»
Разработка серии А. Саукова, Ф. Барбышева

© И. Нечаева, перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Книга посвящается памяти Найджела Уияльмса, моего дорогого друга, букиниста, который приобрел для меня множество романов Пратчетта

«Истина заключается в том, что пространство способны искажать даже самые обычные книги, и это легко доказуемо – достаточно заглянуть в один из по-настоящему старомодных букинистических магазинчиков. Эти магазины – порождение ночного кошмара М. Эшера – содержат в себе больше лестничных пролетов, чем этажей, а еще – ряды полок, которые заканчиваются дверцами, никак не созданными для входа (а также выхода) человеческого существа нормальных размеров. Можно даже вывести соответствующее данному случаю уравнение: знание = сила = энергия = материя = масса. Хороший книжный магазин – это просто-напросто благовоспитанная Черная Дыра, которая умеет читать».

Терри Пратчетт, «Стража! Стража!»[1]

---

[1] Примечания: 1

Роман «Стража! Стража!» цит. по пер. А. Жикаренцева, С. Жужунавы (здесь и далее примечания об авторах процитированных переводов принадлежат переводчику. Если ссылка на переводчика отсутствует, цитаты переведены автором настоящего текста).

«Ритуал, более неодолимый, чем все, до чего смог додуматься человек, бьется с цепкой тьмой. Ритуал крови, клокочущей крови. Этой проворной чувствительностью он обязан не пращурам своим, но беспечным ордам, в коих счет идет на триллионы, – всем детям, когда-либо населявшим планету».

Мервин Пик, «Горменгаст»[2]

[2] Примечания: 2
Цит. по пер. С. Ильина.

Благодарности

Прежде всего, я хотел бы поблагодарить своего дорогого друга и коллегу Стива Мура, с которым я обсуждал работы Пратчетта и который был так добр, что читал эту книгу в процессе написания, следил, чтобы я не слишком отклонялся от темы, и предлагал свои собственные мудрые и остроумные мысли. Большое спасибо.

Посмертная благодарность Найджелу Уияльмсу, который держал один из самых чудесных и разумно устроенных букинистических магазинов в районе Чаринг-Кросс-Роуд. Найджел, обосновавшийся на улице Сесил-корт, приобрел для меня больше дюжины первых изданий Пратчетта, за что я буду вечно ему благодарен.

Огромное спасибо Колину Смайту, агенту Терри Пратчетта, который прочитал готовую книгу и дал подробный и грамотный комментарий, особенно в той части, которая касается ранних книг.

Спасибо Натану, который всегда пытался «увести» у меня книги о Плоском мире, так что мне приходилось читать их побыстрее (хотя време-

нами я, наоборот, брал книги у него). И спасибо Саймону Госдену, который прояснил для меня несколько темных моментов и всегда оставался дружелюбным. Спасибо моему дорогому другу Джону Коллинзу, который снабжал меня свежими вырезками из газет (может, в следующий раз мой таинственный почтальон зайдет на стаканчик вина или пива?)

Также я хотел бы поблагодарить своих друзей и знакомых, которые так или иначе сделали свой вклад в эту книгу: Джеймса Герберта, Клайва Баркера, Стивена Лоса, Саймона Кларка, Джо Доннелли, Иэна Рэнкина, Йэна Бэнкса, Нила Геймана, Элиса Купера и Кристофера Ли. Несмотря на прошедшие годы, вы продолжаете влиять на мою жизнь, господа.

Также я хотел бы поблагодарить великих фантастов прошлого, в том числе Дж. Р. Р. Толкина, К. С. Льюиса, Ричарда Адамса, Роберта Браунинга и Чарльза Диккенса, которые помогли мне осознать границы жанра.

Большое спасибо Аните, Саманте, Натану, Ферн и моему отцу Колину, которые смирились с этой книгой; Берни — за подсказку о Народе; а также Джону Блейку и Джону Вордсуорту, которые позволили мне писать о Терри Пратчетте. Моему

датскому другу Михаэлю, для которого субботний футбол всегда становился поводом поговорить на разные темы: от лорда Нельсона до Терри Пратчетта. Спасибо и остальным участникам субботней команды, особенно Джону и Роберту.

Спасибо Тони Малликену и ранним завтракам с ним, которые мне всегда очень помогали.

Ну и наконец, я хочу поблагодарить самого Терри Пратчетта за то, что мне захотелось изучать его жизнь и писать о нем. Его воображение и сила духа подарили счастье и надежду множеству людей во всем мире, и это одна из главных причин, по которой я решил написать эту книгу.

Крейг Кэйбелл
Лондон, 2011

Введение
(что это за книга и чем она ни в коем случае не является)

«…Некоторые вещи забывать не следует. Обычно они касаются того, откуда мы пришли, как попали сюда и что рассказывали по дороге сами себе».

Терри Пратчетт, «Фольклор Плоского мира» (Введение)

С теми, кто читает романы Терри Пратчетта в поездах, случаются странные вещи. Люди перегибаются через плечо, разглядывают обложку, говорят «я тоже эту читал». Это здорово бесит. Однажды мне что-то такое даже контролер сказал.

Книги Пратчетта узнают сразу, в основном благодаря чудесным обложкам с иллюстрациями Джона Кирби. Я это точно знаю, потому что во время самых разных поездок мне с уверенным видом сообщали, что кто-то другой тоже читал книгу того же автора, потому что «у нее была такая же яркая обложка, и вообще стиль очень похожий, так что это, наверное, один и тот же писатель».

Фанаты есть у разных жителей Плоского мира, от Ринсвинда и Сундука до Смерти и матушки Ветровоск, но в последнее время все больше внимания уделяется не героям, а автору. С декабря две тысячи седьмого года, когда он объявил, что страдает от ранней болезни Альцгеймера, Пратчетт начал говорить вслух о страданиях и о своем собственном прискорбном состоянии. Он сделал значительное пожертвование (миллион долларов) в Фонд изучения болезни Альцгеймера в Великобритании и снял для BBC двухчасовую программу об этой болезни[3]. Его мужество в борьбе с болезнью завоевало сердца множества людей, не только тех, кто любил его книги. Он не оставляет бесконечных попыток дестигматизировать болезнь Альцгеймера.

Пратчетт не скрывает, что хочет расстаться с жизнью, когда болезнь сделается невыносимой. Он говорит, что хочет закончить ее, «сидя в кресле, в собственном саду, с бокалом бренди в руке, с Томасом Тэллисом в айподе», и многим людям

---

[3] Примечания: 3

Фонд изучения болезни Альцгеймера — крупнейшее в Великобритании благотворительное общество, изучающее деменцию.

Оно было основано в 1992 году и полностью зависит от пожертвований частных лиц, а не от правительственного финансирования (здесь и далее примечания, относящиеся непосредственно к тексту и жизни Пратчетта, принадлежат автору, если не указано обратное).

это нравится. К сожалению, закон — это не живой человек и он не всегда согласен с людьми.

Лично меня в Терри Пратчетте больше всего завораживает его дух, внутренняя сила и способность воздействовать на целый мир, о котором он и писал свои книги.

Книга «Терри Пратчетт. Дух фэнтези» не является неофициальной биографией или частью серии о Плоском мире. Это посвящение человеку, который продал семьдесят миллионов экземпляров своих книг на тридцати восьми языках и показал, что не собирается скрывать свои чувства, задолго до болезни. Эта книга восхваляет писателя-фантаста, душа которого принадлежит нашему, реальному миру. Способность вызывать у аудитории сочувствие к своим героям и миру вокруг них и стала причиной его популярности.

Я не ставил своей целью анализ и обсуждение героев и сюжетных линий всех романов Терри Пратчетта. Всего тысяча слов о каждом его романе — и допустимый для этой книги объем был бы превышен, так что я не смог бы сказать ничего нового и интересного о самом авторе или его работах. Так что я выбрал другой подход. Я показываю важные моменты, ситуации и характеры его текстов на фоне его жизни, философии и ка-

рьеры. Сравниваю его жизнь с фэнтези, которую он писал. Это может не понравиться некоторым фанатам Пратчетта, которые предпочли бы подробный анализ, скажем, структуры Ночной Стражи или топографии Анк-Морпорка, но таков уж Терри Пратчетт. Мне важно, как его жизнь отражалась в его работах.

В 2009 году, во время Новогодних награждений, Пратчетт был посвящен в рыцари. В 1998 году он получил Орден Британской Империи за заслуги в области литературы, и многие согласятся, что награда была им полностью заслужена.

Литературная карьера Пратчетта началась задолго до «Цвета волшебства», первого романа о Плоском мире, вышедшего в 1983 году. Его первый роман, «Люди ковра», увидел свет в 1971 году. Первое издание сейчас стало предметом вожделения любого коллекционера. Что мы можем узнать об авторе из этих ранних работ? Как из них появились романы о Плоском мире?

Это касается скорее жизни сэра Терри Пратчетта, чем Плоского мира, и об этом вы узнаете из этой книги. И наоборот, Плоский мир настолько всеобъемлющ, книг и сопутствующих материалов так много, что в конце книги я привел подробную библиографию для безнадежных фанатов

(приложение С)[4]. Там не только перечислены книги, которые необходимо приобрести, но и продемонстрированы объем работы, проделанной Пратчеттом, и количество энергии, которую его издатели, агент и разные художники вложили в создание коллекционных изданий. Это видно и из приложения А, где указаны экранизации (в основном телевизионные мини-сериалы) книг Пратчетта. Все они достойны упоминаний и для многих фанатов служат чудесными дополнениями к книгам.

Терри Пратчетт — один из самых уважаемых авторов фэнтези, родившихся в Британии. Он стоит в одном ряду с Толкином и К. С. Льюисом, а большей похвалы и желать нельзя.

> «Оставалось довести задуманное до конца».
>
> ***Дж. Р. Р. Толкин, «Властелин колец.***

---

[4] Примечания: 4

Здесь необходимо отдать должное официальному сайту Терри Пратчетта и его агенту Колину Смайту, который предоставил мне очень подробную библиографию. Я не стесняюсь признаться, что сверял свою собственную коллекцию и каталоги коллекционной продукции по этому сайту. Если что-то на этом сайте не указано, я не поверю в его существование, пока сам не увижу.

Возвращение короля»[5]

[5] Примечания: 5

Здесь и далее роман «Властелин колец» цит. по пер. Н. Григорьевой и В. Грушевского.

Серьезное замечание о тексте *(и немного разглагольствований)*

Однажды Колин Смайт, агент Терри Пратчетта, зашел в известный книжный и спросил, где может найти последнюю книгу своего автора. Хотя эта книга четыре недели возглавляла списки бестселлеров, в соответствующем отделе магазина ее не обнаружилось. Смайту сказали, что она, наверное, стоит в разделе фантастики и фэнтези, как будто намекая, что таким книгам среди бестселлеров делать нечего, хотя эту конкретную книгу несколько недель покупали чаще всех остальных.

Дело не только в несправедливости и ограниченности такого подхода. Мне кажется нелепым объединять два таких разных жанра. Хотя и для научной фантастики, и для фэнтези необходима определенная доля вымысла, они развиваются по совсем разным путям. Научная фантастика как будто продолжает линию развития современной ей науки, а фэнтези в этом не нуждается — зато нуждается в традиционных гномах, рыцарях,

магах и драконах. Величайших визионеров, работающих в этих жанрах, разделяют миллионы миль — например, Г. Уэллса и Дж. Р. Р. Толкина или Айзека Азимова и К. С. Льюиса. Когда-то давно люди верили, что на Марсе есть жизнь, и так появилась «Война миров», но на самом деле шедевр Уэллса повествует больше об уязвимости и научной наивности человечества, чем о жителях другой планеты. Именно поэтому книга до сих пор актуальна. И наоборот, в платяном шкафу нет никакой Нарнии с фавнами, говорящими львами и ледяными королевами (ну, не было, когда я проверял последний раз), так что «Хроники Нарнии» — это чистая фэнтези.

Можно возразить, что сюжет «Властелина колец» имеет много параллелей в реальной истории, напоминает о настоящих великих войнах и воителях, что в этой книге создан настоящий язык и что это легенда из тех, что передаются из уст в уста. Но хоббиты науке неизвестны, как и эльфы, и ходячие и говорящие деревья. «Властелин колец» — фэнтези. Я восхищаюсь Братством, я соглашусь, что честь и верность, описанные в величайшем романе Толкина, лежат в основе любой крепкой дружбы в нашем мире, но драконов все равно не существует. С другой стороны,

«Основание» Азимова повествует о реальных политических конфликтах в научно-фантастическом мире. Это настолько же умозрительно, насколько уэллсовский «Облик грядущего», но, в отличие от романа Уэллса, экранизации не поддается. Азимов, как и Роберт Хайнлайн, выносит политику во внешний космос и обнаруживает там еще более запутанные интриги, чем на Земле. Кто-то скажет, что Пратчетт точно так же вплетает политику в фэнтези, но разница в том, что события, описанные в научной фантастике, предположительно могут произойти, а события, описанные в фэнтези, — нет. Поэтому фэнтези может быть в лучшем случае сатирой.

Между фэнтези и научной фантастикой существует ощутимая разница, и эта идея красной нитью проходит через всю книгу. Да, между двумя жанрами можно провести параллели, но их аудитория не обязательно совпадает. Телесериал «Доктор Кто» — это не фэнтези, а научная фантастика, и всегда такой была. И наоборот, книгу вроде «Бесконечной истории» нельзя назвать научной фантастикой, потому что происходящее в ней невозможно в реальном мире. Значит, это фэнтези.

Иногда мысли автора могут показаться «фанта-

стичными», даже если он работает в жанре научной фантастики, но чаще всего это оказывается просто способностями автора к предвидению. Классический пример — это «Остров доктора Моро», в котором Герберт Уэллс предсказал появление генетической инженерии за много десятилетий до того, как о ней задумались на самом деле. Еще был Жюль Верн с его невероятными «Двадцатью тысячами лье под водой» — он предсказал появление подводного корабля, то есть атомной субмарины.

Важно понимать, что жанра существует два, и аудитории тоже две — они пересекаются примерно так же, как аудитории детективов и исторических романов. «А как же хоррор?» — слышится вопрос из зала. Да, он находится по соседству с полками фантастики/фэнтези и относится примерно к тому же департаменту, но, как ни странно, хоррор признается настоящей литературой. Это не такой бедный родственник, как научная фантастика и фэнтези. Я не прав? Тогда подумайте: Клайв Баркер может написать роман в жанре фэнтези или роман ужасов (но не научную фантастику) и оказаться в списке бестселлеров, потому что он известен как автор хоррора. Стивен Кинг возглавляет эти списки со

своими «Глазами дракона» или «Темной башней», и никого не волнует, что некоторые романы ужасов теперь называются «чиллерами».

Кто-то может сказать, что научная фантастика и ужасы — это один жанр или, по крайней мере, два очень близких. Честно говоря, в дни моей работы в журнале Book and Magazine Collector об этом спорили очень часто. Можно ли сравнить «Чужого» и «Мечтают ли андроиды об электроовцах»? Как ни странно, да — и то, и другое является научной фантастикой. Если ваш нежный желудок не выносит мыслей о пришельцах, которые убивают невинных людей и размножаются очень неприятным образом, и вы на этом основании ставите штамп «хоррор», значит, вы просто игнорируете ужасы матери нашей — Природы, в которой паучиха «черная вдова» убивает и съедает своего мужа сразу после спаривания (разве Чужой ведет себя не примерно так же?). Научная фантастика — это фантастика, основанная на науке. Где ужасы в «Автостопом по галактике»?

Всегда возможно смешение жанров, люди нарушают границы, но в основном хоррор — это хоррор, научная фантастика — это научная фантастика, а фэнтези — это фэнтези. У них есть свои традиции, отличительные черты и аудитории. С

этим придется смириться — особенно продавцам книжных магазинов, которые делают выкладки бестселлеров.

Раньше Пратчетт не попадал на эти полки, но теперь он занял там заслуженное место. Вместе со Стивеном Кингом, Джеймсом Гербертом и другими он попал в список авторов, которые приносят прибыль магазинам и издателям. А многие жанровые авторы все еще остаются в загоне. Почему? Судя по всему, это специфическая проблема Великобритании[6]. Книгу в жанре научной фантастики или фэнтези не принимают всерьез, в отличие от «взрослых» жанров вроде криминальной или исторической прозы. В США дело обстоит по-другому, потому что там у фэнтези и научной фантастики множество фанатов, так что к ней относятся серьезно. Жанр ужасов постепенно изменяется и приближается к жизни, становится более реалистичным — но при этом от него отделился жанр «ужастиков» или «чиллеров».

Эта книга — о жанре фэнтези и одном из главнейших его представителей, Терри Пратчетте, который заработал свое место в списках бестсел-

---

[6] Примечания: 6

В России эта проблема тоже весьма актуальна *(прим. пер.).*

леров и продолжает ломать границы избранного жанра.

Как говорил он сам, «научная фантастика — это часть фэнтези».

Впрочем, эту мысль следует обдумать. Я уже упоминал научно-фантастический сериал «Доктор Кто». Пратчетт раньше писал об этом сериале. Хотя он утверждает, что смотрел самый первый эпизод в 1963 году и продолжает смотреть сериал до сих пор, ему не очень нравилось, что Доктор постоянно выдумывает идиотские объяснения очередному спасению вселенной. Пратчетт объясняет, что логика некоторых решений Доктора слишком «фантазийна» для научной фантастики, так что на самом деле этот сериал принадлежит к жанру фэнтези. Как по мне, это яркий пример слияния жанров. Действие «Доктора Кто» происходит в космосе, это детский приключенческий сериал (так что в нем допустимо меньшее количество объяснений и большее количество допущений). Сериал рассказывает об инопланетянине с двумя сердцами, что само по себе маловероятно. Его корабль изнутри больше, чем снаружи — интересная научная гипотеза, — и он умеет менять внешность и регенерировать, когда его тело повреждено. Да, в основном это

научная фантастика, но… «А как же регенерация?» — спросите вы. Давайте посмотрим, что писал один из величайших авторов-мистиков Элджернон Блэквуд: «Нас уверяют, что все атомы тела обновляются раз в семь лет или около того, так что в двадцать восемь лет в нас не остается ничего от двадцатиоднолетнего, но наука никак не касается душевных изменений, а они, несомненно, куда значительнее… Я — тот человек, который написал эти рассказы много лет назад, или я кто-то другой?» (предисловие автора к избранным рассказам).

Я согласен, что звуковую отвертку в наши дни используют слишком часто, но основная проблема «Доктора Кто» в том, что это сериал с короткими сериями. Каждая история должна закончиться ровно за пятьдесят минут (или за два эпизода по пятьдесят минут, если вам повезло). За минувшие пятьдесят лет способности телезрителя к концентрации явно уменьшились. В шестидесятых Доктор легко мог растянуть одну историю на шесть-семь недель эпизодами по двадцать пять минут, но сегодняшний зритель такого не вынесет. Жизнь в двадцать первом веке движется куда быстрее, всем нужно развлечение прямо сейчас. Возможность скачать музыку и

кино лишила юных зрителей терпения: им не нужен буклет с текстами и красивыми картинками, прилагающийся к диску, им нужна только музыка в айподе, но немедленно. Им не нужен роман в твердой обложке, который можно поставить на полку и любоваться, им нужны буквы в Киндле[7]. Все нужно делать немедленно, и общество с этим тоже согласно.

Оказавшись в компьютеризованном, полувиртуальном мире, мы обнаружили, что телевизор и общество диктуют нам определенные вкусы (это если вы сможете заставить своих друзей снять наушники и поговорить с вами).

Люди сильнее погрузились в себя, молодежь прилипает к ноутбукам, чтобы поговорить с другом на Фейсбуке, несовершеннолетние убивают зомби и нацистских преступников на «плейстейшене», а потом обсуждают это в скайпе или печатают в мессенджерах до умопомрачения (наверняка это вредно для маникюра).

Традиционные ценности изменились. Пластинки проиграли компакт-дискам, а теперь компакт-диски проигрывают файлам. DVD сменили видеокассеты, а теперь скачанные файлы

---

[7] Примечания: 7
Электронная книга (*прим. ред.*).

сменяют DVD. В конце концов старая добрая книга тоже сдастся перед файлами. Менее очевидные традиции тоже уходят (или эволюционируют?). Фотоальбом больше не занимает достойного места на книжной полке, он лежит в виртуальной библиотеке в компьютере. Часы переползли с запястья на дисплей телефона. Проблема в том, что довольно скоро дети не будут уметь определять время по обычному циферблату.

Являются ли мои слова научной фантастикой? В некотором роде. Это предсказание ближайшего будущего, отнюдь не фантазийное. Я же не говорю, что в каждом доме поселится красный дракон, который будет говорить время, что телевидение будет проведено прямо в головы зрителям органическими кабелями, контролировать вещание будут голубые пикси-фанаты «Лед Зеппелин» или что плоский диск мира покоится на спинах четырех слонов, стоящих на огромной черепахе, которая плывет по космосу.

Мой анализ различных жанров, приведенный в этой книге, базируется на том, что я изложил выше. Я приношу свои извинения книжным магазинам за любые доставленные неудобства, но существует жанровое разделение, и Пратчетту это тоже известно. И снова вопрос из зала: если

черепаха путешествует по космосу, значит, книги о Плоском мире — это научная фантастика или хотя бы смешение жанров?

Я категорически не согласен. Фэнтези там намного больше, чем научной фантастики. В романах о Плоском мире никто не изучает космос. Там есть волшебники (в том числе женщина), ведьмы, драконы, гномы, гоблины и вообще гораздо больше вымышленных существ, чем научно-фантастических элементов. Чтобы понять Плоский мир, жизнь и работу Терри Пратчетта, нужно прочувствовать то, на чем построена его страсть к писательству, и то, на чем выстроена самая знаменитая серия романов. И это фэнтези. Хотя в его жизни и анализе его работ нет ничего фантастического. И если высоколобые книжные магазины отказываются ставить фэнтези на полку с бестселлерами, они явно не замечают, что это один из самых популярных жанров в мире, и не удовлетворяют нужду покупателя в экскапизме, неизбежную в наши суровые времена. Неудивительно, что столько людей покупает книги в интернете. Возможность просматривать книги в магазине уходит в прошлое, магазины рано или поздно вымрут, и вкусы людей наверняка конкретизируются. Эклектичное потребление

закончится, и фэнтези вполне может стать важнейшим жанром, который научит людей снова пользоваться воображением, сделать шаг прочь от машин, с которыми они сейчас так по-рабски заигрывают.

Я помню, как журнал об издательской индустрии, The Bookseller, мечтал о чем-нибудь, что может оторвать детей от компьютерных игр. Казалось, что уже все пропало, но тут появилась Дж. К. Роулинг с Гарри Поттером. В это время Пратчетт был самым популярным писателем в стране. А теперь два самых популярных автора Великобритании пишут фэнтези. И, кстати, вот вам интересный факт — книги о Гарри Поттере стоят не в разделе фантастики и фэнтези, и не в разделе с детскими книгами, и даже не в разделе художественной литературы. Они занимают полки для бестселлеров.

Жанры очень важны. Они помогают определить, что нам, потребителям, нужно для развлечения, и позволяют надеяться, что книжные магазины наконец оценят важность и популярность фэнтези и отнесутся к этому жанру с уважением, которого он заслуживает. Да, у людей есть свое понимание фэнтези, и это может мутить воду, но прятать великие романы, написанные в

этом жанре, нельзя. В любом книжном магазине должен быть отдел фэнтези, где будут стоять не только книжки про меч и магию, но и те вещи, которые я перечислил в списке «Что почитать» в конце этой книги. О фэнтези часто думают неправильно. Совершенно не все женщины там носят обтягивающую кожаную одежду и короткие кольчуги. По крайней мере, этого не делали Алиса в стране чудес, Гермиона Грейнджер или женщины и дети города Гаммельна.

> «Наконец он вздрогнул и протер глаза. Он до того увлекся только что виденным, этим романом новых дней, что, очнувшись в бело-зеленых комнатах, был удивлен не меньше, чем после своего первого пробуждения».
>
> ***Герберт Уэллс, «Когда спящий проснется»***[8]

[8] Примечания: 8
Цит. по пер. Е. Бируковой.

Часть первая
Дорога мечты

«Но мы не в ответе за все Эпохи, мы призваны защитить нашу Эпоху, наши годы, без устали выкорчевывая знакомые нам злые побеги на знакомых полях, дабы оставить идущим за нами добрую пажить для сева. А будет ли орошать ее ласковый дождик или сечь суровый град – решать не нам».

Дж. Р. Р. Толкин, «Властелин колец» «Возвращение короля»

Глава первая
Начало

Терри Дэвид Джон Пратчетт родился 28 апреля 1948 года в городке Биконсфилд в Бакингемшире. Он был единственным ребенком Дэвида и Эйлин Пратчетт, происходивших из Хей-он-Уай. Отец Терри был инженером, а мать — секретаршей. В 1957 году семья переехала в Бриджуотер в графстве Сомерсет, но ненадолго. В 1959 году Пратчетт окончил начальную школу, сдал экзамен «11+» и поступил в Высшую техническую школу Уикома на Истон-Стрит в Хай-Уикоме[9]. Он мог пойти в классическую среднюю школу, но не имел ни малейшего желания заниматься наукой. В «Кто есть кто» Пратчетт утверждает, что получил образование в публичной библиотеке Биконсфилда. В этом несколько легкомысленном замечании есть доля истины, поскольку именно там он начал читать фантастические рассказы и пристрастился к чтению. «Я стал читателем к десяти

[9] Примечания: 9

В 1966 году, вскоре после того как Пратчетт ушел из школы, она переехала на Марлов-Хилл. Сейчас она носит название Средней школы Джона Хэмпдена *(прим. авт.).*

годам и так никогда и не остановился, — говорит он, — как и многие писатели, я постоянно читаю самые разные книги…» Что это за книги? Пратчетт утверждал, что на его собственный стиль огромное влияние оказал «Ветер в ивах» Кеннета Грэма, но в целом он был ненасытным и не очень разборчивым читателем. Он говорил, что к двенадцати годам прочитал все вышедшие к тому моменту романы о Джеймсе Бонде (в основном это были романы самого Яна Флеминга).

Став подростком, Пратчетт начал подрабатывать в библиотеке по выходным. Ему за это не платили, зато, по его словам, закрывали глаза на то, что у него было «примерно двести пятьдесят шесть читательских билетов». Дважды в неделю он уносил с собой две огромные сумки книг. Так что библиотеке он действительно обязан изрядной частью своего образования. Как он сам вспоминает: «Однажды библиотекарша вручила мне три книги, связанные веревочкой, и сказала: „Думаю, это как раз для тебя“. Это оказался „Властелин колец“, которого я прочитал за сутки».

Влияние «Властелина колец» на Пратчетта сложно переоценить. Чаще всего он говорил о предубеждениях и предопределенности в этой книге. «Помню, мне всегда было жаль орков…

Эльфы всегда стояли выше всех, люди впадали в немилость, но хуже орков не было никого, и искупления им ждать не приходилось».

Пратчетт всегда обладал пытливым умом. Его отношение к разным расам во «Властелине колец» привело к тому, что разным культурам Плоского мира он сочувствовал одинаково.

> «Ринсвинд всегда любил скуку, ценил ее уже хотя бы потому, что она была такой редкостью… Однажды, увы, весьма недолго, Ринсвинд работал помощником библиотекаря Незримого Университета, и вот это время он вспоминал с неизбывной нежностью. Ему почти ничего не надо было делать, кроме как читать книжки…»[10].

«Эрик, а также Ночная стража, ведьмы и Коэн-Варвар»

Услышав, как Пратчетт вспоминает свою книжную юность, можно понять и оценить, как важны для него были книги и что привело его к писательству. «Нельзя слишком часто повторять, что, прежде чем стать писателем, нужно стать

---

[10] Примечания: 10

Здесь и далее этот роман цит. по пер. И. Кравцовой, А. Жикаренцева.

читателем, и читать все подряд», — утверждал он, и в этом замечании немало правды.

Хотя Пратчетт читал очень много книг во всех возможных жанрах, сильнее всего его впечатлили два жанра. «К чтению меня приучили научная фантастика и фэнтези. Авторы научной фантастики — настоящие барахольщики».

> «Ракетные корабли не преодолевали пространство, они только бросили ему вызов. Ракета, покидающая Землю со скоростью семь миль в секунду, движется ужасающе медленно в сравнении с необузданным пространством. Только Луна сравнительно близка – около четырех дней пути: Марс находился на расстоянии тридцати семи недель, Сатурн – почти шести лет, Плутон достижим за полстолетия по тем эллиптическим орбитам, которые доступны ракетам»[11].
>
> ***Роберт Хайнлайн, «Тоннель в небе»***

Изучение космоса, описанное великими фантастами, в сочетании с ранней любовью к астрономии свели юного Пратчетта с ума. Его второй и

---

[11] Примечания: 11
Цит. по пер. Л. Беляевой.

третий роман («Темная сторона Солнца» и «Страта») относятся скорее к научной фантастике, чем к фэнтези.

> «В обсерватории стало тихо, огонь в фонаре постепенно меркнул. Далеко в лесу какой-то зверь порою рычал от страха или боли или звал свою самку, а у хижин переговаривались слуги-малайцы. Вот один из них затянул странную песню, которую время от времени подхватывали остальные»[12].

Герберт Уэллс, «В обсерватории Аву»

Авторы научной фантастики показали Пратчетту множество новых возможностей. Как объяснял он сам: «Они вводили в свои книги самые разные интересные темы и идеи, и оказалось, что от фэнтези и научной фантастики всего один шаг до фольклора, мифологии, древней истории и философии».

Если свободное время Пратчетт делил между местной библиотекой и букинистическим магазином (еще одно его любимое место), то чем же он занимался в школе? Дети, которые много чи-

---

[12] Примечания: 12
Цит. по пер. Э. Березиной.

тают, обычно бывают тихонями. Часто их травят в классе. Но Пратчетт был довольно популярен, потому что считался записным шутником. Он сочинял истории, которые смешили остальных детей. Судя по всему, так случается со многими будущими писателями.

Пратчетт вспоминает, что часто рисовал в школьных тетрадях каких-то персонажей и иногда писал маленькие отрывки текста. Впоследствии эти отрывки иногда всплывали в его романах. Один из рассказов, который он написал (рассказ утрачен навсегда), представлял собой смесь Дж. Р. Р. Толкина и Джейн Остин. Там был особенно удачный кусочек, где орки захватили дом приходского священника.

Все это помогает нам понять, как развивался странный стиль Пратчетта в его юности: он любил фэнтези, любил писать, обладал великолепным чувством юмора, а еще — и это важнее всего — имел склонность к пародии. Он рискнул соединить одну из величайших книг двадцатого века, «Властелин колец», с проверенной классикой.

«…[ей] иногда казалось, что она перенеслась в роман Джейн Остин, персонажи которого почему-то очень легко одеты»[13].

«Народ, или Когда-то мы были дельфинами»

Проделал ли Пратчетт то же самое, когда писал первый роман о Плоском мире?

Нет. К этому моменту он продвинулся дальше и пародировал уже жанр фэнтези в целом, только слегка намекая на героев классики.

Что еще сделала Высшая техническая школа Уикома для развития талантов Пратчетта? Или она только предоставляла ему возможность развлекать одноклассников своими литературными опытами?

Пратчетт вспоминает, что в его школьной характеристике говорилось, что у него хорошее воображение, но при этом она касалась скорее негативных аспектов его школьной жизни. Например, там было написано «ему следует быть более внимательным на уроках», а не «он рожден, чтобы стать знаменитым писателем». Впрочем,

---

[13] Примечания: 13
Цит. по пер. Т. Боровиковой.

его талант в школе явно не душили. Первый свой рассказ он написал в тринадцать лет, и его опубликовали в школьном журнале («Адский бизнес», 1961). Правда, учителю моральная направленность рассказа не понравилась. Почему? Ну, сюжет в нем несколько нетрадиционный, особенно для тринадцатилетнего ребенка. У Дьявола возникают проблемы с поиском душ для ада, поэтому он решает найти делового партнера и построить адский парк развлечений, куда будут приходить люди. Парк становится настолько успешным, что Дьявол сам уходит из ада в рай в поисках тишины и покоя.

Мне кажется, что здесь, как и в других его рассказах шестидесятых годов, есть некий скрытый смысл. Что-нибудь вроде «Обманом не разбогатеешь!». Так что я уверен, что учитель должен был заметить, что у текста есть и достоинства[14]. Несмотря на сомнения учителя, в школьном журнале были опубликованы и другие тексты, например «Решение» и «Картина»[15]. Два года

[14] Примечания: 14

Некоторые также видят в этом рассказе сходство с четвертым романом о Плоском мире, «Мор, ученик Смерти».

[15] Примечания: 15

Эти два рассказа точно были опубликованы. Поскольку Пратчетт не хранил эти журналы, мы не знаем, появлялись ли в печати другие тексты.

спустя (в 1963 году) «Адский бизнес» напечатали в журнале Science Fantasy. На гонорар Пратчетт решил купить себе пишущую машинку.

Публикация в этом журнале — солидное достижение. К августу 1963 года журнал выходил уже двенадцатый год и пользовался большой популярностью. В томе двадцатом, номере шестидесятом (вместе с Пратчеттом) были напечатаны рассказ Мервина Пика «В то же время в том же месте» и отзыв Майкла Муркока на этот рассказ.

Появление на страницах этого журнала в возрасте пятнадцати лет нельзя недооценивать. Уже тот факт, что Пратчетт отправил туда рассказ, показывает, что он верил в себя и собирался стать серьезным писателем. Покупка пишущей машинки также это подтверждала. Довольно впечатляющий и однозначный поступок для подростка. Впрочем, при этом Пратчетт смотрел в будущее разумно. «Когда я был мальчиком и хотел стать писателем, я неоднократно читал, что шансы заработать этим на жизнь так малы, что ими стоит пренебречь», — вспоминает он. Но мечта никуда не девалась.

«Как ребенок теряется в безбрежном лабиринте темнеющего леса – так затерялся и Титус в неисследованной дичи давно позабытых мест. Как ребенок может в изумлении и страхе вглядываться в наполненный сумраком и молчанием путь, а после, вертя головой, в другой и в третий – так и Титус, в страхе, с бьющимся сердцем вглядывался в пути и дорожки, ведущие через камень».

Мервин Пик, «Горменгаст»

До публикации «Адского бизнеса» Пратчетт никак не показывал, чему хочет посвятить свою жизнь. Если оглядываться назад, превращение из запойного читателя в писателя кажется вполне естественным, но он подумал о том, чтобы стать писателем, уже добившись определенного успеха. Его не отвергали, а наоборот, поддерживали.

Пратчетт описывал себя как «агрессивного» ребенка. Нет, он не был озорником — был только упрямцем. Он знал, чего хочет, и готов был к этому идти. Это видно по многим поступкам его юности, от прочтения «Властелина колец» за один присест до упорной учебы в школе. Казалось, он инстинктивно чувствовал, что важно в

его жизни.

Хорошо ли учился Пратчетт? До некоторой степени да, но, как он объяснял потом, математика давалась ему тяжело, так что ему даже пришлось отказаться от детской мечты стать астрономом, потому что астрономы должны хорошо считать.

Он предпочитал более творческие занятия. В школе ему нравились уроки технологии (особенно он любил работать с деревом), а не сугубо академические предметы вроде математики или латыни. Кроме школы, Пратчетт вместе с отцом состоял в Чилтернском клубе радиолюбителей (с начала шестидесятых). Их общее чувство юмора было очевидно уже по их позывному: «Самогон R1155».

Учитывая любовь к технике и любовь к работе с деревом, можно было бы предположить, что Пратчетту суждена более практичная карьера, чем писательство. Но оказалось, что все это было всего лишь хобби и топливом для активного воображения.

Юный Пратчетт продолжал хорошо учиться в школе. Он сдал пять экзаменов уровня O-level и поступил на курсы уровня A-level по искусству, истории и английскому языку, а потом узнал, что в «Бакс фри пресс», местной газете, есть вакансия.

Посоветовавшись с родителями, он отправился на собеседование, получил эту работу и бросил школу в 1965 году.

Начав работать в газете, он понял, что его образование далеко от завершения. Ему пришлось взять двухлетний курс журналистики от Национального совета по образованию журналистов, на котором он оказался лучшим в стране. Как будто этого было недостаточно, он сдал экзамен уровня A-level по английскому языку, взяв выходной (это был единственный экзамен этого уровня, который он вообще сдал).

Журналистика давалась Пратчетту легко. Он считал себя «прирожденным журналистом» и обожал колотить по клавишам машинки. Нельзя с этим не согласиться — в ноябре 1965 года рассказ Пратчетта «Ночной житель» был опубликован в антологии «Новые миры научной фантастики» под редакцией Майкла Муркока[16]. Этот рассказ нельзя считать важным этапом творчества автора. Несколько экземпляров дошли до нас благодаря букинистам, но сегодня этот рассказ выглядит бледновато, и от него не в восторге даже самые ярые фанаты. Но он показывает, что

[16] Примечания: 16

Иногда эту антологию называют «Обломки времени», потому что на обложке использована иллюстрация к этой вещи Муркока.

Пратчетт рассылал свои рассказы в издательства и что вскоре после окончания средней школы он второй раз добился успеха.

Энтузиазм, задор и способности Пратчетта снова принесли дивиденды, и его писательский талант не остался не замеченным в «Бакс фри пресс». Очень скоро он стал вести собственную колонку, «Сказки дядюшки Джима», в детском разделе.

С 8 октября 1965 года по 17 июля 1970 года Пратчетт писал рассказы для детей, иногда с продолжением. Всего он написал 67 рассказов в двухстах сорока семи эпизодах, все — в жанре фэнтези. Ни один из них не имел названия. Они никогда не выходили под одной обложкой, но большую их часть можно найти на сайте www.terrypratchett.weebly.com (теперь они получили названия). Некоторые рассказы представлены в виде сканов оригинальных газетных страниц и в текстовом формате. Ни один из них не был подписан, но в них действуют Люди ковра и другие герои, очень типичные для Пратчетта. Очевидно, что остроумие и мудрость Плоского мира появились за годы до него самого.

Читая эти рассказы, уже видишь того Пратчетта, которого мы узнали и полюбили потом, так

что они заслуживают анализа.

> «И, похватав топоры, они двинулись в ковер, нарубить крупных ворсинок и отстроить деревню».

Безымянный рассказ для «Бакс фри пресс»

8 октября 1965 года Пратчетт начал писать повесть в двенадцати частях, ставшую первой версией «Людей ковра». Она начинается с того, что с сигареты падает пепел, который замечает один из Людей ковра. Он стоит, прислонившись к ворсинке, «которая для него казалась огромной, как дерево».

История несется с места в карьер, но тогда было нельзя по-другому. Каждая часть сказок дядюшки Джима заняла бы примерно один лист А4 через одинарный интервал. Так что Пратчетту приходилось захватывать аудиторию с первых слов. Дядюшка Джим и ограничения детского раздела хорошо его этому научили.

В дядюшке Джиме есть что-то от дядюшки Римуса. Порой так и кажется, что сейчас появится Братец Кролик. Впрочем, это вполне возможно, таковы уж герои Пратчетта. В третьем абзаце первой версии «Людей ковра» мы читаем: «…ко-

вер был больше леса, там стояли города, деревни и замки, и жило множество крошечных существ, в том числе хитроумные волосатые бандиты в самых густых участках…». За восемнадцать лет до выхода первого романа о Плоском мире уже появился плоский мир, ковер, в котором обитали вымышленные существа, — что это, как не фантастика?

Конечно, рассказы, которые Пратчетт писал для «Бакс фри пресс», были скорее сказками. Можно сказать, что он переосмыслял сказки братьев Гримм, делая их значительно менее страшными и поучительными.

Аналогия с братьями Гримм вообще интересна, потому что именно из старинной народной сказки родилась потом фэнтези. Эндрю Лэнг в самом конце Викторианской эпохи составил свои разноцветные книги сказок, а Артур Рэкем пошел еще дальше, проиллюстрировав половину классической литературы, от «Сказок братьев Гримм» до «Сна в летнюю ночь», очень чувствен-

ными феями[17]. Пратчетт прекрасно знал обо всем этом и пользовался элементами сказок и фэнтези в своих работах, а также пародировал их. Он прекрасно изучил материал и поэтому мог избегать фэнтези-элементов или, наоборот, использовать их как можно больше. Но, сочиняя для «Бакс фри пресс», чаще всего он избегал традиционного фэнтези, хотя порой все же не мог без него обойтись.

31 декабря 1965 года он начал рассказ в двух частях, посвященный фабрике (закончен рассказ был 7 января 1966 года). Первое, что мы узнаем, — это то, что в чае, приготовленном подмастерьями, ложка стоит — такой он крепкий. Тут есть и юмор, и суровые уроки, преподанные жизнью. Первая часть рассказа заканчивается тем, что фабрика, производящая булавки определенного типа (возможно, потом отсюда появился обожающий булавки почтальон из «Опочтарения»), разорится, поскольку не может производить булавки массово. Честно говоря, она производит

[17] Примечания: 17

12 книг, входящих в «разноцветную» серию Эндрю Лэнга, очень важны для изучения народных сказок. Многие из них были впервые опубликованы Лэнгом. Некоторые перевела его жена. Полное собрание первых изданий весьма ценится коллекционерами. Эти книги упомянуты в разделе «Что почитать» вместе с другими ключевыми работами жанра фэнтези.

всего одну булавку в год, а новая фабрика через дорогу — пятьдесят тысяч булавок в секунду.

Мораль рассказа заключается в том, что единственную булавку, которая производится за год, использует специальная машина, которая ее и производит. Больше никому такие булавки не нужны, и фабрика через дорогу разоряется из-за своей жадности. Они не провели никаких исследований рынка и не узнали, что на их продукцию нет никакого спроса.

Эта симпатичная история с моралью сочетает оригинальность и поучительность примерно в той же степени, как и лучшие детские романы Роальда Даля. Не будем только забывать о том, что до главного романа Даля оставалось еще два года.

Пратчетт мгновенно нашел нужный тон для дядюшки Джима. Он часто говорил, что работа журналистом помогла ему стать писателем. Особенно это заметно по рассказам для детей.

Среди важных сказок дядюшки Джима стоит назвать еще один рассказ в одной части, вышедший 11 февраля 1966 года. Он важен тем, что демонстрирует интерес Пратчетта к историческим событиям и их переосмыслению в юмористическом ключе. Действие рассказа про-

исходит во время Промышленной революции. Изамбард Кингдом Брюнель (викторианский инженер, занимавшийся железными дорогами и пароходами) становится Изомбардом Нонсенсом Туннелем, изобретателем Парового дома. В этом весь Пратчетт и его чувство смешного, а заодно способность переворачивать исторические факты с ног на голову и создавать при этом короткие остроумные истории.

> «Что нам нужно изобрести, – говорит Туннель людям на фабрике, – так это то, что будет работать лучше этого вашего новомодного электричества и обойдется при этом дешевле».
>
> ***Из рассказа для «Бакс фри пресс», 11 февраля 1966 года***

Мы видим, что дядюшка Джим научил Пратчетта писать сжато и точно — причиной тому ограничение длины каждого рассказа. Хотя сейчас рассказы для «Бакс фри пресс» почти неизвестны, все же их стоит почитать, хотя бы смеха ради.

Очевидно, что сердце Пратчетта принадлежало фэнтези и научной фантастике. Он признавался, что посмотрел самый первый эпизод «Доктора

Кто» 23 ноября 1963 года. При этом он продолжал очень много читать. Сочетание телевидения и литературы, а также кинематограф были очень важны для него.

Всем многообещающим авторам предлагают писать о том, что они знают, и Пратчетт так и поступал с самого первого дня. Он прочитал «Ветер в ивах» и «Властелина колец» еще в школе, и знакомство с жанром фэнтези очень помогло ему, когда он начал работать в газете. Его «упрямство» (назовем его целеустремленностью) заставляло его писать, хотя Плоский мир он сумел придумать только через пятнадцать лет. К этому моменту он отказался от идеи штамповать проверенные фэнтези-сюжеты. Он перерос все эти клише и не боялся говорить этого вслух.

«Мозг у влюбленных и безумцев пылок,
Их властная мечта объемлет больше,
Чем хладный разум мог бы воспринять.
Безумец, и влюбленный, и поэт
Пронизаны насквозь воображеньем»[18].

Уияльм Шекспир, «Сон в летнюю ночь»

---

[18] Примечания: 18
Цит. по пер. М. Лозинского.

Глава вторая
Что случилось потом

«Я никогда не рассчитывал заработать».

Терри Пратчетт

В октябре 1968 года Пратчетт обвенчался с Лин Первс в конгрегационалистской церкви в Джеррардс Кросс в Бакингемшире. Ему было двадцать лет, и его жизнь неслась вперед на всех парах. Он все еще вел свою колонку в «Бакс фри пресс», писал там же новости и статьи. Незадолго до своей женитьбы он брал интервью у Петера Вандера ван Дурена, директора издательства «Колин Смайт Лимитед». Ван Дурен редактировал книгу об изменении системы образования в следующие десять лет («Что нас ждет в семидесятых»). Во время интервью Пратчетт рассказал ван Дурену, что написал роман под названием «Люди ковра» и просит рассмотреть возможность его публикации. Ван Дурен сказал, что это может быть интересно, и передал рукопись своему коллеге Колину Смайту.

Смайт очень быстро понял, что им в руки по-

пался очень талантливый юноша, и попросил Пратчетта сделать примерно тридцать иллюстраций к роману. 1969–1970-е годы Пратчетт посвятил созданию иллюстраций. Книга вышла из печати через месяц после третьей годовщины свадьбы, в ноябре 1971 года.

Смайт и ван Дурен написали аннотацию, очень соблазнительную для юных читателей: *«В любом ковре есть магия. У вас под ногами существуют города и деревни. Люди, населяющие их, так малы, что каждая шерстинка высится над ними, как огромное дерево».*

Сейчас эта практика почти исчезла, но вплоть до третьего тысячелетия издатели обычно проводили презентации новых интересных книг. Журналистов, редакторов и рецензентов приглашали выпить бокал-другой и познакомиться с автором. Презентация «Людей ковра» прошла в отделе ковров роскошного мебельного магазина «Хилс» на Тотенхем-корт роуд в Лондоне. Все книготорговцы получили голубые приглашения, раздаточные материалы иллюстрировал сам Пратчетт, а угощали гостей коктейлем под названием «Суть ковра» (его рецепт ныне утрачен). Перед коврами были выставлены огромные изображения людей ковра. Пратчетт нарисовал

своих героев и на листках поменьше — для детей, которые вместе с родителями пришли на эту веселую презентацию.

Пратчетт подписывал книги для участников. В экземпляре Колина Смайта он написал: «…Пусть эта книга заработает кучу денег! С наилучшими пожеланиями, Терри, 16 сентября 1971 года». А еще он раскрасил все иллюстрации в экземплярах Смайта и ван Дурена вручную, акварелью, и добавил в них комментарии и дополнительные картинки.

«Люди ковра» были напечатаны тиражом в 3000 копий. На черной суперобложке красовалось цветное изображение жителей ковра, поедающих кусочек сахара, — рисунок принадлежал опять же Пратчетту. Сама обложка была бронзово-зеленой. Очень симпатичный, но тоненький томик.

Книга понравилась, но рецензий появилось немного. Эти рецензии были положительными, но они не смогли стимулировать продажи. Большая часть тиража была распродана в библиотеки, поэтому сейчас первое издание в хорошем состоянии — большая редкость. Часть тиража ушла в Северную Америку — с этих книг срезали оригинальный британский ценник (1,9 фунта).

Эти экземпляры ценятся меньше британских, с ценником.

Первый роман Пратчетта залежался в магазинах надолго. Его постоянно уценяли, пока наконец не распродали. Сейчас коллекционеры охотятся за очень редкими экземплярами — примерно дюжиной, в которых Пратчетт раскрасил некоторые иллюстрации. Все иллюстрации он раскрасил всего в двух книгах.

Сам Пратчетт называет свой первый роман «„Властелином колец“ под микроскопом». По «Людям ковра» очевидно, как десять лет поглощения фэнтези повлияли на стиль автора.

Интересно, что после этого события молодой человек не бросился писать романы. Он был журналистом и любил свою работу. Писательство стало всего лишь хобби для долгих зимних вечеров. Еще он любил рисовать и писать красками. Иллюстрации к собственному роману стали главным его достижением в этой области — не зря он когда-то давно сдавал в школе экзамен по рисованию.

28 сентября 1970 года Пратчетт перешел из «Бакс фри пресс» в «Вестерн дейли пресс». Он вернулся в «Бакс» в 1972 году, на этот раз младшим редактором. 3 сентября 1973 года он снова

сменил работу, уйдя в «Бат ивнинг хроникл». Он все еще общался с «Колин Смайт Лимитед», ходил на презентации книг и рисовал комиксы — до 1975 года он ежемесячно делал комиксы для их ежемесячного журнала «Паранормальные исследования». Серия была посвящена работе вымышленного правительственного органа, занимающегося исследованием паранормальных явлений, Уорлок-Холла. Можно представить, как нравилось Пратчетту сочинять сатирические подписи к картинкам. Он проиллюстрировал семнадцать выпусков журнала, и это одна из наименее известных его работ.

Важно понять, что Пратчетт очень любил живопись. Он проиллюстрировал свой первый роман, рисовал для детей на его презентации, делал комиксы для журнала. Сейчас обложки Джона Кирби привлекают внимание к Плоскому миру не меньше самих романов, и любой читатель легко может представить, как выглядят герои Пратчетта. Не стоит недооценивать важность изобразительного искусства в жизни Пратчетта.

Кто-то может сказать, что до семидесятых годов Пратчетт не писал фэнтези. «Люди ковра» были написаны в конце шестидесятых, а его следующий роман — единственный, написанный в

семидесятые годы, — «Темная сторона солнца», стал явной попыткой в жанре научной фантастики. Свою вторую книгу он писал вечерами. Она вышла в издательстве Колина Смайта в 1976 году, вскоре после рождения Рианны, дочери Пратчетта. До конца семидесятых он делал карьеру в журналистике и воспитывал дочь, а также возился в саду — одно из его любимых занятий. Писать ему приходилось целыми днями, и естественно, что он хотел отдохнуть от этого и провести время с семьей. Бросив журналистику, он немедленно принялся писать романы.

> «Однако он утверждает, что эти цветочки придают нашей конторе открытый и дружественный вид. Открытый и дружественный вид! Садоводы-любители, не в силах снести это зрелище, рыдают в голос!»
>
> ***«Эрик, а также Ночная стража, ведьмы и Коэн-Варвар»***

Глава третья
Как по волшебству

«Строго говоря, я гуманист. Я не верю в бородатого старика в небе, зато верю, что в мире существует порядок».

Терри Пратчетт

Если «Пинк Флойд» хотели увести слушателей на темную сторону луны, то Пратчетта интересовала темная сторона солнца. Правда, «Пинк Флойд» не пояснили, какая луна имеется в виду, но ведь и Пратчетт не сказал, что это за солнце.

Хотя Пратчетт был влюблен в жанр фэнтези, научную фантастику он тоже любил, и его второй роман, «Темная сторона солнца», ясно это показывает. Это совсем тоненькая книжка, как и все его ранние вещи (в это время Пратчетт работал на полную ставку), но при этом в «Темной стороне солнца» высмеивается не меньше штампов научной фантастики, чем клише жанра фэнтези в романах о Плоском мире[19].

В шестидесятых Пратчетт читал всю фэнтези и научную фантастику, до которых мог добрать-

[19] Примечания: 19
Пратчетт также нарисовал суперобложку для этого романа.

ся, и занимался журналистикой. Еще он был автором коротких фэнтези-рассказов, которые начал сочинять еще в школе и продолжил писать для колонки дядюшки Джима. В этой колонке впервые появились люди ковра, и в начале семидесятых вышел его первый роман. Талант Пратчетта развивался естественным путем.

Между выходом «Людей ковра» (1971) и «Темной стороны солнца» (1976) прошло пять лет, но нельзя забывать, что Пратчетт был профессиональным журналистом, обремененным семьей, и книги были для него всего лишь хобби. Они не приносили серьезных денег вплоть до выхода «Мора, ученика Смерти» в 1987 году, через двадцать лет после дядюшки Джима. Впрочем, денег Пратчетт и не ждал.

События семидесятых годов привели к появлению романов о Плоском мире. «Темная сторона солнца» помогла ему оставаться в форме, а в начале восьмидесятых Пратчетт бросил журналистику, и у него появилось время для второго научно-фантастического романа, «Страты». Действие этой книги, как и действие «Людей ковра», происходит в плоском мире. Но прежде чем перейти к эпохе после журналистики, давайте посмотрим на «Темную сторону солнца», потому

что она позволяет поразмыслить над разницей между фэнтези и научной фантастикой и мнением Пратчетта на эту тему.

> «Глубоко вздохнув, Редактор встал.
>
> – Какая жалость, что вы не пишете статей, – сказал он, кладя руку на плечо Путешественника по Времени»[20].

Герберт Уэллс, «Машина времени»

Очевидно, что эти два жанра имеют разные источники, разных авторов, разные штампы и разные ожидания читателей. Научно-фантастический роман родился во время Промышленной революции, когда викторианцы начали размышлять о перспективах науки, узнали об открытиях ученых, инженеров и астрономов. Это современный жанр, примерно как авиация — современная часть армии. Можно оглянуться назад и сказать, что средневековые ученые — те, что становились придворными врачами, побывав до этого травниками, друидами, волшебниками и некромантами — были осью, вокруг которой вращались не только научная фантастика и фэнтези, но и почти любая сказочная и фантастическая литература.

---

[20] Примечания: 20
Цит. по пер. К. Морозовой.

Потому что если прибавить к ним немного рыцарей и немного романтики, получится почти классическое фэнтези, которому нужны еще драконы и приключения. Как говорил сам Пратчетт: «Добавьте в историю дракона, и все решат, что это фэнтези» («Стража! Стража!»). Это утверждение не лишено истины, но старинные жанры готического романа, макабрической и «темной» литературы, которые теперь стали поджанрами хоррора, — это скорее фэнтези, чем научная фантастика.

Пратчетт полагает, что научная фантастика — это поджанр фэнтези, но я с ним не согласен. Да, случается, что один разделяется на два, но это будут два отдельных жанра, а не жанр и его поджанр. В девятнадцатом и двадцатом веках оба эти жанра активно развивались в литературе, а потом в кинематографе. Конечно, некоторые голливудские режиссеры интерпретируют жанры по-своему или вовсе придумывают свои, поэтому в киноиндустрии жанры выделить сложнее. Идеальный пример — это работы Г. Ф. Лавкрафта. В 1931 году он написал новеллу «Хребты безумия». Она рассказывает об экспедиции в Антарктиду, в районы, частично исследованные Шеклтоном, Амундсеном и Скоттом. Экспедиция обнаружи-

вает древний город, похороненный во льдах. Ученых поражает его письменность и архитектура, но по мере того, как они продолжают исследования, напряжение и ужас становятся все ощутимее.

> «Теперь, когда мы с Денфортом воочию увидели блестящую, маслянистую черную слизь, плотно обволакивающую обезглавленные тела, когда в полную силу вдохнули этот ни на что не похожий мерзкий запах, источник которого мог себе представить только человек с больным воображением, – исходил он от слизи, которая не только осела на телах, но и поблескивала точечным орнаментом на грубо и вульгарно переиначенных картушах, – лишь теперь мы всем своим существом прочувствовали, что такое поистине космический страх. Мы уже не боялись тех, четверых, которые сгинули неведомо где и вряд ли представляли теперь опасность. Бедняги!»[21]

Говард Лавкрафт, «Хребты безумия»

---

[21] Примечания: 21
Цит. по пер. В. Бернацкой.

Эта цитата могла бы описывать один из фильмов про Чужого. Любой читатель знает, что в темноте героев ожидает нечто зловещее, что невыразимо ужасное создание нападет на ученых и им придется пробиваться обратно к цивилизации. «Чужой» как он есть.

«Хребты безумия» не сразу добились популярности, но сильно повлияли на жанр научной фантастики. Судя по всему, именно с этого момента ее стали сочетать с хоррором. Очевидно, что на все творчество Лавкрафта оказал сильное влияние первый настоящий автор ужасов, Эдгар Аллан По, но какими научно-фантастическими фильмами мы обязаны уже Лавкрафту? Стоит назвать «Нечто из иного мира» (1951) и ремейк Джона Карпентера «Нечто», снятый в 1982 году. Важнейшая сюжетная схема этой истории — постепенное убийство главных героев. Сначала их было тринадцать, потом осталось двенадцать, одиннадцать, десять, девять, восемь… следы этого мы потом увидели во франшизе «Чужой». Но на этом все не заканчивается. Лавкрафт первым придумал описывать ужасы, происходящие в далеких и опасных местах.

Традицию подхватил научно-фантастический фильм «Чудовище с глубины 20 000 саженей»

(1953), действие которого происходит в Арктике, потом последовала «Тварь из черной лагуны» (1954) и Амазонка, и наконец, Гималаи и «Снежный человек» (1957). Влияние этих фильмов, очень важных для фантастического жанра, показывает, сколько всего научная фантастика позаимствовала у хоррора, то есть у Говарда Лавкрафта и По. Посмотрим, например, на «Эксперимент Куотермасса» (1953).

Писатели-классики любого жанра тоже меняют киноиндустрию. Научная фантастика многим обязана Герберту Уэллсу, хоррор — Брэму Стокеру, а фэнтези — Фрэнку Бауму («Волшебник страны Оз» очень помог развитию фэнтези в кино). Но, как сказал Терри Нейшн (создатель далеков), «Когда я ходил в кино на научную фантастику, ее обычно маркировали как фильм ужасов». Оригинальная версия «Войны миров» родом из пятидесятых хорошо показывает это смешение жанров.

Мы понимаем связь этих трех основных жанров и их корни, но понимал ли Пратчетт? Нет. Он не любил жанровых ограничений, потому что они мешали полету его воображения. Например, в самом начале «Темной стороны солнца» главный герой выходит в море ловить дагонов.

«Почва издавала мерзкий запах, исходящий от скелетов гниющих рыб и других, с трудом поддающихся описанию объектов, которые, как я заметил, торчали из отвратительной грязи, образующей эту нескончаемую равнину»[22].

Г. Ф. Лавкрафт, «Дагон»

Вводя в свой роман дагонов, Пратчетт отдает дань уважения Лавкрафту, одному из величайших мастеров хоррора. У него есть короткий рассказ «Дагон», к которому Пратчетт дает отсылку в начале своего научно-фантастического романа. Так что здесь мы наблюдаем сочетание — необязательно смешение — жанров, потому что фантазию нельзя ограничивать. Но все-таки и забывать о понятии жанра не стоит.

Значит, «Темная сторона солнца» — это, с точки зрения Пратчетта, научная фантастика? Да, конечно. По тексту видно, что он считал научную фантастику поджанром фэнтези, так же как и литературу ужасов. Не забывайте, что для Пратчетта «Доктор Кто» тоже был научной фантастикой. И способность Пратчетта сочетать черты научной

---

[22] Примечания: 22
Цит. по пер. Е. Мусихина.

фантастики, фэнтези и хоррора, независимо от того, что происходило в истории кинематографа, — несомненна и безупречна.

> «Дон услышал ласковый голос с акцентом кокни:
>
> – Дон, мой дорогой мальчик, ты там?
>
> – Да, Сэр Исаак.
>
> В голосе дракона послышалось облегчение»[23].

Роберт Хайнлайн, «Между планетами»

Роберт Хайнлайн — величайший автор научной фантастики. Его «Чужак в чужой стране» — один из наиболее значительных романов жанра. Он настолько опередил свое время, что в начале шестидесятых его не смогли оценить по достоинству. Вышеприведенная цитата взята из раннего его романа, где есть драконы (и не очень прилично быть кокни). Это доказывает, что большая часть авторов стремится сочетать разные жанры, но, как я уже говорил, сильнее всего на книгу или фильм влияет главный, основной жанр — научная фантастика, хоррор или фэнтези. «Между

---

[23] Примечания: 23
Цит. по пер. Ю. Логинова.

планетами» — это именно то, что написано на обложке. Это научная фантастика. Несмотря на элементы других жанров, «Темная сторона солнца» — это тоже научная фантастика, как ее понимал Пратчетт.

> «Когда из морских глубин поднимались гигантские двустворчатые раковины, ловцы дагонов, получившие лицензию от Правления, сотнями выходили в море, чтобы при свете полной луны добывать огромные жемчужины переливчатого пилака»[24].

«Темная сторона солнца»

Дочитав «Темную сторону солнца» до середины, убежденный любитель фантастики будет несколько удивлен. До этого момента в тексте нет ничего научного, это чистая фэнтези. Лучшие авторы жанра — Хайнлайн, Азимов, Кларк, Герберт — всегда включали в свои произведения науку и часто — серьезные политические проблемы (посмотрите на «Основание», «Дюну», «Время для звезд» и даже «Войну миров»). А вот научная фантастика в исполнении Пратчетта больше по-

---

[24] Примечания: 24

Здесь и далее роман цит. по пер. А. Комаринец.

хожа на фэнтези. Посмотрите, например, на этот пассаж: «…Потом Дом увидел, как сквозь стену кабины пилота, точно через заросли папоротника, продрался охотник верхом на черном скакуне… С мгновение он глядел на Дома, который заметил, как блеснули двумя маяками его глаза, как он, словно защищаясь, поднял руку. Потом всадник и конь исчезли».

Пратчетт говорит о космических путешествиях и невероятных вещах так же абстрактно, как Дуглас Адамс в «Автостопом по галактике», но Адамс хотя бы задается вопросами жизни, вселенной и всего вообще и проводит немыслимые вычисления, наконец находя ответ на этот вопрос (сорок два). Возможно, напряженные отношения Пратчетта с математикой помешали ему вводить в текст кропотливые впечатления и сумасшедшие цифры, больше похожие на телефонные номера и объясняющие, сколько лет будет вашему брату-близнецу, когда вам исполнится пятьдесят, если он будет путешествовать со скоростью света (см. «Время для звезд» Хайнлайна). Может, это и правда так, потому что Азимов, Хайнлайн и Кларк любили разные вычисления.

Что Пратчетт умеет хорошо — так это играть словами и рассматривать тайны вселенной с

необычной точки зрения. Он видит абсурдные моменты, существующие в нашей жизни, и не забывает о них поговорить. Вот, например, момент из «Темной стороны солнца», где обсуждаются скачки:

«Возьмем существующее на Земле животное под названием лошадь. Давным-давно было установлено, что, если некоторое число этих животных пустить бежать наперегонки на определенную дистанцию, одна неизменно оказывается быстрее другой, и на этом основании было…»

Азартные игры!

Пратчетт не верит в Бога, но верит в порядок во Вселенной. Его интригует абсурдность жизни и появление человечества — он гуманист — но, как он признает, с возрастом он несколько утратил иллюзии насчет людей и их снисходительности к другим созданиям. Это видно и в «Темной стороне солнца», и в романах о Плоском мире, и в «Джонни и мертвецах», и в «Народе».

«Все трое уставились в экран. На максимальном разрешении на нем возник узкий конус, обманчиво медленно кувыркающийся в пространстве, пускающий солнечные зайчики, когда на его отполированную поверхность попадали лучи звезд».

«Темная сторона солнца»

Эта сцена могла бы появиться в любом из эпизодов «Звездного пути», еще одного научно-фантастического хита шестидесятых, знакомого Пратчетту. Это одновременно и пародия, и дань жанру. И Пратчетт снова и снова повторял этот прием в романах о Плоском мире, в большей или меньшей степени.

Лично мне кажется, что Пратчетт выразил свое отношение к Богу (или к его отсутствию), Вселенной и роли человечества в этом мире в одной цитате из «Темной стороны солнца»:

«Понимание – первый шаг к контролю. Теперь мы понимаем вероятность.

Умей мы ее контролировать, каждый человек был бы волшебником. Давайте надеяться, что такого не случится. Ибо наша вселенная – хрупкое здание, состоящее из атомов, скрепленных слабым раствором причины и следствия. Даже одного волшебника в нем было бы слишком много».

Чарльз Подлунный. «Плачь, о Континуум» «Темная сторона солнца»

В конце «Темной стороны солнца» Пратчетт говорит о вездесущности Бога и способности человека найти Его. Он пишет, что если бы «Начальник Вселенной» действительно существовал, это погрузило бы землю в хаос, потому что «Господь перестал бы быть пищей утешительной веры, а превратился бы в жизненную реальность». Пратчетт идет дальше и объясняет, что «люди, появись у них комплекс неполноценности, погибнут. Нельзя жить со знанием того, что где-то рядом есть такая мощь». В этом есть смысл. Человечество, стремясь к знаниям и могуществу, уничтожит само себя, потому что, если Бог будет обнаружен, все религии на планете начнут конфликтовать друг с другом (старое доб-

рое столкновение интересов, но кто же окажется наверху?).

> «Подле нее, в коробке, электрическая жаба подпрыгивала, шелестя тряпочной подстилкой; Айрен с удивлением подумала: „А что она ест?“ „Скорее всего, поддельных мух“, – решила Айрен»[25].

Филип Дик, «Мечтают ли андроиды об электроовцах?»

В «Темной стороне солнца» очень много роботов разных классов. Встретив в тексте металлических насекомых, нельзя не вспомнить роман «Мечтают ли андроиды об электроовцах?». Вопрос о вере, затронутый Пратчеттом в первом научно-фантастическом романе, напоминает о паранойе, желаниях и самоанализе, описанных в романе Филипа Дика. Я ни в коем случае не предполагаю, что Пратчетт копирует чей-то стиль, просто это показывает его способность задуматься о высшем существе и последствиях столкновения с Ним. То же самое проделал Артур Кларк в своем романе «Конец детства», где возникает раса пришельцев, похожих на дьявола.

---

[25] Примечания: 25
Цит. по пер. Б. Крылова,

«Все так, в точности. Кожистые крылья, короткие рожки, хвост с острым концом, будто наконечник стрелы, – все на месте. Ожило, вышло из неведомого прошлого самое страшное предание. Но вот оно улыбается, полное величия, в солнечных лучах сверкает огромное тело, будто выточенное из черного дерева, и к плечам его доверчиво прильнули два человеческих детеныша»[26].

Артур Кларк, «Конец детства»

В «Темной стороне солнца» немало симпатичных отрывков, но все же этот роман слишком близок к жанру фэнтези, чтобы стать великим научно-фантастическим произведением. Зато — и это важно — этот роман стал своеобразным упражнением в жанре, к которому не принадлежат романы о Плоском мире. Пратчетту неуютно в рамках научно-фантастического романа, и он понял это именно при написании этой книги. В ней есть некоторые элементы, напоминающие о Плоском мире, например, впервые появляется Страшдество, фэнтези рвется из этого романа

[26] Примечания: 26
Цит. по пер. Норы Галь.

наружу, но Пратчетту понадобилось написать еще одну книгу, чтобы понять, что научная фантастика — не его жанр. Это произошло еще через пять лет, когда вышла «Страта» (1981).

«Страта» — очень интересная книга для любого, кто анализирует жизнь и творчество Пратчетта. Во-первых, Плоский мир виден в ней куда четче, чем в «Людях ковра», а во-вторых, в ней можно найти немного информации о том, чем занимался Пратчетт в это время.

В 1980 году Пратчетт бросил журналистику и перешел на работу в Центральный совет по выработке электроэнергии. Он стал пресс-атташе трех (или четырех, если верить словам его друга Сэма Фарра) атомных электростанций. Он открыто говорил, что написал бы об этом книгу, если бы мог рассчитывать, что ему кто-то поверит. Например, ходили слухи о человеке, которого он называл Фредом. Якобы этот Фред однажды спустил ядерные отходы в унитаз, и это вызвало множество проблем. Потом нашелся достаточно храбрый — или достаточно опытный — человек, который рискнул очистить канализационный резервуар на АЭС. Если это правда (что подтвердило бы страхи Пратчетта — в такое мало кто может поверить), то эта история наделала бы много шума

и вызвала бы к жизни обсуждение безопасности атомных электростанций. Пратчетт работал там восемь лет (до 1987-го), а потом вдруг осознал, что романы о Плоском мире приносят ему больше денег, чем работа пресс-атташе.

В одном интервью («Книжный мир» в «Вашингтон пост») Пратчетт описывает свою работу в Центральном совете по выработке электроэнергии: *«Не забывайте, что я не ядерный физик. Я был пресс-атташе множества электростанций, но людей волнуют только три атомные. Я многого боюсь куда больше, чем атомной энергии, по крайней мере, пока она в руках европейских демократов. Однажды меня обвинял во всех грехах человек, который жил примерно в тридцати милях от электростанции и страшно ее боялся. Но при этом совсем рядом стоял завод, где производились шины. Интересно, смог бы он мирно спать в своей постели, зная, какие химикаты они используют? Дальше обычно начинаются разговоры о глобальном потеплении, но это же очень просто. Либо мы в самом деле Homo sapiens, то есть люди разумные, и тогда мы можем думать, обсуждать и искать решение проблемы, либо мы просто Pan narrans, говорящие шимпанзе. Пора нам уже использовать свои огромные мозги»*.

Не забывая обо всем этом, давайте посмотрим на второй — и последний — научно-фантастический роман Пратчетта. «Страта» была напечатана в июне 1981 года тиражом 3001 экземпляр. 2000 экземпляров выпустило в США издательство «Сент Мартинс Пресс», а 1001 — издательство Колина Смайта в Великобритании. 850 экземпляров были проданы Союзу читателей, так что многого от книги не ждали.

«Страта» начинается с того, что компания ловит мужчину и женщину, которые поместили в неправильный слой плезиозавра с плакатиком «Народы мира против ядерного оружия». Очевидно, новая работа все же давала Пратчетту материал. Но «Страта» — это довольно важный роман. Это книга-открытие — для Пратчетта. Мы как будто можем подглядеть, когда был изобретен Плоский мир.

Прежде всего, на «Страту» заметно повлияла научная фантастика в бумажных обложках, которая издавалась «Нью Инглиш Лайбрари» в семидесятых и начале восьмидесятых. Поначалу в тексте видны следы Хайнлайна, Ван Вогта и Кларка (и не только), но потом он резко меняется. Плоский мир, окруженный мировым водопадом, который спадает вниз с краев диска, бар под на-

званием «Пробитый барабан», магическая сумка, заставляющая вспомнить о Сундуке (он появится уже в следующем романе), — совпадений очень много, но потом все вдруг встает на свои места. Появляется герой по имени Сфандор, который разговаривает большими буквами, прямо как Смерть в романах о Плоском мире. И вместе с ним — неожиданно — появляются шутки, ирония, попытки заставить героев рисковать жизнью.

«Страту» почти не заметили, и это очень стыдно. Если The Man Who Sold the World и Born to Run задали вектор развития Боуи и Спрингстина, то «Страта» изменила будущее Терри Пратчетта и всего жанра фэнтези. Это научно-фантастический роман, который в середине неожиданно меняет жанр — довольно интересная концепция.

Я всегда считал, что ругательства в книгах Терри Пратчетта неуместны, потому что они плохо выглядят рядом с его мягким юмором. Но в «Страте» они встречаются, вместе с выражением почтения великому комику и иконоборцу Спайку Миллигану. Когда один из персонажей говорит: «Мы будем вести себя крайне осторожно!», Кин Арад (главная героиня) отвечает: «Мне нравится это твое „мы“». Это отсылка к первой же странице военной биографии Спайка («Адольф Гитлер: моя

роль в его свержении»). Премьер-министр выступает по радио и говорит: «С одиннадцати утра мы находимся в состоянии войны с Германией», и Спайк отвечает: «Мне нравится это „мы“».

Можно даже сказать, что Пратчетт раздвигает границы жанра фэнтези так же, как Миллиган раздвигает границы жанра комедийного, используя при этом только воображение. Они (Миллиган и Пратчетт) никого не слушают, а просто работают и находят свою аудиторию.

> «Мы заиграли „Парня из шотландских гор“, и все зрители немедленно завопили и заскакали. Так начинаются битвы».
>
> ***Спайк Миллиган, «Адольф Гитлер: моя роль в его свержении»***

Своей изобретательностью Пратчетт походит на Миллигана. Вспомним, например, Нак Мак Фиглей («Маленький свободный народец») из романов о Тиффани Болит. Кстати, сам Пратчетт считает эти книги лучшими из серии о Плоском мире.

Великие художники не всегда добиваются своего, но если уж добиваются, то в этом есть какая-то магия. Если вернуться к сравнению с роком, то же самое можно сказать и о Дэвиде Боуи. Когда

он в форме, рождаются такие шедевры, как Ashes to Ashes и Heroes, но если что-то идет не так, на свет появляются глупости вроде The Laughing Gnome и Beat of the Drum. Но нужно уметь сносить превратности судьбы. То же можно сказать об Алексе «Урагане» Хиггинсе, гении снукера: он мог нанести невозможный удар и полностью облажаться в следующую секунду.

Были ли у Терри Пратчетта плохие книги? Необязательно. Но, как и большинство писателей, иногда он недотягивал до своего привычного уровня по какой-либо причине. Лично мне не очень нравится «Темная сторона солнца», но она была важна для Пратчетта и помогла ему расстаться с научной фантастикой. Я не фанат и «Людей ковра», особенно новой версии (подробнее об этом позже), а Ночные стражники вообще не относятся к числу моих любимых героев (хотя их многие любят), но если учесть, сколько всего книг написал Пратчетт, понятно, что разным людям будет нравиться разное. Фанаты редко появляются у автора в самом начале его карьеры, и чаще всего любимой становится та книга, с которой начинаешь знакомиться с чьим-то творчеством. Фанаты Пратчетта могут любить самые разные книги: «Джонни и бомбу», «Маленького

свободного народца», «Удивительного Мориса и его ученых грызунов» — и совершенно не ценить «Цвет волшебства», «Мора» или «Эрика» (об этом тоже позже).

Мне кажется, что после «Страты» Пратчетт уже понял, что действие его следующего романа будет происходить в Плоском мире, хоть он и не знал, что это будет за роман. Доказательством этому может послужить хронология. Первый свой роман он выпустил в 1971 году, следующий — в 1976 году, третий — в 1981-м, а четвертый — уже в 1983-м. Перерыв между третьей и четвертой книгами очень мал. К тому же в «Страте» уже появляется некий плоский мир, пусть и не тот, что знаем мы, но путь развития уже ясен. Задним умом все крепки. Если прочитать «Страту» после романов о Плоском мире, можно сделать много интересных открытий.

И последнее о «Страте» и ее плоском мире. Этот мир — машина, и, как все мощные машины, она опасна. «Тут все выглядит как последствия взрыва на мощной силовой станции», — замечает один из героев, глядя на диск. Потом возникает вопрос, можно ли починить диск, но надежда оказывается напрасной, поскольку строители диска давно умерли. А потом появляется одна из самых

важных строк: «Мемы? Ну, это может быть что угодно. Идеи, концепты, технологии, типичные подходы к проблемам разного сорта и все такое. Короче, это „ментальные гены“. Проблема в том, что все мемы, которые развиваются или могут развиться на диске, действуют на своих носителей деструктивно». Мы видим огромную машину, контролирующую целый мир. Лично я не могу не вспомнить, что в это время Пратчетт работал на атомных электростанциях. Чернобыль и землетрясение в Японии были еще впереди, но Пратчетт явно видел и слышал на работе много такого, что ему не нравилось. Тем не менее он задержался на ней еще на несколько лет.

Написание книг внезапно стало для него своеобразной терапией. После «Страты» — или даже во время ее написания — был создан Плоский мир. Следующей книгой стал «Цвет волшебства».

«Впервые Смотрящий на Луну увидел Новый Камень в слабом свете нарождающегося дня, когда повел свою стаю на утренний водопой… Это была прямоугольная глыба раза в три выше Смотрящего… ее не так-то просто было и увидеть, если бы восходящее солнце не отражалось в ее гранях»[27].

Артур Кларк, «Космическая одиссея 2001 года»

[27] Примечания: 27
Цит. по пер. Я. Берлина и Н. Галь.

Часть вторая
Мир фэнтези

«Жил-был ребенок. Он много гулял и размышлял о самых разных вещах».

Чарльз Диккенс, «Детская мечта о звезде»

Глава четвертая
Цвет волшебства

«Иногда ему казалось, что уж лучше быть забитым до смерти надушенными шнурками от башмаков, чем состоять у Аймора правой рукой»[28].

«Цвет волшебства»

Стивен Хокинг начал свою «Краткую историю времени» с анекдота о математике и философе Бертране Расселе, который рассказывал на лекции, как Земля обращается вокруг Солнца, а Солнце, в свою очередь, обращается вокруг центра огромного скопления звезд, которое называют нашей Галактикой. Когда лекция подошла к концу, маленькая пожилая леди заявила, что он говорил чепуху, что наш мир — это плоская тарелка, которая стоит на спине гигантской черепахи, а черепаха стоит на другой черепахе, та — тоже на черепахе, и так все ниже и ниже.

---

[28] Примечания: 28
Цит. по пер. И. Кравцовой.

«Такое представление о Вселенной как о бесконечной башне из черепах большинству из нас покажется смешным, но почему мы думаем, что сами знаем лучше? Что нам известно о Вселенной и как мы это узнали? Откуда взялась Вселенная и что с ней станется?»[29]

Стивен Хокинг, «Краткая история времени»

Четвертый роман Пратчетта, «Цвет волшебства», определил его работу на следующие тридцать лет. В прологе романа возникла новая Нарния. Идея плоского мира, который покоится на спинах четырех слонов, стоящих на панцире огромной межзвездной черепахи, вытащила новую планету из комфортабельной научной фантастики и сунула ее в Фэнтези с большой буквы «Ф».

Пратчетт смешал средневековые европейские представления о том, что Земля плоская, с древней индуистской мифологией, согласно которой мир несут на своих спинах слоны и черепаха. Он дал им всем имена: черепаху зовут Великий А'Ту-

---

[29] Примечания: 29
Цит. по пер. Н. Смородинской.

ин, а слонов — Берилия, Тубул, Великий Т'Фон и Джеракин. При этом он не стал слишком много писать об этих персонажах. Если не считать двух главных героев, Ринсвинда и Двацветка (и принадлежащего Двацветку Сундука, сделанного из груши разумной), он не уделил лишнего внимания никому и ничему. Особенно это заметно по описанию богов, которые живут над миром и играют, используя в качестве фишек живых существ. Хотя эти боги сильно напоминают Зевса и его друзей из истории о Ясоне и аргонавтах, они не слишком-то важны для романа. Они просто добавляют немного безумия.

Плоский мир — волшебная земля. Там живут боги, которые играют людскими жизнями, волшебники и ведьмы, варвары и драконы, а еще — способность посмеяться над собой. Одно только появление персонажа по имени Слепой Хью (отсылка к Слепому Пью из «Острова сокровищ» Стивенсона) уже говорит читателю, что автор не особенно серьезен. Роман несется вперед, персонажи возникают на мгновение и сразу исчезают, и читателю хочется узнать о них все больше и больше. Сюжет в романе незайтелив, главное — воображение, примерно как в «Посмертных записках Пиквикского клуба» Диккенса. Сам

Пратчетт называет «Цвет волшебства» «роуд-муви до изобретения дорог». Тогда «Пиквикский клуб» — это «роуд-муви сразу после изобретения коммерческого транспорта».

Пратчетт признается, что не совсем понимал, что делает, пока задумывал и писал «Цвет волшебства». И что он писал для себя, то есть для человека, который вырос на фэнтези[30]. Романы о Плоском мире многослойны и выразительны. За тридцать лет было написано более сорока романов. Как и Средиземье, Плоский мир обзавелся своей историей, законами и легендами, вдохнул немного жизни в угасающий жанр, который теперь — не без помощи Пратчетта (и немного Дж. К. Роулинг) — снова востребован.

Пратчетт говорил, что «Цвет волшебства» был написан как протест против фэнтези-бума семидесятых. Тогда властителями душ стала плеяда писателей, испытавшая несомненное влияние Дж. Р. Р. Толкина. «Сильмариллион» был опубликован в конце семидесятых, и избежать давления Толкина было непросто. Впрочем, я полагаю, что это своего рода посмертный анализ, поскольку

[30] Примечания: 30

Позволю себе усомниться в том, что Пратчетт в самом деле не понимал, что делает. «Страта» превратилась в роман о Плоском мире, и Пратчетт не мог не знать, куда двигается.

Пратчетт утверждает, что не знал, что делает.

В начале восьмидесятых он считал жанр фэнтези мертвым. Он полагал, что писателям не хватает воображения — главного «ингредиента» для фэнтези — и что они просто повторяют проверенные и испытанные сценарии. Это очень заметно по второму роману о Плоском мире, «Безумной звезде». В этой книге появляется очень старый герой по имени Коэн-Варвар, состарившаяся пародия на Конана-Варвара из классических рассказов Роберта Говарда. Наемница Херрена размышляет о недостатках избранной карьеры: мужчины не принимают ее всерьез, пока она их не убьет в прямом смысле этого слова, а кожаные шмотки выводят ее из себя. Пратчетт утверждает, что все героини-воительницы одеваются очень скудно и преимущественно в кожу. Разумеется, он прав, и виной тому лень писателей.

Тут мы начинаем понимать «Цвет волшебства» несколько глубже. Он был написан после многих лет запойного чтения фэнтези-романов. Пратчетт знал, что волшебники могущественнее ведьм — без сексизма в фэнтези никуда — и что все всегда носят определенную одежду. Что-то подобное он упоминает в конце «Маленького свободного народца», где героине приходится

позволить мальчику приписать себе ее заслуги — она спасла самого мальчика и своего брата от Королевы эльфов. В «Цвете волшебства» Пратчетт решил сломать все клише жанра и сделать героем волшебника, который очень удивляется, если его магия вдруг сработает. Слишком много в мире романов, где волшебник только простирает руку, и кого-то сразу разрывает на куски. Если не считать, конечно, Гэндальфа, чьи силы по большей части скрыты.

Так что, начиная серию о Плоском мире, Пратчетт хотел попытать счастья в работе с жанром, который уже загнивал, и немного поиздеваться над ним. Какой еще автор рискнул бы поставить в своем вымышленном мире фабрику по производству презервативов? Уж точно не Толкин и не Льюис — это вывело бы их далеко за пределы зоны комфорта. Пратчетт же делает это не моргнув глазом.

Совсем неплохо высмеивать жанр, расписывая разные приключения, но нужно предложить читателю и что-то еще. В «Цвете волшебства» это непосредственно цвет волшебства. Пратчетт изобрел восьмой цвет Краедуги, октарин, «образующийся за счет эффекта рассеивания сильного солнечного света в интенсивном маги-

ческом поле». Этот цвет упоминается в названии «Октаринавой Книги Сказок» (не забываем о разноцветных книгах сказок Эндрю Лэнга).

Что же сам Пратчетт говорит о «Цвете волшебства»? Он говорит, что это смешная книга и что на этом прочном фундаменте выросла вся серия. Но почему она стала краеугольным камнем этого канона? Что вдохновило автора на сорок с лишним книг? Откуда все это пришло? Мы уже видели, что идея естественным образом родилась из предыдущих трех романов, а теперь давайте посмотрим на сюжет.

Когда мы впервые встречаем Ринсвинда, «подзаборного волшебника», который не верит в собственные магические силы, он находится под воздействием лекарства, подавляющего страх. Он очень бесцеремонно ведет себя с двумя разбойниками, которых встречает в трущобах, хотя и признается, что в ужасе. Это пренебрежение к надвигающейся опасности напоминает о Зафоде Билброксе из «Автостопом по галактике» Дугласа Адамса — у него были специальные очки, которые чернели при приближении опасности. Лекарство Ринсвинда настолько же бесполезно, потому что делает его бесполезно бесстрашным.

Абсурдный и тонкий юмор Пратчетта вообще

похож на юмор Адамса. Да, эти два автора писали свои серии романов в одно и то же время, и по их произведениям можно полностью оценить юмор эпохи — начала восьмидесятых. Тот же юмор (в исполнении Тома Бейкера) можно встретить в тогдашнем сериале «Доктор Кто», к которому Адамс писал сценарии.

Если в «Автостопом по галактике» есть экскурсовод по имени Форд Префект, то в «Цвете волшебства» есть турист Двацветок. Как и миллионы настоящих туристов по всему миру, Двацветок постоянно теряет багаж, но, в отличие от реального багажа, его сундук обладает ножками и везде следует за своим хозяином.

Это не единственная милая черта Двацветка. Он не замечает опасности вокруг себя, потому что считает, что его, туриста, никто никогда не тронет. Это всегда приводит к хаосу. Ринсвинд, вынужденный везде таскаться с Двацветком, сердит на него за это, но не понимает, что его самого, Ринсвинда, тоже есть в чем обвинить. Этим Ринсвинд и Двацветок напоминают о Лореле и Харди, вечно окруженных хаосом и не виноватых в нем. На самом деле Пратчетт не забывает об этих гениях комедии — Ринсвинд произносит одну из самых знаменитых фраз Оливера Харди:

«Видишь, во что ты меня впутал».

Пратчетт говорит об этих героях: «Двацветок — это шутка. Архетип туриста… а Ринсвинд должен защитить его. Трагедия Ринсвинда в том, что он уверен, что магия не работает».

> «Ринсвинд… должен будет бесстрашно шагнуть туда, куда ни один человек (кроме случайных незадачливых моряков, но они не считаются) бесстрашно не шагал».

«Цвет волшебства»

Пратчетт играет с культовыми остротами. Кто-то из читателей их заметит, а кто-то нет. В конце «Маленького свободного народца» ведьма говорит: «Ну, сестры, мы должны отправляться», и ее тут же ругают за «разговоры на публику». Ведьм трое, так что не вспомнить шекспировскую пьесу нельзя. Смысл в том, что все эти остроты и сравнения к вашим услугам, если они вам нужны. Если же вы хотите только ярких фэнтези-приключений, они здесь тоже есть, но пародия все же ближе сердцу Пратчетта.

Давайте двигаться вперед. Изучим географию Плоского мира. В самом начале «Цвета волшебства» возникает река Анк, по которой корабли

приходят в Анк-Морпорк. Иногда река поджигает свои собственные берега. Возможно, это отсылка к Египту и Нилу, хотя подтверждение этому только одно — визуальный образ, ну и, может быть, символ Анка, или Анкха, который так часто связывают с Египтом и фараоном Тутанхамоном.

Плоский мир — это интересная смесь различных картин прошлого. Есть в нем кое-что от Египта с его множеством богов. Первое описание Анк-Морпорка напоминает о чикагских гангстерах тридцатых. А потом Ринсвинд заходит в бар (Дикий Запад?), где мимо пролетает, «как куропатка», топорик (возможно, в сегодняшнем меню есть викинги). Анк-Морпорк — это сочетание разных исторических эпох, которые меняются от дома к дому. Возможно, именно бесконечный ряд образов питал воображение Пратчетта и заставлял его раз за разом возвращаться к серии, но ведь так появляются все великие фантазии. Плоский мир таков, каким его хочет видеть творец. Он бывает высоконравственным, категоричным, социально ориентированным, бывает обычным фэнтези-миром, но он всегда непредсказуем, и это, и еще юмор, делает романы серии такими притягательными.

Читатели по всему миру узнают Анк-Морпорк.

«Возможно, это самое удачное в „Цвете волшебства“», — говорит Пратчетт, и, вероятно, он прав. Разные люди считают, что Анк-Морпорк — это Венеция, Прага, Нью-Йорк, Лондон… все узнают в нем свой родной дом. Этот город вечно жив и оригинален в своей неоригинальности. Это вполне доказывает причудливость мышления Пратчетта. «Цвет волшебства» должен был сделать для жанра фэнтези то же, что «Сверкающие седла» сделали для жанра вестерна — посмеяться над канонами и подразнить читателя, не делая при этом никаких громких заявлений.

Действие «Цвета волшебства» движется очень быстро, так что кто-то может решить, что это приключенческий роман. На протяжении книги иногда появляется Смерть, который говорит БОЛЬШИМИ БУКВАМИ без авторских ремарок. «Я ввел Смерть ради шутки, — поясняет Пратчетт, — ради сцены, где люди от него убегают. Но это, разумеется, невозможно, и он ожидает вас именно там, где вы оказываетесь». Вторая часть цитаты глубоко верна, но я не согласен с первой — Смерть уже появлялся, пусть и на мгновение, в «Страте». Но жизнь и смерть — очень важные для творчества Пратчетта концепции, часть той силы, что заставляет его писать.

В начале серии о Плоском мире Ринсвинд был идеальным героем, посредством которого автор изучал некоторые причуды Смерти. Ринсвинд — волшебник, так что он может ожидать личного появления Смерти, когда умрет. Смерть приходит за ним, но Ринсвинд постоянно убегает от неизбежного. Он сам утверждает, что жизнь столько раз пролетала у него перед глазами, что теперь он засыпает во время скучных эпизодов. Само собой, в какой-то момент смерть — или Смерть — все же ловит его, но не в «Цвете волшебства».

> «…у Плоского мира может быть только один спаситель. К сожалению, это оказался неумелый и трусливый волшебник по имени Ринсвинд, который недавно упал с края диска…»

Аннотация к «Безумной звезде»

Существует несколько книг о науке Плоского мира, но интереснее всего корреляция между наукой и магией. В семидесятых выходила популярная детская телепрограмма «Кэтвизл». Она рассказывала о средневековом маге, который попал в тысяча девятьсот семидесятый год и поражается окружающему волшебству. Телефон для него — «говорящая кость», а электричество

— «элик-чудачество». Примерно так же относится к науке и магии и Пратчетт. В беседах он вспоминал Гилберта Честертона, который в одном из эссе писал, что фонари интереснее магии. Он имел в виду тот процесс, который привел к созданию электрической лампы — превращение обезьяны в человека, засовывание вольфрамовой нити в стеклянную колбу — или цепь событий, которая сделала все это «еще более волшебным, чем сама концепция волшебства». Возможно, он прав.

Жизнь гораздо менее обыденна, чем мы воображаем. Неоднократно замечалось, что если описать в литературе реальную жизнь, никто такому автору не поверит, и это чистая правда. Как написал сэр Артур Конан Дойл в своем рассказе «Установление личности» из сборника «Приключения Шерлока Холмса»: «Мой дорогой друг, жизнь несравненно причудливее, чем все, что способно создать воображение человеческое, — сказал Шерлок Холмс… — Если бы мы с вами могли, взявшись за руки, вылететь из окна и, витая над этим огромным городом, приподнять крыши и заглянуть внутрь домов, то по сравнению с открывшимися нам необычайными совпадениями, замыслами, недоразумениями, непостижимыми событиями, которые, проклады-

вая себе путь сквозь многие поколения, приводят к совершенно невероятным результатам, вся изящная словесность… показалась бы нам плоской и тривиальной»[31].

«У любого должна быть возможность взорвать паб», — говорит Пратчетт. Именно его дерзкий юмор и невероятная оригинальность вдохнули новую жизнь в жанр фэнтези. Он на самом деле взорвал свой собственный паб — жанр фэнтези, каким мы его знали, — и начал с начала. Если работы Дугласа Адамса создали новую нишу в научной фантастике, то влияние Пратчетта на другие романы в жанре фэнтези просматривается с самого начала серии о Плоском мире. Посмотрите хоть на Дж. К. Роулинг или Джаспера Ффорде. Кстати, о Ффорде Пратчетт говорит: «[он] весьма изобретателен. Я слежу за ним не без ужаса». Это можно счесть вполне добродушным заявлением, но когда рецензенты сравнивают Ффорде и с Дугласом Адамсом, нельзя не заметить толстого слоя юмора, которым Пратчетт и Адамс покрыли жанр фэнтези и научной фантастики, вырастив и вдохновив новое поколение художников и писателей, которые работали с начала восьмидесятых

[31] Примечания: 31
Цит. по пер. М. Войтинской.

до конца тысячелетия как минимум.

> «Городские вампиры получили непростой прогноз на неделю – одиночные волшебники в среду и высокая вероятность романов Дафны Фаркитт ближе к концу недели».
>
> ***Джаспер Ффорде, «Одного четверга не хватает»***

Залихватский стиль Ффорде напоминает и об Адамсе, и о Пратчетте. Это не в укор Ффорде, напротив, это комплимент, поскольку оба классических автора напоминают начинающим писателям, что совершенно нормально пробовать свои силы, быть разным и ломать границы жанров, чем постоянно занимались и Пратчетт, и Адамс.

Давайте посмотрим, как великое пробуждение жанра затронуло Пратчетта. Ждал ли «Цвет волшебства» мгновенный успех? Нет. Этого и не могло быть, слишком уж маленьким тиражом вышел роман.

Колин Смайт опубликовал «Цвет волшебства» в ноябре 1983 года, и сейчас это одна из самых редких книг Пратчетта. Тираж составил 4540 копий, 506 из которых были выпущены изда-

тельством «Сент-Мартинс Пресс» в США. Короче говоря, вопреки распространенному мнению, этот роман вовсе не стал бестселлером.

Первое британское издание могло похвастаться красивой светло-зеленой обложкой с золотыми буквами. Алан Смит нарисовал яркую суперобложку с черепахой, слонами и Плоским миром, несущимся сквозь пространство. На суперобложке не было цены, но на первое издание наклеили стикеры — 7,95 фунта в Великобритании и 11,95 доллара в США. В остальном обложки были одинаковы, но коллекционерам стоит учесть, что сейчас они ценятся очень по-разному: британская копия обойдется в четыре тысячи фунтов, а американская — примерно в двести.

Чтобы сильнее запутать читателей, в следующих британских тиражах на суперобложке печатали американские отзывы, чтобы закрыть оригинальную аннотацию с ошибкой. Кто-то написал там, что Двацветок — межгалактический турист, что никак не соответствует истине.

Издательство Американского клуба научной фантастики выпустило эту книгу в 1984 году. Отличить два американских издания можно по размеру книги: в издании Клуба научной фантастики сто восемьдесят четыре страницы, а в

первом издании — двести шесть. Ну и конечно, по надписи Book Club Edition на клапане суперобложки. Колин Смайт купил четыреста копий этого издания и продавал в Великобритании, наклеив британский стикер с ценой. В 1985 году издательство «Корги» опубликовало первый тираж в бумажной обложке. Смайт выкупил права у Клуба научной фантастики, который впоследствии об этом пожалел.

По всему этому видно, что в начале своей истории серия о Плоском мире была не очень популярна. Пратчетт вспомнил о Ринсвинде только после издания «Корги» и написал «Безумную звезду» (1986), непосредственное продолжение «Цвета волшебства». На этот раз сюжета стало больше, а игры воображения — меньше (хотя сам Пратчетт не согласен с тем, что первые четыре его романа были бессюжетны).

Любому коллекционеру нужны эти ранние издания Пратчетта, потому что они служат доказательством (и схемой) развития серии о Плоском мире. Если бы «Цвет волшебства» в бумажной обложке не продался, остальные романы могли бы и не появиться. Но почему он хорошо продавался именно в таком виде? Репутация, слухи или просто большой тираж? На самом деле канал

BBC поставил роман в радиошоу «Женский час», в шести частях. Немедленно после этого начались продажи.

«Безумная звезда» стала хорошим коммерческим ходом. Продолжение истории Ринсвинда и разноцветного хаоса Плоского мира оказалось важнее предыдущей книги хотя бы потому, что через год после ее выхода Пратчетт заработал достаточно денег, чтобы оставить работу и посвятить себя писательству. Это его очень обрадовало, и он немедленно принялся разрабатывать Плоский мир, создавая новых чудесных героев и притягивая легионы фанатов. Он нашел формулу успеха, но, как мы уже видели, на самом деле он работал над ней еще со школы.

Стоит упомянуть, что издаваться в «Голланце», одном из крупнейших британских издательств, и одновременно работать со Смайтом у Пратчетта не вышло. Он предпочел Смайта, которого считал другом, и попросил представлять свои интересы в качестве агента. Смайт согласился.

«Мы живем в удивительном мире. Нам хочется понять то, что мы видим вокруг, и спросить: каково происхождение Вселенной? Какое место в ней занимаем мы, и откуда мы и она – все это взялось? Почему все происходит именно так, а не иначе?»

Стивен Хокинг, «Краткая история времени»

Глава пятая
Безумное фанданго

«Если поэт, увидев нарцисс, сначала долго на него смотрит, а потом пишет длинную поэму, то Двацветок бросается искать книжку по ботанике. И наступает на нарцисс… Двацветок смотрит на вещи, но под его взглядом все меняется. Включая меня самого».

Ринсвинд в «Безумной звезде»

В «Безумной звезде» Ринсвинду приходится остановиться и задуматься, кто он и какими силами обладает на самом деле. Есть в романе и немного сюжета: Плоский мир рискует столкнуться с багровой звездой, и только тайное заклинание, затерянное где-то в голове Ринсвинда, может предотвратить катастрофу. Все летит к чертям, но Ринсвинд наконец вспоминает заклинание.

Хотя в «Безумной звезде» мы начинаем понимать Ринсвинда и можем оценить сатирическую сторону мира, сама история не так хороша, как предыдущая. «Цвет волшебства» имел успех,

потому что это была чистая фэнтези, которая мчалась вперед, как щепка, увлекаемая могучей рекой. Она захватывала и поражала. Этот роман завоевал аудиторию, а «Безумная звезда» только развила историю. Хотя формат и герои изменились, Плоский мир привлек аудиторию, которая с тех пор все росла и росла. А вот Ринсвинду и Двацветку пришлось разделиться.

Ринсвинд сказал, что под взглядом Двацветка все меняется. К сожалению, это напоминает нам о туристах по всему миру. Великие пирамиды Египта, другие храмы и гробницы этой страны, даже знаменитые и тщательно охраняемые сокровища Тутанхамона сильно пострадали от ненасытных туристов за последние сто лет (хотя до этого просуществовали несколько тысячелетий). Как однажды сказал один индеец, «оказываясь в наших краях, не забирайте ничего, кроме фотографий, и не оставляйте ничего, кроме отпечатков ног». Ничто не может быть логичнее — и одновременно дальше от представлений Двацветка.

Если во «Властелине колец» Братство подружилось с говорящими деревьями, Ринсвинд с ними разговаривать не захотел. Он явно слышал песню из The Goon Show: «Я говорил с деревьями, они ме-

ня выгнали». Читатели оценили чувство юмора Пратчетта, его книги начали продаваться, и он решил, что неплохо будет написать третий роман о Плоском мире. Им стали «Творцы заклинаний», с которых серия романов началась по-настоящему. Для писателей и рецензентов было изготовлено около ста сигнальных экземпляров, и отныне широкая публика стала с нетерпением ожидать следующего романа саги. Деньги все еще не текли рекой, но популярность уже росла.

Ринсвинд, Двацветок и Сундук сделали Пратчетта знаменитым. Они показали всем Плоский мир, но вскоре — всего через несколько книг — им пришлось отойти в сторону, чтобы дать место новым героям, от ведьм и других волшебников до городской стражи. Но лично для меня в первых книгах есть настоящая магия. Ринсвинд — это фэнтезийный Фома Неверующий в исполнении Рафаэля. Он сломал все стереотипы и показал миллионам фанатов, что жанр вовсе не должен быть таким трафаретным. Ринсвинд — это циничный Пратчетт, нападающий на святое, например на Конана-Варвара и других типичных героев. Но автору нужны были другие персонажи и ситуации. Видимо, Пратчетт осознавал, что нашел формулу успеха.

«Творцы заклинаний» — едва ли не самая важная книга, если говорить о расширении серии. Здесь впервые появляется Матушка Ветровоск и снова ломаются клише и штампы жанра. Считается, что магом становится седьмой сын седьмого сына, но здесь мы имеем дело с восьмым сыном восьмого сына: восемь — очень важное для этого мира волшебное число. Но тут случается катастрофа: восьмой ребенок оказывается девочкой. Умирая, волшебник по имени Драм Биллет по ошибке передает магию и колдовские принадлежности девочке. Разве кто-нибудь слышал о девочках-волшебниках? В лучшем случае она может стать ведьмой. Так начинается история женщины-волшебника Эскарины (Эск) Смит.

Лично мне «Творцы заклинаний» кажутся лучшей книгой о Плоском мире. Здесь Пратчетт сосредотачивается на сексизме всего жанра фэнтези, в котором ведьмы всегда слабее настоящих волшебников и вообще женщины могут только летать на метлах и швырять глаза тритонов в кипящий котел. Это смелая и остроумная книга, показывающая нам новых героев и новые места Плоского мира. Темп повествования тоже меняется. Роман начинается в одном конкретном месте, и действие удаляется из этого места постепенно.

Не окружая персонажей хаосом, Пратчетт может глубже и подробнее исследовать те жанровые области, которые его интересуют. Он задается вопросом, что такое магия. Объясняет, что из-за использования магии волшебники и ведьмы видят кошмары, и вводит интересный диалог между Эск и матушкой Ветровоск. Они говорят о магических способностях и о том, как контролировать свою магию. Это очень важная часть романа, которая дает нам информацию обо всей магической системе Плоского мира. Беседа получается очень длинной, она занимает несколько страниц, но начинается с очень простого вопроса, который матушка Ветровоск задает Эск. А кем ты хочешь стать, когда вырастешь? (Время от времени этот вопрос всплывает в романах Пратчетта).

Как и любой другой ребенок, Эск не знает ответа на этот вопрос, но, к сожалению, наступающая юность заставляет ее столкнуться с реальной жизнью, как и всех нас. Хочет ли она вырасти или хочет стать ведьмой? Для Эск этот вопрос сродни вопросу о принятии пострига. Пратчетт подтверждает это такими словами: «…Их [ведьм] уважали… за то, что они делают дело, которое, если мыслить логически, должно быть сделано, но всем было слегка неуютно в их компании».

Эск рассматривает саму идею стать ведьмой — или волшебником — очень наивно, и матушке Ветровоск приходится что-то с этим делать. Примерно как современному учителю старших классов, говорящему о будущей карьере учеников.

Первые четыре романа о Плоском мире отличаются от остальных. Они рисуют масштабную разнообразную картину и заключают в себе множество идей. Только иногда они притормаживают, чтобы показать какого-то героя или рассказать о священном искусстве магии. Эти романы — разноцветное пятно, полное юмора и воображения. В них нет того, что есть в более коротких книгах, например в «Шляпе, полной неба». Некоторые говорят, что с годами Пратчетт отточил свой стиль. Возможно, это верно для таких романов, как «Держи марку!» и «Делай деньги», но сказать это о многих других романах нельзя.

Все писатели со временем немного замедляются. Сами они могут считать поздние романы лучшими, но фанаты обычно предпочитают ранние, и не только из-за ностальгии. Часто ранние идеи очень важны для всего книжного мира. Мало что сравнится с длинным разговором ма-

тушки Ветровоск с Эск в «Творцах заклинаний». В этом разговоре объясняется, в чем смысл магии в реальном мире. Пратчетт утверждает, что магия основана на знании, вплоть до того, что самые простые вещи — волшебные. Взрослые постоянно «колдуют», чтобы впечатлить детей. Хороший пример — какие-нибудь розовые «таблетки» из сахара, которые врач может прописать почти здоровому ребенку. Они переубедят и ребенка, и его родителей, но никого не обидят. Это почти невероятно, но от них ребенок сразу почувствует себя лучше. На мой взгляд, это совсем неплохая аналогия, потому что матушка Ветровоск рассказывает Эск, что спасла человеку жизнь, дав ему зелье, которое якобы купила у гномов. На самом деле это была вода с ягодным соком, но сила убеждения помогла больному выздороветь — а это и правда магия. Пратчетт утверждает, что магия есть везде, просто нужно ее правильно использовать.

Эск учится быстро, так что матушка Ветровоск позволяет ей перенести часть собственного разума в орла, чтобы почувствовать то, что чувствует орел, и посмотреть на мир его глазами. Но Эск заходит слишком далеко, и крошечное сознание орла почти полностью поглощает ее разум, так

что матушке приходится ее спасать. Это очень интересная концепция, и в «Шляпе, полной неба» Пратчетт в некотором роде возвращается к ней. В этой книге юная ведьма Тиффани Болит, похожая на Эск, покидает свое тело, чтобы в него вселился Роитель (опасное существо). Роитель контролирует ее поведение, и только маленькая часть мозга Тиффани осознает происходящее.

В описании этой «одержимости» мне больше всего нравится научный подход, не похожий на обычные ужастики. У Пратчетта нет жрецов, проводящих мрачные ритуалы экзорцизма, есть только обычные ведьмы, которые зарабатывают себе на хлеб, освобождая людей.

Уже после того, как Эск заимствует чужое тело, она становится волшебником, а ее друг предсказуемо излечивается от заикания. В финале романа ломается очередной штамп жанра — о том, что волшебниками могут быть только мужчины. Женщины тоже на это способны, и если бы о Плоском мире была написана только трилогия, я бы все равно рискнул сказать, что эти три книги, написанные человеком, уставшим от клише, очень важны для развития жанра. Как по мне, уже первая страница «Творцов заклинаний» заслуживает внимания, потому что она с ходу

забирается в такие дебри, куда еще не ступала нога человека[32]. Как и в первых двух романах, в «Творцах заклинаний» не обошлось без отсылок к великим, например к Роберту Говарду и, возможно, «Доктору Кто», потому что Незримый университет «внутри больше, чем снаружи», прямо как Тардис. Если бы мы хотели, чтобы хороших книг было как можно меньше, Пратчетту стоило бы закончить писать о Плоском мире сразу после «Творцов заклинаний», потому что это привело бы к появлению множества критических статей и росту популярности этих романов.

> «Но прежде всего эта книга про мир. Вот он приближается. Смотрите внимательно, спецэффекты обошлись недешево»[33].

«Творцы заклинаний»

В конце «Творцов заклинаний» мы снова видим волшебника, с которого все и началось, Драма Биллета, который переродился в образе

---

[32] Примечания: 32

«Творцы заклинаний» тоже попали на радио, что помогло сделать серию еще популярнее.

[33] Примечания: 33

Цит. по пер. И. Кравцовой, А. Жикаренцева.

муравья. Вместе с другими муравьями он пишет на стене сахарной пирамиды истинный секрет долголетия, но, когда Университет в очередной раз затопит, секрет смоет водой[34].

«Творцы заклинаний» — это роман об ошибках и притворстве, напоминающий о политике реального мира и царящем в нем низкопоклонстве.

[34] Примечания: 34

Незримый университет — это пародия на Незримую коллегию, общество ученых и философов XVII века. В нее входили Роберт Бойль, Джон Эвелин, Фрэнсис Глиссон, Роберт Гук, Уильям Петти и Кристофер Рен. В некоторых своих письмах Бойль упоминает «нашу незримую коллегию» и «философскую коллегию». Их основным занятием было достижение знания эмпирическим путем.

Глава шестая
Мор, Фауст и Смерть

«Народ-безбожник способен дойти до чего угодно: он может возмутиться против добрых старых традиций скромной жизни и несамопожертвования, сделавших империю таковой, какова она есть сегодня».

«Эрик, а также Ночная стража, ведьмы и Коэн-Варвар»

На протяжении жизни люди меняются несильно. Если мы посмотрим, какие предметы Пратчетт изучал в старших классах, мы поймем, к чему уже тогда лежала его душа. Впоследствии он пользовался этими знаниями. После окончания школы он сдал экзамен уровня A-level по английскому языку, и это помогло ему в работе в «Бакс фри пресс» и в писательской карьере. Он практиковался и в живописи, иллюстрировал «Людей ковра» и брался за разные подработки в этой области. Любил он и историю, что отразилось в двух ранних романах о Плоском мире — «Пирамидах» и «Эрике».

«Мы проходили это в школе, деревянного коня и все остальное!»

«Эрик, а также Ночная стража, ведьмы и Коэн-Варвар»

Есть тут и его фирменное чувство юмора, от банального:

«– Тут есть дверь, – прошептал он.

– И куда она выходит?

– По-моему, она никуда не выходит, она остается на месте, – ответил Ринсвинд».

«Эрик, а также Ночная стража, ведьмы и Коэн-Варвар»

до истерического:

«– Бежим отсюда.

– Но куда?

– Насчет того, куда бежать, можешь не беспокоиться, – сказал он. – Согласно моему опыту, это обычно устраивается само собой. Главное слово тут – „бежим“».

«Эрик, а также Ночная стража, ведьмы и Коэн-Варвар»

Давайте перейдем к «Эрику» (1990), девятому роману из серии о Плоском мире. Это интересный перепев немецкой легенды о Фаусте. Фауст — это «удачливый» или «счастливый» на латыни. Неудивительно, что когда Эрик, четырнадцатилетний двойник средневекового ученого, призывает демона в надежде получить все мирские радости, на его зов появляется Ринсвинд, самый удачливый волшебник на Диске. Ринсвинд в очередной раз сбежал от Смерти. Сундук, конечно, последовал за ним, добавляя происходящему хаоса и безрассудства.

Для тех, кто читал серию о Плоском мире с самого начала, четвертое появление волшебника стало приятным отдыхом от множества ведьм, появившихся в серии. Лично для меня Ринсвинд был идеальным гидом по Плоскому миру. Спонтанность, свойственная этому персонажу, разрушала рамки жанра — а это одна из основных причин, по которым появился Плоский мир. Когда в истории появляется Ринсвинд, дальше все идет само собой — как будто выходит на лед чемпион по фигурному катанию. Итак, мы возвращаемся к повторяющейся у Пратчетта теме: Бог, творение мира и конец времен. По щелчку пальцев Ринсвинд и Эрик оказываются в кро-

мешной тьме и видят конец света. Тут Пратчетт сомневается в теории Большого взрыва, предлагая взамен «щадящую теорию Непрерывного Созидания» и утверждая, что сырая материя постоянно изливается во Вселенную (порой принимая обличье старых альбомов Кейт Буш).

В романах о Плоском мире эта тема встречается часто — например, в «Цвете волшебства» и «Эрике». Вывод всегда таков, что хаос имеет смысл, потому что иногда способен изменить мир к лучшему. Пратчетт утверждает, что во Вселенной существует порядок и что если мы сумеем его осознать, в нашей собственной жизни станет меньше хаоса. Но если мы его осознаем, это повлечет за собой серьезное изменение всех религий, потому что существование Бога будет доказано.

Хотя богов на Диске очень много, Пратчетт никогда не навязывает читателям своего представления о том, что Бога не существует. Вместо этого он рассуждает, какие нам доступны альтернативы. Когда Ринсвинд и Эрик становятся свидетелями рождения Вселенной, они встречают не Единого Творца, а просто одного из тех, кто приложил к этому творению руку.

Пратчетт не верит, что люди правильно разо-

брались в вопросе существования Бога. Он мягко объясняет свою позицию, примерно как в детской сказке о солнце и ветре (чтобы получить желаемое, ветер яростно дует, а солнце ласково светит). Хотя представления Пратчетта о религии — важная часть его собственной жизни, он не портит свои тексты едкими комментариями. Ему чувство юмора не позволяет.

В «Море, ученике Смерти» (четвертом романе о Плоском мире) есть интересные вопросы о человеческой жизни. Например: зачем люди нанизывают вишни на соломинки и вставляют эти соломинки в напитки? Зачем люди тратят время на то, чтобы класть еду в корзиночки из теста, жизнь ведь очень коротка? Почему солнце светит днем, а не ночью, ведь ночью свет нужнее? Почему зубы так точно подогнаны друг к другу? Все эти вопросы говорят о способности взглянуть на нашу собственную вселенную со стороны и разглядеть всю ее нелепость. Поэтому же Доктор Кто в исполнении Дэвида Теннанта качает головой, улыбается и ласково говорит «это же люди», когда видит, как мы сами усложняем себе жизнь и радуемся этому. Во всем этом нет ничего унизительного. Пратчетт не дает ответов — он просто говорит, что в этой Вселенной происходит много

чего такого, во что мы не верим — в основном потому, что многое мы принимаем как должное, а многое усложняем.

Мы как вид склонны засорять свою жизнь всякой ерундой и мелочами. Мы не видим, как скромный мальчик (Мор) появляется на вечеринке, потому что наши взрослые мозги его игнорируют. Тут мы начинаем понимать, что дети в мире Пратчетта обладают реальной магией. Они могут что-то изменить, потому что пользуются другой логикой, недоступной взрослым. Тиффани Болит почти не пользуется магией, только логикой и разумом, однако этого ей хватает. Эск ломает традиции Незримого Университета и становится первой женщиной-волшебником. А Эрик, Фауст Плоского мира? Четырнадцатилетний мальчик, мечтающий о любви и приключениях, проходит ради них через многое.

Юношеская порывистость? Да, конечно, без нее бы не было человеческой расы. Без желаний и замыслов юности — и без опыта профессионалов (Смерти и его подмастерья Мора) — прогресс был бы куда медленнее. Но эти юные герои не пользуются магией, они создают свое собственное волшебство, играя, вырастая, занимаясь работой по дому и понимая вдруг, что никто их не защи-

тит. То же самое случается со многими детьми и в нашем мире. Пратчетт дает маленьким читателям совет: создавайте свою собственную магию и задавайте вопросы. Любопытство поможет найти ключ ко всем вещам. И это очень важный совет. Тот, кто сможет доказать, что книги Терри Пратчетта стоят выше книг Чарльза Диккенса, получит докторскую степень по литературе — не только потому, что будет прав, но и потому, что приведет аргументы, которые, во-первых, верны, а во-вторых, не приводились никем раньше. Очень важно сомневаться в священных коровах и смотреть на вещи с непривычной стороны, иначе никакой прогресс невозможен.

Оливер Твист и Мор

Волшебник и его ученик — очень старая тема, и ее можно разработать либо мрачно, либо комически. В «Море, ученике Смерти» мы видим мальчика, которого отец хочет отдать в подмастерья, но единственным желающим нанять его оказывается Смерть. Смерть учит мальчика по-своему. Он имеет дело с неизбежным и поэтому лишен сочувствия. Жизнь и смерть случаются со всеми, и судьба учит Мора жестоко. Примерно как учил юного Оливера Твиста его собственный

волшебник Фейгин.

Фейгин, как и Смерть, одновременно учит и развращает. На самом деле Мору не стоило бы помогать душам покидать тела. Ему надо было стать счастливым юным подмастерьем в мире молодых нормальных людей. Те же молодые люди, с которыми он общается — например, приемная дочь Смерти, — испорчены близостью Мрачного жнеца. То же самое происходит с Оливером Твистом. Да, Фейгин его учит, но дети, с которыми он живет, приучают его к мысли, что происходящее хорошо и правильно. Как и Диккенс, Пратчетт населяет свой мир искалеченными взрослыми и, грубо говоря, невинными детьми в опасности. Дети всегда становятся жертвой обстоятельств — прямо как в нашем непредсказуемом мире. Их всегда окружает зло, от по-настоящему опасного (Билли Сайкс и Лилит) до лукавых манипуляторов вроде Фейгина и лорда Витинари. Есть и ангелы-хранители (Нэнси и Нак Мак Фигли). Хотя некоторые дети умирают, большинство остается в живых, и мир в целом выглядит вполне доброжелательным местом. Сравнивать эти две истории можно не только глобально, но и в мелочах. Как и Мор, Оливер становится подмастерьем, и, как и Мор, он служит Смерти (в лице владельца

похоронного бюро). Оливер не хочет учиться, как и Мор, но так происходит всегда при обучении ремеслу.

> «Он был один в незнакомом месте, а все мы знаем, каким покинутым и несчастным может почувствовать себя любой из нас при таких обстоятельствах. У мальчика не было любящих или любимых друзей. Не было у него сожалений о недавней разлуке; не было дорогого, близкого лица, которое ему мучительно хотелось бы увидеть. Но, несмотря на это, на сердце у него было тяжело; и когда он забрался на свое узкое ложе, ему захотелось, чтобы это ложе было гробом, а его, спящего безмятежным и непробудным сном, зарыли бы на кладбище, где тихо шелестела бы над его головой высокая трава и баюкал густой звон старого колокола»[35].

Чарльз Диккенс, «Приключения Оливера Твиста»

Мор старше Оливера. Он уже готов выходить в большой мир, и именно определенный уровень

---

[35] Примечания: 35
Здесь и далее цит. по пер. А. Кривцовой.

зрелости спасает его от отчаяния. Когда Смерть начинает его ограничивать, он пытается сбежать из дома Смерти к живым, настоящим людям. Он влюбляется в королеву, в юную королеву, которой суждено умереть. Он должен забрать ее душу, но вместо этого спасает ее. По законам природы она мертва, но практически вполне жива. Неразделенная любовь к королеве ужасно тяготит его. Он не осмеливается сказать Смерти, что натворил, а Смерть вдруг начинает интересоваться человеческой жизнью. Он пьет, танцует и пытается понять, как люди напиваются и почему они веселятся. Мор в это время получает сверхъестественные силы своего хозяина — то есть Смерти, — и веселье начинается.

Смерть у Пратчетта — довольно симпатичный персонаж. Грустный, но не злой и не враждебный. В некотором смысле даже жизнеутверждающий. Он непринужденно беседует о том, что мы чаще всего обсуждать не желаем, нарушает табу и поднимает повествование на более философский уровень (немного напоминает рассуждения самого Пратчетта об эвтаназии).

Главная книга о Смерти — «Мрачный жнец». Если в «Эрике» у него случается что-то вроде кризиса среднего возраста, то парой книг позже он

возвращается к своему древнему занятию, и это определенным образом успокаивает читателя. Предсказуемость мира вообще приятна. Именно благодаря ей (и вездесущему Богу) большинство людей остается в своем уме. Вера в Бога очень важна для многих. Из нее черпают силу, она служит путеводной звездой, а заодно и мерилом семейной жизни. Во многих местах вера еще и объединяет людей. Они делят друг с другом все хорошее и все плохое, справляются с трудностями и находят смысл в своем существовании.

Есть разные виды веры и верований.

Мы знаем, что Пратчетт не верит в Господа, но при этом населяет свои миры множеством богов и разных «создателей» (иногда это люди, как мы видим по его научно-фантастическим романам).

Это его постоянная тема.

> «Ну, скоро сюда заявятся боги. Они с переездом никогда не тянут… Сначала, конечно, они проявляют норов, но быстро обвыкаются».
>
> ***«Эрик, а также Ночная стража, ведьмы и Коэн-Варвар»***

Вернемся ненадолго к Мору. Как и Эск, Эрик, Тиффани Болит, Мор оказывается на перепутье

и вынужден решать, верен ли его карьерный выбор. Он познает себя и понимает, что королева — не та, кого он искал. Зато он находит верный путь. И это основное, о чем пишет Пратчетт. Не столько о познании себя, сколько о возможности что-то изменить после этого. О том, чего ему не хватало в юности. В следующих главах мы поговорим о Тиффани Болит в этом контексте и увидим, что с Мау из «Народа» дело обстоит точно так же, но что же вело вперед Мора? Ведь не вера же в высшее существо, живущее на небе. Осознание собственной смертности и того, что у него нет впереди вечности, чтобы наладить свою жизнь. Возможность всего одна, и нужно действовать сейчас. Это несправедливо, но именно юность — то время, когда нужно задуматься о будущем. Это верно и для Плоского мира, и для параллельного мира «Народа». Именно это время лучше всего подходит для самосовершенствования и восхищения миром.

Во многих книгах Терри Пратчетта затрагивается эта тема. Он открывает своим юным читателям целую новую вселенную, в точности как великие романы прошлого.

«Чарльз Бейтс, устрашенный преступлением Сайкса, принялся размышлять о том, не является ли честная жизнь наилучшей. Придя к заключению, что это несомненно так, он покончил со своим прошлым и решил загладить его, принявшись за какой-нибудь другой род деятельности. Сначала ему пришлось тяжело и он терпел большие лишения, но, отличаясь благодушным нравом и преследуя прекрасную цель, в конце концов добился успеха; поработав батраком у фермера и подручным у возчика, он стал теперь самым веселым молодым скотопромышленником во всем Нортхемптоншире».

Чарльз Диккенс, «Приключения Оливера Твиста»

Антракт
Люди ковра
(снова)

«История – это не то, что вы проживаете. Это то, что вы делаете сами. Личность принимает решение. В должное время. И ничто нельзя считать слишком ничтожным, чтобы пренебречь им, потому что это может изменить историю. Изменить можно все».

«Люди ковра»

Где-то к выходу «Мора, ученика Смерти», на волне успеха серии о Плоском мире читатели начали интересоваться ранними работами Пратчетта. «Люди ковра» давно были распроданы, и считалось, что спроса на них больше не будет. Однако он появился. У Пратчетта становилось все больше и больше фанатов. Сначала их было совсем немного, но потом фанаты Плоского мира захотели узнать, что было до «Цвета волшебства».

«Цвет волшебства» в мягкой обложке был очень успешен, как и «Безумная звезда», и следу-

ющие десять романов — впечатляющий корпус книг. У них появились фанаты — это часто бывает с научной фантастикой и фэнтези — и оказалось, что нужно снова напечатать ранние работы Пратчетта.

Очевидно было, что «Люди ковра» будут хорошо продаваться, но Пратчетту не нравилась эта идея. Он написал этот роман в семнадцать лет, это была традиционная фэнтези, но теперь-то ему уже исполнилось сорок. Так что он решил, что эта книга должна быть написана двумя людьми: юным Терри Пратчеттом и Терри Пратчеттом постарше. Он пересмотрел ее и переделал так, что она стала больше похожа на романы о Плоском мире, то есть тоже ломала стереотипы жанра. Он признавался, что теперь бы никогда не написал такую книгу, но тем не менее «Люди ковра» были переписаны.

Стала ли эта книга лучше? Стала ли она другой? Когда Джеймс Герберт, знаменитый автор хоррора, переиздавал свой роман «Туман» в середине восьмидесятых, он упомянул в предисловии, что переписывать книгу было бы неверно, потому что она стала бы более гладкой, но менее энергичной. Как мы уже видели, Элджернон Блэквуд говорил, что тело полностью обновляется за семь

лет, так что он уже не тот человек, который писал под тем же именем. Я склонен согласиться с ними обоими: переработка ранних вещей может лишить их юношеской энергии и той наивности, которая очаровывала в первый раз.

Читая первое издание «Людей ковра», я чувствую, о чем думал автор, вижу появление первого Плоского мира — это еще не Диск, а только эмбрион, которому придется впитать много жизненного опыта, чтобы превратиться в достойный роман. Иногда возвращаться назад не следует, но вот прагматичные фанаты Пратчетта, которые познакомились с «Людьми ковра» уже в переработанном виде, могут заявить, что я неправ. Может быть, это и так — это вопрос субъективный.

Возможно, дело в ностальгии, но Пратчетт, кажется, сожалеет, что начал писать романы таким юным. Кто-то может быть с ним не согласен, но все же интересно проследить, как Плоский мир вырос из первичного бульона этой книги. Прямо как в альбоме Лу Риду, Пратчетт «рос у всех на глазах», пока писал первые три романа. Потом из них родился «Цвет волшебства». Они создали мир фэнтези, который был ему нужен. Забавно, что он оказался нужен миллионам других людей

по всему миру, но для этого ему пришлось избавиться от тяги к научной фантастике.

«Люди ковра» и сейчас кажутся неординарным романом, демонстрирующим раннюю любовь Пратчетта к жанровой литературе. Он хотел создать новую Нарнию, Средиземье, но целиком свое. И когда океан обрушился с края плоского мира в «Страте», этот путь был закончен. Но чтобы понять это, необходимо прочесть оригинальную версию «Людей ковра» и два научно-фантастических романа. Возможно, стоило бы еще прочитать рассказы из «Бакс фри пресс», и лишним это не будет, поскольку именно из них родилась детская серия книг о номах.

Пратчетт как романист развивался постепенно, и переделка «Людей ковра» может помешать за этим проследить.

> *«Заботливо готовясь в дальний путь,*
> *Я безделушки запер на замок,*
> *Чтоб на мое богатство посягнуть*
> *Незваный гость какой-нибудь не мог»*[36].
>
> ***Уильям Шекспир, сонет 48***

---

[36] Примечания: 36
Цит. по пер. С. Маршака.

Глава седьмая
Перенаселенный мир

«Мир составляют Восемь Заклинаний. Ринсвинд достаточно хорошо это знал. Также он знал, что они содержатся в книге, называемой Октаво, которая хранится в библиотеке Незримого Университета – в запаянном железном ящике на дне специально вырытой шахты, где ее магическое излучение можно держать под контролем».

«Эрик, а также Ночная стража, ведьмы и Коэн-Варвар»

Читатели книг о Плоском мире не могут не заметить постоянное возвращение к одним и тем же темам, включая важность числа восемь, одержимость героев зловредными силами (иногда это и есть герои) и возвращение некоторых персонажей в отдельных сюжетных арках[37].

Диск населяет множество созданий, людей и не только, они живут на Диске, под ним и над ним.

---

[37] Примечания: 37

На Диске неделя состоит из восьми дней, а спектр — из восьми цветов. Понятно, что число восемь обладает магической силой.

Но некоторые из них сделали для истории Диска больше других. Прежде всего вспомним Ринсвинда. Он пересек Диск во всех направлениях, падал с края и даже путешествовал назад во времени и познакомился с создателем — ну, с одним из них. Иногда некоторые сюжеты (те, которые ничего не добавляют к истории и описанию Плоского мира) кажутся оторванными от серии, потому что им не хватает богатства и разнообразия, свойственного миру, и они кажутся неважными и незначительными[38]. Это не новое замечание: то же самое говорят, например, о сериале «Секретные материалы». Любая история, не посвященная теории инопланетного заговора, покажется мелкой тем читателям, которые любят масштабные проблемы. Это несправедливо, потому что некоторые одиночные эпизоды (например, «Тумс») одни из самых интересных, они ломают шаблоны и заставляют взглянуть на сериал по-другому. То же можно сказать о «Правде», «Роковой музыке» и «Держи марку!». На самом деле «Правда» — это роман о журналистике, и легко представить, как Пратчетт пишет ее, опираясь на пятнадцать лет опыта. Если не думать о гномах и вампирах,

[38] Примечания: 38

Я не говорю об отдельных книгах или мини-сериях не о Плоском мире (например, романах о Джонни Максвелле).

легко проследить историю журналистики и заодно увидеть некоторые истории со дна стакана (репортеры очень любят выпить).

Наступает время, когда о фэнтези-мире сказано слишком многое и существующие объяснения срывают с него покров тайны. Ну и конечно, за много лет родилось столько теорий, что публика никогда не будет полностью довольна финальным решением[39]. Давайте вернемся к «Секретным материалам». К концу сериала эпизоды становились все запутаннее, и объяснений очень не хватало. Но ключ к Плоскому миру — это его герои. Именно они создают историю. Например, фанаты Пратчетта заметили, что Наверн Чудакулли Бурый, аркканцлер Незримого Университета — это сам Пратчетт. Действительно, сходство велико: шляпа, посох, белая борода — а кем еще может быть Пратчетт, как не главой собрания ученых в Анк-Морпорке? Это кажется очень логичным, если вспомнить биографию автора и его любовь к книгам. А назвав его «Бурым», Пратчетт немного посмеялся над Гэндальфом Серым из «Властелина колец». Гэндальф и Чудакулли действительно похожи, но ведь и Пратчетт

[39] Примечания: 39

Весьма разумно со стороны Пратчетта было сказать, что он не намерен объяснять или завершать серию о Плоском мире.

похож на них! (А, кстати, есть еще лорд Витинари, в черных одеждах, с тростью с навершием в виде черепа. Точно же Пратчетт!)

Жители Плоского мира позволяют автору исследовать разные темы. С Ночной стражей он может поразмыслить о преступлениях, а заодно о более важных вещах — о сектах, этнокультурных различиях, отношениях между расами и о классических сюжетах. Нак Мак Фигли напоминают о гэльских легендах и шотландской истории — и немного о стереотипных шотландских шутках. Матушка Ветровоск — это повод обсудить зелья друидов и старинные, а заодно и современные методы врачевания. Даже библиотекарь Незримого Университета — и тот дает повод поговорить об орангутангах (об этом позже).

Пратчетт черпает вдохновение не только на Британских островах. Древние воители и вампиры — это европейская история. С историей Азии и Африки он тоже знаком, и Древний Египет тоже многое дал серии. Поэтому у Пратчетта столько фанатов по всему миру: в его романах каждый может найти элементы своей родной культуры. Обширный мир позволяет затрагивать любые темы и вспоминать любые легенды.

Хотя некоторые отдельные романы ничего

не добавляют к масштабной картине Плоского мира, они зато рассказывают о мире нашем, и они очень важны. Если кто-то чувствует себя преданным из-за отсутствия драконов в романах Пратчетта, ему стоит понять, что драконы вовсе не обязательны. Пратчетт далеко не всегда следует традициям жанра. Впрочем, мы отклонились от темы. Вот что я хотел сказать в этой главе: главное в творчестве Пратчетта — это его герои. Это они создают все его истории, они служат проводниками для читателя. Именно поэтому необязательно читать серию подряд. Впрочем, если кто-то это сделает, он только получит больше удовольствия от этой пестрой картины и сотен героев, составляющих Плоский мир (то же самое можно сказать о романах о Джеймсе Бонде, которые Пратчетт читал в юности). Это связано и с тем, сколько внимания Пратчетт уделяет подросткам и их жизненному выбору. Он очень интересуется людьми, он достаточно умен и обладает достаточно широким кругозором, чтобы принимать самые разные жизненные пути. Именно поэтому Анк-Морпорк мультикультурен. У Пратчетта нет предрассудков.

Мне кажется, что ранние романы о Плоском мире более показательны и поэтому более ин-

тересны, особенно если мы говорим о фигуре автора. Мне нравится, как Эск ломает гендерные предрассудки в области магии. Мне нравится, как Коэн-Варвар и его окружение насмехаются над штампами, созданными Робертом Говардом (честно говоря, эти штампы действительно несколько затасканны). Давайте остановимся на секунду и посмотрим, как великие литературные герои продолжают существовать и после смерти автора. Как будто ни у кого никогда не было своих идей. Конан-Варвар пережил еще множество приключений после преждевременной кончины Говарда, и даже телесериал «Звездный путь» нашел воплощение в романах, сохранивших его легенду.

«За столом из слоновой кости, инкрустированной золотом, сидел молодой мужчина, чьи широкие плечи и загорелая кожа резко контрастировали с окружавшей его роскошью. Человек, подобный ему, смотрелся бы гораздо естественнее на фоне суровых горных вершин или в насквозь продуваемой ветром степи. В каждом его движении чувствовалась огромная физическая сила. Если он сидел неподвижно, то это была неподвижность бронзовой статуи, если начинал двигаться, то с грацией дикой кошки»[40].

Роберт Говард, «Феникс на мече»

Честно говоря, образы Говарда так мощны и сексуально заряжены, что жанр никогда не избавится от них окончательно.

---

[40] Примечания: 40
Цит. по пер. В. Карчевского.

«Женщина натянула поводья своего усталого коня. Тот остановился, широко расставив ноги, словно изящная уздечка красной кожи с золотыми кистями лежала на нем непомерной обузой. Женщина вынула ноги из серебряных стремян и соскользнула с позолоченного седла на землю. Привязав коня к молодому деревцу, она повернулась и принялась напряженно всматриваться в окружающий ландшафт – ладони прижаты к бедрам, лоб чуть нахмурен»[41].

Роберт Говард, «Алые когти»

Посмотрите, например, на Друэлле или Льессу из «Цвета волшебства». Они преувеличенно сексуальны, но очень устали от клише, связанных с их полом. Друэлле и Льесса — второстепенные героини, но они воплощают то, что хотел сказать автор во всем романе. Он ниспровергает все авторитеты — примерно так же Спайк Миллиган переписывает Библию:

«И сказал Бог: да будет свет. И стал свет.

---

[41] Примечания: 41
Цит. по пер. А. Циммермана.

И сказала электрокомпания: Ему нужно подождать до четверга, чтобы произвели подключение.

...и увидел Бог свет, что он хорош. И увидел Он счет за электричество, и он не хорош».

Спайк Миллиган, «Библия. Ветхий завет по Спайку Миллигану»

Наблюдение за богами и людьми, создающими Плоский мир, очень важно для понимания его мифологии. Они должны прорасти в мозг читателя, чтобы он понял все окончательно. Когда Ринсвинд переносит Эрика к началу времен, когда Диск был создан и брошен в космос — в кого-то или что-то? — они встречают одного из творцов, просто специалиста, который создает миры, примерно как Слартибартфаст из «Автостопом по галактике». Нельзя не предположить, что это отсылка к Дугласу. В этом нет ничего странного, Пратчетт постоянно пародировал и благодарил разных писателей, но интересно, что Пратчетт и Адамс одинаково смотрят на жизнь. Многие их сравнивают, и они правы. Есть ли тут синергетический эффект? Нет, не обязательно. Может быть, стоит просто признать: что бы дикое они ни вы-

думали насчет жизни, Вселенной и всего такого, это будет не настолько фантастично, смешно и странно, как правда. А в чем, кстати, правда?

«– Привет, Слартибартфаст, – наконец-то выдавил из себя Артур.

– Привет, землянин, – ответил Слартибартфаст.

– В конце концов, – заметил Форд, – двум смертям не бывать, а одной не миновать»[42].

Дуглас Адамс, «Жизнь, Вселенная и все остальное»

[42] Примечания: 42
Цит. по пер. С. Силаковой.

Глава восьмая
Развлечения с пиктами

«…Нахождение В Общественном Месте В Нетрезвом Состоянии, Нахождение В Общественном Месте В Нетрезвом Состоянии Уровня „Вдрабадан“, Употребление Нецензурных Выражений (считая девяносто семь случаев Употребления Выражений, Которые Наверняка Были Нецензурные, Хотя Никто Ничего Не Понял), Нарушение Общественного Порядка С Особым Цинизмом, Злонамеренное Праздношатание…»[43]

Некоторые из обвинений, предъявленные Нак Мак Фиглям в «Маленьком свободном народце»

Впервые мы встречаемся с Нак Мак Фиглями в «Маленьком свободном народце» (2003). Это крошечные голубые пикты (не пикси!) с яркорыжими волосами, которые носят килты и любят выпивать и драться. Их выгнали из волшебной страны за пьянство и хулиганство, и они подру-

[43] Примечания: 43
Здесь и далее цит. по пер. Наташи Аллунан.

жились с начинающей юной ведьмой по имени Тиффани Болит.

Вооружившись сковородкой и заручившись поддержкой Нак Мак Фиглей, Тиффани отправляется в волшебную страну, чтобы забрать своего младшего брата, которого похитила Королева. Это вполне традиционная фэнтези: старшая сестра, сама еще не взрослая, вынуждена бороться с неприятностями, с силами зла за своего брата, потому что он ее брат. Примерно как в фильме «Лабиринт». Есть тут и следы «Льва, колдуньи и платяного шкафа». И даже что-то от «Алисы в Стране чудес», когда в дело вступают дрёмы и реальность искажается (дрёмы — это существа, которые заставляют человека погружаться в сон, а потом в сон во сне, и оставляют во снах ловушки). Тиффани Болит иногда ничего не понимает в волшебной стране, прямо как Алиса. А еще они ровесницы и одинаково неопытны. Но именно в этой неопытности и заключена сила Тиффани, которая спасает ее в битвах со взрослыми врагами.

Та же юношеская неопытность и желание поступать правильно нашли отражение в «Коралине» Нила Геймана, в которой неподготовленная девочка сталкивается со злыми двойниками своих родителей. Или в «Волшебнике страны Оз»

Фрэнка Баума, где девочке, чтобы добраться домой, нужно сразиться с фантастическим миром — как по мне, это суровое испытание.

Еще одна тема, затронутая в «Маленьком свободном народце», используется Клайвом Баркером в «Вечном похитителе». Пока в параллельном мире проходит месяц, в мире реальном проходит целая жизнь (впервые Пратчетт использует этот прием в «Эрике», но в скромных масштабах). Все это нужно Терри Пратчетту, чтобы бросить вызов самой идее страны Нетинебудет. Питер Пэн хочет, чтобы мы все оставались с ним в мире, где взрослые плохие, а дети хорошие. Разве эта тема типична для жанра фэнтези? Нет, но зато Чарльз Диккенс неоднократно возвращался к ней на протяжении своего творческого пути, например в «Приключениях Оливера Твиста». Дети там хорошие, а взрослые воплощают зло и могут испортить детей. Но есть и ангелы-хранители, которые могут спасти детей и наставить их на путь истинный — например, мистер Бранлоу или Нэнси в «Приключениях Оливера Твиста». Диккенс учит нас, что свет не менее важен, чем тьма, но вот братья Гримм или Фрэнк Баум с ним не соглашаются.

Жанр фэнтези родился из фольклора, и в «Ма-

леньком свободном народце» Пратчетт явно следует классическим канонам. Но, как и во всех своих историях, он привносит в этот канон совершенно безумный элемент: самих Нак Мак Фиглей. Как всегда, он играет с именами, увековечивая поэта Уильяма МакГонагалла, считавшегося худшим поэтом Великобритании, в не менее ужасном Вильяме Гоннагле, искусном в игре на визжали (слово «гоннагл» означает кланового барда). Еще в клане есть Явор Заядло, Туп Вулли, Громазд Йан и Не-так-громазд-как-середний-Джок-но-погромаздей-чем-мал-Джок Джок[44]. На самом деле это трагические персонажи, если поверить мальчику по имени Роланд, пленнику волшебной страны. Он объясняет, что если Королева всерьёз на кого-то разгневается, она просто смотрит на него, и он… превращается в нечто ужасное, что не хотелось бы описывать в красках, но если бы пришлось, краски были бы в основном алые и фиолетовые. А цвета Нак Мак Фиглей? Синий и красный.

«Маленький свободный народец» — это традиционная история о волшебной стране, поэтому

[44] Примечания: 44

Гоннаглы не проводят все время в одном клане. Они переходят из клана в клан, чтобы их песни и истории стали известны всем Нак Мак Фиглям.

местами она напоминает детскую сказку. Она легкая, смешная и часто использует традиционные элементы. А сами Нак Мак Фигли — очаровательно жестоки. Но я бы хотел поговорить о другой книге серии, «Платье цвета полуночи», уже более взрослой. Она не считается детской книгой (это так называемый «янг-эдалт»). В каком-то смысле трилогия о Нак Мак Фиглях предает своих юных читателей, потому что растет слишком быстро. Это не такая цельная трилогия, как книги о Джонни Максвелле. Пратчетту такое не свойственно, так что, возможно, это издатель настаивал на книге для подростков? Это уже не столь важно, но необходимо помнить, что, в отличие от трилогии о Джонни, трилогия о Нак Мак Фиглях входит в серию о Плоском мире, в которой задействовано множество тем и легенд и заложены возможности дальнейшего развития.

Фарфоровые черты лица королевы волшебной страны напоминают нам о ледяной колдунье из «Хроник Нарнии», но потом автор упоминает о ярко-алых губах — и внезапно мы вспоминаем о вампирах. Королева испорчена и эгоистична — и ребенок, которого она украла, тоже — и тут опять заметна Нарния с Эдмундом, турецкими сладостями и ссорой с братом и сестрами. И, как

и дети в Нарнии, Тиффани Болит взрослеет очень быстро, чтобы сразиться с врагом.

Многие герои Пратчетта привлекательны в первую очередь своей невинностью. Тиффани, как и Ринсвинд, совсем не уверена в своих магических силах, но потом вырастает и понимает, что они всегда с ней. Ринсвинду приходится творить магию в «Безумной звезде», и Тиффани делает примерно то же самое благодаря своим маленьким синим друзьям, сеющим хаос. В одной сцене они остаются в очень опасном месте, чтобы напиться. Они доходят до того, что снимают килты и надевают вечерние наряды, чтобы добраться до выпивки. «Я тут сражалась с Королевой, а вы решили заскочить в паб?» — взрывается Тиффани в конце.

Но она взрослеет, берет на себя ответственность, смиряется с тем, что обладает некой силой и становится той, кем она должна стать, пусть это и означает окончание детства. В этом суть истории: ее магия пробуждает в ней настоящую личность, это не фокусы, а скорее зрелое восприятие мира. Это заметно, когда ее младший брат в первый раз видит кита и говорит «Больсая лыбка!», а Тиффани поправляет его, как взрослая — ведь кит не рыба, а млекопитающее.

Совершенно новый сюжет о королеве эльфов/короле гоблинов, похищающем детей, — большой успех для Пратчетта. Но когда Тиффани начала понимать, как именно ей придется зарабатывать остроконечную ведьминскую шляпу, стало очевидно, что Пратчетт будет продолжать историю Тиффани и Нак Мак Фиглей. «Шляпа, полная неба» (2004) появилась уже в следующем году. Как и Ринсвинд, Тиффани Болит немедленно дождалась продолжения. И вот это продолжение серий внутри Плоского мира показывает, насколько Пратчетт ценит своих удачных героев. Ему очень важно проследить историю до самого конца — если у нее есть конец, — и это может объяснить, почему Нак Мак Фигли начали появляться так часто[45]. Четыре раза за семь лет — неплохой показатель. Но они забавные, и в «Шляпе, полной неба» они продолжают высмеивать традиционные сценарии и классические образы (например, у ведьм есть средства защиты от падающих на них домов — не напоминает «Волшебника страны Оз»?).

«Шляпа, полная неба» — более сдержанная книга, чем «Маленький свободный народец». Она

[45] Примечания: 45

Посмотрите, как быстро после «Страты» появился «Цвет волшебства». Идею Плоского мира нельзя было упустить.

наводит на размышления и глубже раскрывает образы героев, рассказывает о тайном мире и секретах Нак Мак Фиглей. Первые сто страниц Нак Мак Фигли не делают ничего выдающегося. Явор Заядло женится на кельде своей расы, а не на Тиффани Болит, а кельда требует защитить Тиффани от чудовищного Роителя (злой сущности), который ее преследует.

По первой книге ясно, что Тиффани нужно узнать побольше о своих тайных силах и об искусстве ведьмовства, и в «Шляпе, полной неба» описывается процесс обучения. Эта книга менее динамичная и смешная, чем предыдущая, и мне кажется, что дети будут ее читать с меньшим энтузиазмом. Лучшее в Нак Мак Фиглях — их способность творить хаос и при этом успевать плохо себя вести. Они чем-то похожи на домашних животных, которые делают всякие глупости и гадости при приличных гостях.

«Шляпа, полная неба» отличается от «Маленького свободного народца». Это книга об отношениях, пусть даже об отношениях между Нак Мак Фиглями. Когда Джинни говорит своему мужу Явору Заядло, что ему лучше перестать сражаться ради их будущих детей, он дает ей слово больше этого не делать. Но потом, будучи

кельдой (царицей) клана, она приказывает ему идти в бой (ей нужно знать, что верность царице превыше всего, и он это демонстрирует). Джинни с первого взгляда невзлюбила Тиффани Болит, потому что они с Явором были недолгое время «помолвлены», но потом, поняв, что Явор выбрал ее, успокаивается. В первой книге никакого развития характеров нет. Как и «Цвет волшебства», «Маленький свободный народец» — это просто экскурсия по галерее смешных и ярких образов Плоского мира, а оба продолжения («Безумная звезда» и «Шляпа, полная неба») становятся глубже и позволяют серьезнее поговорить о магии и ее тайнах. Например, в «Шляпе, полной неба» появляется древняя книга, рассказывающая о Роителе. В ней объясняется, что, если пустить Роителя в свой разум, он пожрет его и уничтожит.

Можно ли назвать Роителя воплощением болезней мозга? Может быть, деменция — это просто невозможность сдержать собственное воображение? Интересная в принципе концепция, особенно если посмотреть на некоторых творческих людей, от викторианского художника Ричарда Дадда (упомянутого в «Маленьком свободном народце») до Винсента ван Гога или даже Уилки Коллинза, если ограничиться только

литературой.

Одна из сильнейших сторон Пратчетта — его способность сочетать легенды нашего мира с легендами своего. Он не раскрывает тайн магии, но выдвигает остроумные и интересные идеи, которые дразнят и заманивают читателя. Пратчетт умеет выдвигать убедительные аргументы, и в этом часть его собственной магии, которая присутствовала в его книгах с самого начала.

В «Шляпе, полной неба» с Тиффани происходит много интересного, она получает несколько уроков и узнает о своем волшебстве, но вот Нак Мак Фигли отступают на задний план, хотя именно они должны быть звездами вечера. Они кричат «Раскурлыть!», убеждая всех, что вовсе не склонны материться, но сложно ничего не заподозрить, узнав, что их выгнали из волшебной страны за то, что они «нахрюксались» к двум часам дня (составители словаря уверяют, что «нахрюксаться» — это «очень устать»). Сразу видно, что книга предназначена «для детей всех возрастов», да?

Наверное, самая большая проблема «Шляпы, полной неба» — некоторое сходство с «Гарри Поттером». Например, ведьма, которая учится колдовать и ходит по колдовским магазинам с друзьями, — ничего не напоминает? Можно,

конечно, сказать, что Незримый Университет существовал задолго до появления «Гарри Поттера», но тогда на первенство может претендовать и «Самая плохая ведьма» Джилл Мерфи. Важно не то, кто был первым, а то, что современная фэнтези нуждается в школах для волшебников. Культурные тренды приводят к появлению романов о вампирах — и о магических школах. «Дракула» был прекрасным сплавом множества готических образов, но постепенно на этой основе появились такие вещи, как «Интервью с вампиром», «Баффи — истребительница вампиров» и «Сумерки» (впрочем, фильмы киностудии Hammer Horror в этом тоже поучаствовали).

Возможно, кто-то возведет школы колдовства к раннему обучению детей-героев в таких книгах, как «Феникс и ковер» Эдит Несбит или «Хроники Нарнии». Как видно из этих книг и других, например «Сумерек», «Гарри Поттера», «Самой худшей ведьмы», романов о Тиффани Болит, «Властелина колец» (как минимум Фродо и Сэм), «Темных начал», «Чучела и его слуги», даже «Аладдина» — я могу продолжать, но вы уже поняли: дети учатся постоянно. Они узнают разницу между хорошим и плохим, добром и злом, фантазией и реальностью. Во время своих приключений они

взрослеют и приобретают умения и знания, которые превращают их в мудрых взрослых. Дети, которые читают эти книги и замечают в них мораль, будут учиться вместе со своими любимыми героями. И вот тут есть одно очень интересное различие между фэнтези и научной фантастикой: научная фантастика говорит о развитии всего человечества, а фэнтези может быть посвящено развитию детского воображения и кругозора. Все великие художники в истории человечества пользовались воображением, чтобы раздвинуть границы возможного, включая таких разных людей, как Дэвид Боуи, Спайк Миллиган, Чарльз Диккенс и Винсент ван Гог. Группа странная, но они все зашли слишком далеко, пользуясь только воображением. В этом была новизна их творчества, а в новизне — суть жанра фэнтези. Тот, кто придумает что-то оригинальное, становится классиком.

«– Вот их слова: „Не входи в дверь“. – Он немного помолчал. – Ты понимаешь, что это может означать?

– Нет, – ответила Коралина.

Старик пожал плечами»[46].

Нил Гейман, «Коралина»

Сейчас живет и творит множество великих авторов фэнтези. Неудивительно, что для воплощения своей мечты они пользуются самыми разными средствами. Идеи Нила Геймана и Клайва Баркера становились комиксами, романами, картинами и фильмами. Пратчетт делал то же самое, позволяя ставить свои книги на сцене. Клайв Баркер начинал как драматург, и именно в театре он научился работать с аудиторией. Первыми читателями Пратчетта были дети: одноклассники, а потом юные читатели «Бакс фри пресс». Среди работ Пратчетта можно выделить чисто детские серии, например трилогию о Номах («Угонщики», «Землекопы» и «Крылья») и серию о Тиффани Болит («Маленький свободный народец», «Шляпа, полная неба», «Господин Зима» и «Платье цвета полуночи»), которая постепенно становится слишком мрачной для детей. И на эту сторону творчества Пратчетта тоже нужно обратить внимание.

---

[46] Примечания: 46
Цит. по пер. Е. Кононенко.

Глава девятая
Разрушение штампов

«Порой их называют Дворцовой Стражей, иногда – Городскими Стражниками или просто Гвардией. Независимо от названия пылкая фантазия авторов героического фэнтези находит для них одно-единственное и неизменное предназначение, а именно: где-нибудь в районе третьей главы (или на десятой минуте фильма) ворваться в комнату, по очереди атаковать героя и быть уложенными на месте. Хотят они исполнять сию незавидную роль или нет, никто их не спрашивает».

«Стража! Стража!», посвящение

В любом приключенческом фильме, от «Робина Гуда» с Эрролом Флинном, «Красного корсара» и «Огня и стрелы» с Бертом Ланкастером и до «Пиратов Карибского моря» с Джонни Деппом, мы видим одно и то же: толпы безымянных стражников, которых постоянно убивают. Как заметил Пратчетт в вышеприведенной цитате,

их никто не спрашивал, хотят ли они вообще быть стражниками. Это просто бессмысленные низшие существа, которые умирают ради зрелищности. Только один раз за всю историю мирового кинематографа показываются последствия этой расправы, в фильме «Остин Пауэрс: Человек-загадка международного масштаба». После появления доктора Зло его солдат убивают всеми возможными способами. А потом мы перемещаемся в их дома и видим, что случилось с их семьями. Да, конечно, это комедия, но ведь большинство приключенческих фильмов предназначено для легкого семейного развлечения и не стоит принимать стражей всерьез… и тут и появляется Пратчетт со своим остросюжетным романом про Стражу.

> «Как только исключаешь невозможное, то оставшееся, каким бы невероятным оно ни казалось, становится правдой… А еще этот орангутанг со своей книгой…»

«Стража! Стража!»

В «Страже! Страже!» есть эпизод с дедукцией, где капитан Ваймс вычисляет гнездо дракона. Тут Пратчетт пародирует величайшего детектива всех времен, Шерлока Холмса (посмотрите на

цитату выше). Пратчетт никогда не благоговеет перед классиками.

В Анк-Морпорке опасно, особенно по ночам. Поэтому у Ночной стражи существуют свои правила. Например, они не арестовывают воров, особенно членов гильдии. Но Моркоу, новобранец-гном (правда, гном больше шести футов ростом), ничего не знает об этих неписаных правилах, и в результате его действий равновесие в городе нарушается. Очень скоро возникают очень серьезные проблемы, потому что Моркоу пытается работать по закону и не слушает своих наставников из Ночной стражи. Гномы — даже такие высокие — этническое меньшинство, и у них есть свои права.

Создав капитана Сэма Ваймса и его разношерстную команду, Пратчетт насмехается над законом и над несправедливым уничтожением триллионов стражников в книгах и фильмах. Он, как всегда, ломает все клише. Неудивительно, что именно «Стражу!» он хотел видеть экранизированной — просто чтобы стражников не убили через пять минут после начала фильма.

«Анк-Морпорк не возвышался. Скорее, он норовил скрыться, прильнуть к земле, как будто опасаясь, что кто-то украдет ее прямо у него из-под носа. Флагов не было».

«Стража! Стража!»

Эта цитата могла бы принадлежать Иэну Рэнкину, который в одном из своих романов описывает двойственность Эдинбурга. Но нет, она принадлежит Терри Пратчетту и рассказывает об Анк-Морпорке, с его непредсказуемостью и опасностями, неизбежными для большого города. Чтобы сражаться с этими опасностями, Пратчетт селит в городе полицию, действующую после заката, — Ночную стражу. Вот только стража хочет спасти собственную шкуру и не склонна бороться с преступностью. Все равно ее не искоренить, так зачем и стараться? Возможно, инспектору Ребусу Иэна Рэнкина следовало бы мыслить примерно так же. Он никогда не уничтожит преступность полностью, так зачем постоянно рисковать головой? Почему он столько пьет? И почему так же поступает Сэм Ваймс, особенно если учесть, что ему плевать на всякую преступность? В детективных романах Пратчетта много важного — они не

просто показывают неизбежность преступности, но и демонстрируют жуткую бюрократию, с которой сталкивают всех, кто хочет изменить что-то к лучшему. И зачем тогда вообще шевелиться, спрашивается?

> «– Это вы познакомились с лордом Горносветом Быстроцапом Бураном Четвертым, самым горячим драконом города. Превратить вас в головешки ему раз плюнуть… Я знаю, что у вас сейчас на уме. – В наступившей тишине было отчетливо слышно каждое произнесенное намеренно тихим голосом слово Ваймса. – Вы, должно быть, гадаете, а осталось ли в этой штуковине пламя? По правде сказать, я и сам не так уж в этом уверен…»[47]

«Стража! Стража!»

Пратчетт — бунтарь. Он не соглашается с общепринятым и разрушает всеобщие представления. Давайте вспомним, что он страдает болезнью Альцгеймера, но борется с ней или хотя бы пытается рассказать о ней людям.

---

[47] Примечания: 47

Пратчетт цитирует монолог Клинта Иствуда из культового фильма «Грязный Гарри» *(прим. ред.).*

Пратчетт не готов просто принять свою болезнь. Он пользуется своим положением знаменитого писателя, чтобы общество заметило эту болезнь и поняло, что она довольно распространена, но очень мало изучена (в отличие от болезней вроде рака). Он говорит даже об ассистируемом самоубийстве. Это снова проявляется одержимость Пратчетта? Очень может быть, но в данном случае это его личное дело.

> «Эдинбург еще спал – впрочем, он спал уже сотни лет. В мощенных булыжником переулках и на винтовых лестницах многоквартирных домов Старого города обитали призраки, но это были призраки эпохи Просвещения, прекрасно образованные и воспитанные»[48].

Иэн Рэнкин, «Крестики-нолики»

Вот чего у Иэна Рэнкина нет — так это драконов. А у Пратчетта есть. Он утверждает, что драконы исчезли из реального мира и спят где-то, ожидая, пока их призовут обратно.

Хотя драконы — один из отличительных признаков жанра фэнтези, Пратчетт не просто вводит

---

[48] Примечания: 48
Цит. по пер. В. Когана.

их в роман. Он объясняет, почему они пропали, предполагая таким образом, что они могли жить и дышать огнем и в нашем мире, давным-давно. Толкин это упустил, потому что в «Хоббите» Смауг просто существует. Пратчетт всегда задает вопросы миру вокруг, иногда спокойно, а иногда и довольно сердито.

> «Я не допущу, чтобы какой-то летающий тритон безнаказанно жег мой город, – сказал Ваймс».

«Стража! Стража!»

Глава десятая
Мечты и кошмары детства

«В своей жизни я встречал не много гениев. Несколько блестяще умных людей, но тех, кого можно назвать гением, можно сосчитать по пальцам. Я отношу к ним Адамса, потому что он видел вещи по-другому, и когда он объяснит, как он их видит, уже практически невозможно смотреть на них как раньше».

Нил Гейман о Дугласе Адамсе

Во времена Диккенса назвать кого-то гением означало сказать, что этот кто-то очень хорош в своем деле. Нил Гейман назвал гением Дугласа Адамса, и я почти уверен, что Терри Пратчетта он назовет так же и по той же причине. Больше всего в текстах Пратчетта меня интригует его способность (общая с Роальдом Далем) с легкостью возвращаться в детство. Как будто существует прямой и ярко освещенный путь туда. Необязательно в прошлое, просто в детство. Однажды Даль сказал мне, что не понимает, как именно пишет книги для детей. Мне тогда было

одиннадцать, так что меня заявление озадачило, но сейчас я рискнул бы сказать то же самое о Пратчетте. Детские книги — это просто странный поджанр обычных для них историй. Даль писал великолепные рассказы, Пратчетт — мрачные книги о Плоском мире. Эта мрачность свойственна Смерти и, в некоторой степени, Ночной страже. Темная сторона жизни привлекает некоторых писателей, взять, например, Диккенса, который никогда не забывал о боли, причиненной ему в детстве, примерно как Джон Леннон. Даль, Пратчетт или Дуглас Адамс никогда не стали бы звать маму, а вот Леннон звал. Шрам на душе никуда не деть.

Стивен Фрай в своей автобиографии «Хроники Фрая» рассказывает о знакомстве с Дугласом Адамсом и о том, насколько мучительно было для него писательство. Возможно, ему тоже хотелось звать маму, но он предпочитал материться. Я хочу сказать, что Адамс (примерно как Миллиган, когда он работал над The Goon Show) страдал над каждым предложением, потому что делал что-то совершенно новое. Пратчетт, судя по огромному количеству книг и отсутствию криков боли, пишет все-таки легче, но сравнение с Адамсом все равно актуально. Делает ли это его более великим

гением — хотя это слово совсем затаскали — или мы просто должны признать его очень хорошим ремесленником, как во времена Диккенса?

Сейчас существует тенденция собирать все в одном флаконе, продавать готовую к употреблению продукцию и немедленно получать деньги. Я уже говорил о разнице жанров, но одновременно с этим существуют люди, которые раздвигают границы и создают нечто, что все еще относится к жанру, но уже стоит наособицу. Идеальный пример — «Автостопом по галактике». Это научная фантастика, но юмористическая научная фантастика. А вот серия о Плоском мире сделала то же самое для фэнтези. Воображение идет разными путями и порой может попасть даже в юность. В фэнтези сделать это гораздо проще, потому что волшебная страна с драконами, гномами и ведьмами с крючковатыми носами очень близка к детству.

О детских книгах Пратчетта мы поговорим в отдельной главе, но сначала надо коснуться еще одного важного момента: детство в книгах для взрослых. Эта тема очень важна в хорроре Джеймса Герберта, особенно в трилогии о Дэвиде Эше. Пратчетт всегда держится в рамках, но нам все же стоит обсудить очень важный аспект се-

рии о Плоском мире. Место, где мечты и кошмары детства все еще живы.

Санта-Хрякус.

«Это была ночь перед Страшдеством. Было слишком тихо».

«Санта-Хрякус»

«О боже похмелья», некто, спускающийся по дымоходу с мешком вместо косы, и бессмертные слова «Хо-хо-хо». Это же Страшдество! А что такое Страшдество, как не издевка над Рождеством?

Вообще меня бы это разочаровало, потому что Страшдество впервые появляется до первой книги о Плоском мире. Когда же он наконец решил написать целую книгу о Страшдестве (не могу не вспомнить Гринча, созданного доктором Сьюзом) — на первых же страницах появилось немыслимое количество идей. Как будто открылась запертая раньше дверь в страну детских страхов и мечтаний. Пратчетт начинает с самого начала, со времен, когда Плоский мир был юн и будущие традиции и история появлялись сами по себе, как… ну… «Да какого черта, события просто случаются!» — сказал один из философов Плоского мира.

История шла своим чередом, и традиции тоже

изменялись с течением времени. В шкафу действительно живет чудовище, и няньке нужно вытащить его оттуда и выгнать из дома, чтобы дети заснули. И это правда. В этом и заключается ее повседневная — то есть повсенощная — работа, потому что с рассветом чудовища исчезают.

Магия Рождества, тайны ночи, тонкая грань между детским сном и детским кошмаром и событие, которое воплощает все детские надежды и страхи: Страшдество. Добрый, злой, уродливый и реальный — Санта-Хрякус.

«Санта-Хрякус» должен был быть написан. Он стал тем жутким местом, куда Пратчетту пришлось заглянуть, чтобы описать процесс взросления и иррациональные страхи детства, которые постепенно превращаются в суровую реальность взрослой жизни.

> «А потом остался только снег.
> А потом он стал таять на солнце»[49].
>
> ***«Санта-Хрякус»***

С начала времен люди, рожденные женщиной, живут и умирают. Кто-то рожает своих детей и вносит что-то свое в будущее человеческой расы.

---

[49] Примечания: 49
Цит. по пер. Н. Берденникова, А. Жикаренцева.

Но почему рано или поздно каждый ребенок в ужасе выбегает из ванной, когда там выключают свет, точно так же, как это делали его родители и бабушки с дедушками, не имея никакой реальной причины? Вот здесь-то и появляется Пратчетт, который предполагает, что когда-то, давным-давно некто испытал самый ужасный из возможных страхов и он генетически передался бессчетным поколениям потомков.

> «…появился слабый, но явственный аромат прошлого: запах писем, столь долго хранимых, с выцветшими чернилами и поблекшими ленточками; золотистых и каштановых локонов, надушенных и когда-то положенных – о, как изысканно и нежно! – среди засушенных в толстых книгах цветков, которые немыслимым образом сохраняли самую сокровенную суть уже давно выветрившихся благоуханий; явственно обоняемое позабытое…»[50]
>
> ***Элджернон Блэквуд, «Храм минувшего»***

---

[50] Примечания: 50
Цит. по пер. В. Герасименко.

Страх перед неведомым и тьма, затерянная в тумане времен, — вот те факторы, которые создают напряжение, ужас и интригу. Вот рецепт создания бестселлера. Пугаться притворно гораздо лучше, чем по-настоящему, а вымышленные страхи лучше ужасов реальности, современных или древних.

> «Я уже начал засыпать, когда услышал едва различимые звуки. Я их тотчас же узнал. Мне много раз в жизни приходилось слышать эти звуки, но для меня они всегда оставались самыми волнующими на свете и воскрешали в памяти много приятных минут. Они представляли собою железный скрежет, когда металл едва слышно трется о металл, и их производил, их всегда производил тот, кто очень медленно, очень осторожно поворачивал ручку двери снаружи»[51].

Роальд Даль, «Ночная гостья»

---

[51] Примечания: 51
Цит. по пер. И. Богданова.

Глава одиннадцатая
Любовь питают музыкой

«Послушай, обычные дети получают на день рождения ксилофон. А не просят дедушку снять рубашку!»[52]

«Роковая музыка»

Мрачная величественная музыка Томаса Таллиса, особенно Spem in Alium («Надежда в другом», респонсорий для восьми пятиголосных хоров), стала воплощением кротости и спокойствия в жизни Пратчетта. Он высоко ценит английского композитора шестнадцатого века. Если же посмотреть на почти пуританские предпочтения Пратчетта в одежде и дизайне интерьера, станет очевидно, что он просто любит простоту и консервативность.

Таллис — композитор Елизаветинской эпохи, который писал музыку для королевы и всей страны. Его вещи лучше всего звучат в огромных соборах, на торжественных мероприятиях. Это не такой композитор, как Бах и Моцарт, — он жил и писал в те времена, когда хор ценился

---

[52] Примечания: 52
Цит. по пер. Н. Берденникова, А. Жикаренцева.

выше инструментов. Строгая красота его музыки привлекает Пратчетта. Он, будучи одухотворенным, пусть и не религиозным, человеком, ценит церковную музыку и даже вдохновлялся ею при создании некоторых книг.

Простота — главная черта ряда знаменитых и эпохальных музыкальных произведений в разных жанрах, например «Тихая ночь, святая ночь» или Imagine Джона Леннона. Спросите у любого писателя — первый черновик обычно бывает лучше пятьдесят шестого, потому что со временем смысл теряется за метафорами и сравнениями.

> «Перед ними стояла молодая женщина. Очень даже молодая и вполне очевидно женщина. О том, что она женщина, говорило буквально все в ее облике. Слепец – и тот бы сразу прозрел»[53].
>
> ***«Маскарад»***

Что я имею в виду? Если говорить о секрете написания бестселлеров, ответом, скорее всего, будет «пиши как можно проще». Пиши о том, что ты знаешь, и не старайся слишком сильно. Когда

---

[53] Примечания: 53
Цит. по пер. С. Жужунавы, А. Жикаренцева.

читатель открывает книгу, он должен слышать голос автора. С этим справлялись все великие писатели, от Фредерика Форсайта до Джулии Доналдсон.

> «Ветер завывал. Горы раскалывались под напором бури. Молния беспорядочно тыкалась в утесы, словно старческий палец, выковыривающий из вставной челюсти смородиновое зернышко».
>
> ***«Маскарад»***

Голос любимого автора привычен и приятен, как любимая рубашка или пара туфель, читатель сразу узнает его и рассчитывает на новое приключение. И если что и поможет ему добраться от первой страницы до последней, так это легкость. Для Пратчетта таким автором стал Толкин, а сам Пратчетт сделался любимым писателем для многих других людей.

В 1997 году Пратчетт выступал в радиопередаче Desert Island Discs («Диски для необитаемого острова»). У гостя этой программы спрашивают, какую музыку он взял бы с собой на необитаемый остров. Пратчетт предпочел довольно эклектичный набор, который, впрочем, многое о нем говорит. Любимой песней он назвал Thomas the

Rhymer группы Steeleye Span. Это английская фолк-рок-группа, созданная в 1969 году и прославившаяся в 1975 году хитом All Around My Hat. Steeleye Span и Fairport Convention — две самые известные группы эпохи возрождения британского фолка. От Томаса Таллиса их отделяет целый мир, как, впрочем, и от другой музыки, выбранной Пратчеттом, — от Вивальди и Моцарта до австралийской группы Icehouse и Мита Лоуфа. А вот этого певца уже можно сравнить с одним из героев Пратчетта: Смерть на мотоцикле не может не напомнить об обложке знаменитого альбома Мита Лоуфа Bat Out of Hell. Кстати, заглавную песню из этого альбома Пратчетт тоже внес в свой список.

> «А где-то далеко-далеко, в совсем другом мире, кто-то нерешительно взял в руки музыкальный инструмент, откликнувшийся эхом на ритм его души».
>
> ***«Роковая музыка»***

Когда дело касается музыки, Пратчетт плохо скрывает свои чувства. По его музыкальным вкусам вполне можно судить о его личности. Музыка влияет на него и на его книги, это очень важная часть его жизни. Среди других треков он назвал

The Race for the Rhinegold Stakes Бернарда Майлса. Майлс — писатель, актер и режиссер, известный своими юмористическими монологами. Легко представить, как Пратчетт с отцом слушают его выступления еще в пору Чилтернского клуба радиолюбителей. Как и большинство людей его поколения, Пратчетт вырос, слушая радио и великих комиков второй половины двадцатого столетия. Наверняка своему чувству юмора он во многом обязан передачам Round the Horne, The Navy Lark и Hancock's Half Hour.

> «„Да-да-дада-ам!“ Тебе это что-нибудь говорит?»
>
> ***Форд – охраннику. Дуглас Адамс, «Автостопом по галактике»***

В «Роковой музыке» Пратчетт выбирает ту же классическую композицию, что и Форд Префект (см. цитату выше), пусть даже в виде «Да-да-да-ДАМ!». Судя по всему, некоторые впечатляющие, но короткие музыкальные отрывки могут путешествовать сквозь время и пространство, и именно их используют такие писатели, как Пратчетт и Дуглас Адамс, для своих шуток.

«Роковая музыка» полна музыкальными отсылками. Героев зовут Клифф («Утес») и Бадди

— как тут не вспомнить Клиффа Ричарда и Бадди Холли, звезд пятидесятых годов? Потом девиз «РАЖДЕН, ШТОБ РУНИТЬ» — что это, как не знаменитый альбом Born to Run Брюса Спрингстина и E Street Band.

Конечно же, Смерти приходится вмешаться. Угроза играть на перекрестках, чтобы спасти свою душу (как Эрик Клэптон?), становится вполне реальной, хоть мы этого и не видим. Пратчетт проходится по всей истории поп/рок-музыки, он точно понимает, в чем ее секрет, и поэтому задевает струны читательской души.

В каждой своей книге Пратчетт выбирает тему и полностью ее разрабатывает. Он переворачивает все клише с ног на голову и рассматривает традиционные идеи с новой стороны.

> «Живи быстро. Умри молодым.
> Музыка дергала его душу».

«Роковая музыка»

«Роковая музыка» — это насмешка над популярной музыкой и неудержимой жаждой юности. «Никогда не стариться. Никогда не умирать. Остаться жить вечно в этом последнем, раскаленном добела моменте под рев толпы. Когда каждая нота как удар сердца».

Но, как и в передаче Desert Island Discs, популярной музыкой конца двадцатого века Пратчетт не ограничился. Он оглянулся назад и рассмотрел более традиционные жанры, например оперу — в «Маскараде», пародии на «Призрака оперы» Гастона Леру. Разумеется, люстра, которая висит в театре, — это просто будущий несчастный случай, но книга построена не только на этой шутке. В центре сюжета — музыка. Это клей, который держит вместе оперу. Хорошая музыка, как и хорошие книги или любовь, никогда не умирает.

«Маскарад» — это роман о Плоском мире, входящий в серию про ведьм. Агнесса Нитт уезжает из Ланкра искать славы и устраивается в оперу в Анк-Морпорке. Там пересекаются пути всех ведьм. Матушка Ветровоск обнаруживает, что нянюшка Ягг написала популярную кулинарную книгу, за которую издатели ей не заплатили. Ведьмы отправляются в Анк-Морпорк за деньгами, а заодно за Агнессой Нитт.

Агнесса поет в хоре и там знакомится с Кристиной, которая начинает получать более заметные роли, когда местный призрак требует этого у администрации. В конце концов, убийства, интриги и финансовые махинации становятся обычным делом — как и в музыкальной индустрии в на-

шем мире. Призрак, кажется, просто пользуется удачным моментом.

Интересно, что «Маскарад» и «Роковая музыка» вышли примерно в одно и то же время, но это типично для Пратчетта — он не упускает хороших тем. Ему нужно взглянуть на проблему с нескольких сторон, и именно это мы видим в его работах раз за разом. Только выработав тему до конца, он бросает ее и переходит к следующей. Так что, связаны ли «Маскарад» и «Роковая музыка»? По-моему, да. Это отличные романы о музыке и ее влиянии на людей. Когда в «Маскараде» Кристина становится всеобщей любимицей, мы понимаем, что внешность всегда может затмить талант, и сочувствуем Агнессе.

«Я к тому, что все здесь ведут себя так, словно, кроме музыки, на свете вообще ничего не существует! Сюжеты опер абсолютно глупы! В половине историй все держится на том, что человек не узнает собственную жену или служанку просто потому, что та надела крохотную маску! Толстые дамы исполняют роли чахоточных девиц! А игра актеров? Разве это можно назвать игрой?!. И на двери следовало бы повесить табличку: „Здравый смысл оставьте за порогом“! Если бы не музыка, все это выглядело бы просто нелепо!»

«Маскарад»

В «Маскараде» Пратчетт довольно пессимистично смотрит на мир оперы — в «Роковой музыке» он этого так и не сделал. Кажется, поп- и рок-музыка ему ближе оперной, что, впрочем, совершенно ясно по списку музыки, которую он взял бы на необитаемый остров.

В дополнение к этой музыке Пратчетт решил взять с собой книгу «Съедобные растения южных морей» Эмили Массаль — выбор практичный и одновременно намекающий на любовь к сельско-

му хозяйству. Ну а в качестве предмета роскоши (последний вопрос гостям передачи) он собирается прихватить на необитаемый остров небоскреб Крайслер-билдинг. Ничего себе фантазия, а?

Глава двенадцатая
Долгое чаепитие

«Как будто в природе… таятся тут и там некие вакуумы, дыры в пространстве, находящиеся под углом к трем известным нам измерениям. (Его ум всегда был склонен к подобному теоретизированию, временами даже чрезмерно)»[54].

Элджернон Блэквуд, «Вход и выход»

Многие писатели очарованы темной стороной жизни. Сильнее всего это заметно в детективах, ужасах, научной фантастике и фэнтези. Как будто развлечь читателя можно только при помощи тьмы и зла, с которыми нужно сражаться. Возможно, дело в том, что с момента появления Стивена Кинга и Джеймса Герберта в середине семидесятых общество требует все больше крови. Но разве стоит винить в этом писателей? Ужасы появились тогда, когда люди начали видеть сны.

Впрочем, я хочу поговорить вовсе не об этом. Меня интересует Тьма с большой буквы Т. Тьма По, Диккенса, Шелли, Стокера, Дойла и Стивен-

[54] Примечания: 54
Цит. по пер. Е. Пучковой.

сона — можно назвать их тексты готическими, но это будет неправда. Они знали толк в тайне, и читатель не бросал их книг. Именно тут и ошибся Дэн Браун. Если бы «Код да Винчи» и «Ангелы и демоны» были бы по-настоящему мрачными, они стали бы намного лучше. Вообще немного хоррора не помешало бы многим книгам, например «Крысам» и «Логову» (трилогия Джеймса Герберта «Крысы»). Во «Вторжении», финале цикла, хоррор уже появился, и этот роман стал одной из лучших книг автора.

Во многих книгах Тьма используется грамотно и красиво (у того же Герберта это роман «Другие», или в «Макабре» Стивена Лоса, или в малоизвестном романе Филипа Тревиннарда «Пастор»). Если же уйти от хоррора и вспомнить фэнтези, то Тьма задействована в «Коралине» Нила Геймана, «Вечном похитителе» Клайва Баркера и «Платье цвета полуночи» Терри Пратчетта. На все эти книги стоило бы обратить внимание режиссеру Тиму Бертону, потому что он прекрасно понимает, как именно работает Тьма (посмотрите хотя бы на «Эдварда Руки-ножницы» или «Труп невесты»). И в научной фантастике происходит то же самое. Взять «Доктора Кто», «Пустой ребенок», «Не моргай» и «42» — прекрасные образцы исполь-

зования Тьмы в новых сезонах с Кристофером Экклстоном и Дэвидом Теннантом.

А теперь давайте посмотрим на Тьму в исполнении Терри Пратчетта, а конкретно в романах о Тиффани Болит. «Маленький свободный народец» — это детская книга, «Шляпа, полная неба» и «Господин Зима» — в меньшей степени, а вот «Платье цвета полуночи» — уже совсем нет. Почему? Потому что там идет речь о Тьме.

> «Она успела поспать всего час, прежде чем начался кошмар»[55].
>
> ***«Платье цвета полуночи»***

Сейчас Пратчетт живет и работает в небыстром темпе[56]. Возможно, дело в болезни Альцгеймера или просто в приближающейся старости. В мае 2011 года он признался «Таймс», что теперь он больше обращает внимание на природу. *«Я яснее вижу свой сад, хотя это очень странно [для страдающих болезнью Альцгеймера]. Я разглядываю цветы, птиц и тому подобное».*

---

[55] Примечания: 55

Цит. по пер. Р. Кутузова.

[56] Примечания: 56

На момент выхода данной книги в России Терри Пратчетта уже нет в живых *(прим. ред.).*

Это очень красноречивая цитата. В нашей обычной жизни есть много такого, что мы не замечаем и принимаем как должное, и Пратчетт долгие годы разрабатывал эту тему в своих книгах. Элджернон Блэквуд тоже очень много размышлял о Силе Земли и скрытых вратах в природе (см., например, «Вход и выход», «Вендиго», «Ивы» или даже «Храм прошлого»). Когда Пратчетт рассказывал «Таймс» о своем саде, сложно было не ожидать появления Нак Мак Фиглей. Разумеется, беседа коснулась и этого. Пратчетт сказал, что на следующий день после постановки диагноза он, кажется, увидел «пикси в красном колпаке». Он отвернулся и сказал себе, что это, наверное, цветок или красный лист. Но, посмотрев туда же еще раз, он не увидел ни цветов, ни листьев.

Тиффани Болит однажды сказала, что, когда состарится, наденет платье цвета полуночи — чтобы никто не усомнился в том, что она ведьма. Возможно, Пратчетт имел в виду что-то подобное. Он утверждал, что на самом деле не видел никакого пикси и никому об этом не рассказывал. Но тут есть над чем подумать.

Символ веры говорит нам обо всем «видимом и невидимом», но к этому стоит добавить еще то, что мы не хотим видеть и не пускаем в свою

жизнь. Как будто человеческий удел мешает нам просто остановиться и посмотреть на мир вокруг нас. Наверное, именно поэтому второе зрение чаще встречается у детей, чем у взрослых.

> «Но иногда кое-где просыпается запутанный клубок зла, ненависти и омерзения. Вместе с ним просыпаются старые сказки – сказки о злых ведьмах».

Аннотация к роману «Платье цвета полуночи»

Тиффани Болит стала ведьмой, которая заботится о больных и стариках. Она имеет дело с людьми и поэтому видит, как в мир проникает Тьма. Люди разговаривают с Тиффани о темной стороне жизни. Она пытается сдерживать Тьму, но есть только одно место, где можно обрести силу и надеть платье цвета полуночи.

«Если ты оттяпаешь себе правую руку, я могу заставить тебя забыть об этом, по крайней мере, до тех пор, пока ты не потянешься за ложкой; но горе, тоска, чувство потери? Нет, с ними я ничего поделать не могу. Не посмею. Есть такая штука – „утешалки“, я знаю лишь одного человека в мире, способного сотворить их, и мне даже в голову не придет просить ее, чтобы она научила меня. Это слишком сложно».

«Платье цвета полуночи»

В этом романе меня сильнее всего интересует развитие магии. Тиффани Болит доказывает, что она могущественная ведьма. Она сталкивается со взрослыми проблемами, с темной стороной жизни, которая несвойственна юности и на которую влияют стресс, проблемы в отношениях, болезни и жестокости. Эти вопросы раньше не появлялись в книгах Пратчетта. Или, по крайней мере, он никогда не говорил об этом так запросто. Магией можно помешать домашнему насилию, а некоторые вещи считаются волшебными, только потому что их делает ведьма. Тиффани Болит взрослеет, и жизнь дает ей уроки. В начале книги

Тиффани говорит, что училась у старших — не только у матушки Ветровоск, но и у нянюшки Ягг. Примерно так же подростки прислушиваются к разговорам бабушек и дедушек. Тиффани признается, что нянюшка Ягг хороша в древней, темной магии, магии, которая не нуждалась в ведьмах, магии людей и земли, в волшебстве смерти, брака и помолвки. А также обещаний, которые оставались обещаниями, даже если их никто не слышал. Такие основополагающие вещи, о которых знают все старики.

> «Чтобы понять все это, не обязательно быть ведьмой. Просто в такие моменты окружающий мир начинал казаться более… ну, более реальным и изменчивым, что ли».
>
> ***«Платье цвета полуночи»***

Если мы призна́ем существование этой глубинной магии, а заодно способность Пратчетта разглядеть что-то необычное в своем саду, а потом подумаем еще чуть-чуть, то поймем, что именно его моральная зрелость помогла ему создать Тиффани Болит и других жителей Плоского мира. Он заставил их тоже вырасти. Слишком быстро? Может быть, и нет, но болезнь Альцгеймера

наверняка напомнила ему о собственной смертности и заставила приступить к кульминации сюжетов — например, дополнить серию о Тиффани Болит романом «Платье цвета полуночи».

Приключения Тиффани явно близятся к концу. Она стала серьезной ведьмой. Ее время больше ей не принадлежит. Она думает о свадьбе и отмечает, что многие ведьмы так никогда и не вышли замуж, а те, кто вышел, после замужества в основном ограничили свое ведьмовство сбором целебных трав (если не считать нянюшки Ягг). Можно, наверное, провести параллель с женщинами, выбирающими карьеру, в нашем мире, но когда Пратчетт провозглашает, что все ведьмы, несомненно, женщины, нельзя не вспомнить про Эск и не задуматься, откуда такой конформизм.

Ведьмы особенные. Они отличаются от других людей: они хранят тайны, они приходят во времена большой печали и большой радости (примерно как священники). Людям Мела нужна была ведьма, и Тиффани Болит решила этой ведьмой стать. В самом ли деле таково ее призвание или просто так сложилась жизнь? Задайте этот вопрос тысяче государственных служащих и сами ответьте на него. Люди редко осознанно выбирают карьеру госслужащего, особенно если

они предназначены для чего-то великого. Но Тиффани летает высоко в небе, и никто не видит ее слез. Она просыпается от кошмара — и мы узнаем о Тьме в семейной жизни: мистер Пуст напился, миссис Пуст убежала из дома с криками, потому что мистер Пуст так избил дочь, что она потеряла ребенка… а руки мистера Пуста непроизвольно сжимаются в кулаки, потому что кулаки заменяют ему мозги.

Мистер Пуст, конечно, не прав, но его дочери всего тринадцать. Почему она вообще беременна? Ответ на этот вопрос страшен, и его поймет не каждый ребенок: «Она, по-твоему, была недостаточно взрослой для небольшого романа, но достаточно взрослой, чтобы избить ее так, что у нее кровь потекла отовсюду?»

В авторских примечаниях Пратчетт пишет, что самый лучший способ что-то выдумать — оттолкнуться от реальности. «Платье цвета полуночи» основано на реальных вещах — вещах, о которых шепчутся по углам и никогда не говорят вслух. В этой книге Тиффани Болит сталкивается с предрассудками и вмешивается в ситуации, в которые вмешиваться не следует. Она имеет дело с плохими людьми, со злом и жестокостью. На этом и построена вся история. Это книга о столкновении

с Тьмой и реакцией на это. О вопросах, которыми задаются люди, о решениях, которые ими принимаются. Правильного ответа на вопрос «Хорошо ли я поступаю?» обычно не существует, и Тиффани Болит тоже это понимает. Она становится могущественной ведьмой, но какой ценой?

Есть ли цель у всех этих душевных мук? Когда в «Эрике», одном из первых романов серии, Ринсвинд видит рождение Плоского мира, оказывается, что у мира существует цель, к которой и плывет огромная черепаха. Мне нравится эта идея, потому что она придает смысл существованию А'Туина, его бесконечному одинокому плаванию. В «Безумной звезде» тоже была цель, и она должна сохраняться и потом. Огромное полотно Плоского мира нуждается в укреплении, но нужны ли цель и направление людям, которые там живут? Смысл жизни? Может ли быть так, что весь мир и его жители созданы для исполнения какой-то цели? И мы можем найти дорогу обратно к Богу? Как-то это не соотносится со взглядами Терри Пратчетта. Суть именно в беспорядочности Плоского мира, в сочетании важных и бессмысленных элементов — прямо как в нашей жизни. Не надо сравнивать Плоский мир с другими фантастическими мирами, рас-

сматривайте его как независимое и непонятное явление — ну, как наш мир. Ближайший аналог в литературе, который я могу найти, — это «Танец под музыку времени» Энтони Пауэлла, где жизни героев то и дело пересекаются совершенно случайно, иногда через много лет. Это напоминает об обычной жизни, как будто вся книга — просто сборник случайных эпизодов.

Что я пытаюсь сказать о Плоском мире? Что он создавался не для детей. Фэнтези — это серьезный жанр, и для описания параллельного мира Тьмы и его ужасов используются взрослые темы. В некотором роде Пратчетт так и не избавился от своего дядюшки Джима времен «Бакс фри пресс», а то и от тех текстов, которые писал для одноклассников. Он очень старался написать детские книги о Плоском мире. Мультфильмы и комиксы о нем имели большой успех, потому что в них упускались многие детали, и сюжет делался более приемлемым. У Пратчетта есть удачные книги для детей (например, «Удивительный Морис и его ученые грызуны» и «Маленький свободный народец», особенно иллюстрированная версия), но в целом его книги предназначены как минимум для подростков, которые начинают принимать важные решения. Тут и начинаются

чудеса Плоского мира и возможность чему-то научиться. Учеба же эта длится всю жизнь.

> «Гарри махал вслед и улыбался, хотя вид поезда, уносящего вдаль его дитя, наполнял сердце грустью…»[57]
>
> ***Дж. К. Роулинг, «Гарри Поттер и Дары Смерти»***

В песне Two Hearts Брюса Спрингстина (альбом The River) есть строчка о том, что люди вырастают и снова начинают мечтать. Возможно, смысл фэнтези не только в том, чтобы учить детей морали, но и в том, чтобы напоминать о ней взрослым, которые сами могли бы учить младшее поколение.

---

[57] Примечания: 57
Цит. по пер. С. Ильина и др.

Глава тринадцатая
Книги для детей

«Сказки не говорят детям о том, что есть драконы, – дети сами об этом знают. Сказки говорят, что драконов можно убить».

Г. К. Честертон

Даже если бы Терри Пратчетт не написал ни одного романа о Плоском мире, он стал бы знаменитым детским писателем. Когда взрослые видят его романы, предназначенные для детей, они постоянно спрашивают: «Разве они не для взрослых?» — имея в виду книги о Плоском мире. Как мы уже видели, многие из этих книг вовсе не предназначены для детей, но у Пратчетта есть несколько вещей, написанных специально для самых юных читателей. Путать их с книгами о Плоском мире не стоит. Это трилогия о номах, трилогия о Джонни Максвелле и «Где моя корова?».

«Где моя корова?» — это детская книга с картинками, выпущенная одновременно с одним из романов о Плоском мире («Шмяк!»). В этом

романе Сэм Ваймс читает своему сыну на ночь сказку о пропавшей корове и ее поисках. (Книга, упомянутая в другой книге, — предшественник «Сказок барда Бидля» из «Гарри Поттера и Даров Смерти»). Это короткая книга со множеством прекрасных иллюстраций, совсем не похожая на все, что Пратчетт делал раньше. Несколько иллюстраций он сделал сам.

Трилогия о номах состоит из романов «Угонщики» (1990), «Землекопы» (1991), «Крылья» (1991). Она рассказывает о расе номов, которые обнаружили, что когда-то прилетели с другой планеты, и решили на нее вернуться.

Эта трилогия частично опирается на «Илиаду», а частично — на названия тропических растений семейства бромелиевых (в Великобритании трилогия о номах известна также как Бромелиевая трилогия). Как и в случае с первыми романами о Плоском мире (или плоских мирах, если включить сюда «Страту»), мы видим несколько книг, тесно связанных друг с другом и рассказывающих о приключениях одних и тех же героев, на этот раз — номов. Результатом еще одной попытки написать серию книг подряд стала трилогия о Джонни Максвелле. Трилогия о номах и трилогия о Джонни Максвелле связаны: действие

«Угонщиков» происходит в Сплинбери, родном городке Джонни (впервые он появляется еще в рассказах для «Бакс фри пресс»). Снова в разных сериях книг появляются общие темы, герои и места. Это позволяет исследовать разные темы с одинаковой тщательностью.

Трилогия о Джонни Максвелле — одна из самых знаменитых вещей Пратчетта. Эти книги немедленно полюбились детям, особенно мальчикам-подросткам, потому что главный герой — их ровесник. Пратчетт говорит, что эта серия — очень вольное переложение книг об Уильяме, написанных Ричмал Кромптон в девяностых годах. Я не согласился бы с этим. Джонни — юноша высоких моральных качеств, который видит то, чего не видят другие, но вот его странные друзья подчеркивают скрытые достоинства историй об Уильяме. Бигмак (получивший свое прозвище по очевидным причинам), Ноу Йоу (потому что он никогда не говорит «Йоу» и вообще какой-то не клевый для черного) и Холодец (потому что он трясется при ходьбе) особой моралью не отличаются.

Впервые мы встречаемся с ними в книге «Только ты можешь спасти человечество», по-

учительной сказке начала компьютерной эры[58]. Холодец — любитель компьютерных игр. Он играет в игру, изучает ее, взламывает, меняет правила, ну и наконец отдает ее друзьям. Джонни Максвелл считает, что получил новую игру от Холодца, но потом инопланетяне из игры «Только ты можешь спасти человечество» вдруг сдаются и умоляют его не убивать их больше.

Мне нравится, что эта книга заранее предсказывает существование жестоких компьютерных игр, которых полно сейчас. Роман «Только ты можешь спасти человечество» вышел в 1992 году, в эпоху зарождения жестоких военных игр нового тысячелетия. Впрочем, сам роман отсылает к фильму семидесятых годов «Грязный Гарри». Это видно, например, по знаменитой фразе «Валяй… дай как следует оттянуться».

Джонни и его друзья — очень правдоподобные герои, мучающиеся подростковыми проблемами. Детские проблемы тоже еще никуда не делись — например, развод родителей (который принято именовать Трудными Временами), старшие и куда более смелые братья и сестры, любовь к

[58] Примечания: 58

Второй роман о Джонни Максвелле, «Джонни и бомба», был задуман раньше первого, но Пратчетт решил сначала написать «Человечество», чтобы этого не сделал кто-нибудь другой.

фастфуду и разговорам о ерунде. Но вся эта ерунда — не просто так, по крайней мере для Джонни. Он может видеть то, чего не видят другие, и его друзья это принимают и даже радуются.

Один из самых важных эпизодов книги — сцена, где Бигмак избегает верной смерти, когда Джонни запрещает ему кататься на краденой машине. Мальчик получает один из самых суровых уроков в жизни, когда видит своих друзей мертвыми. Он знает, что тоже бы погиб, если бы Джонни не увел его. Для юных читателей это тоже послужит уроком.

Несмотря на свои способности, внешне Джонни Максвелл — обычный парень. Когда мы встречаем Керсти (очень азартную девушку), она вспоминает, что, кажется, встречала друзей Джонни — но вот его самого не помнит. Джонни дает и ей несколько важных уроков: например, не обязательно с кем-то состязаться и не всегда «сначала стрелять, а потом задавать вопросы» — лучшая стратегия. Он доказывает Керсти, что менее активная позиция в жизни тоже заслуживает уважения.

«Я целую неделю во сне пытался Спасти Человечество! Грязная работа всегда достается таким, как я, гибнуть должны не самые умные и не самые везучие! А ты болталась рядом и пялилась!»[59]

«Только ты можешь спасти человечество»

«Только ты можешь спасти человечество» — это книга о взрослении. О том, как отличать правду от лжи. О том, что все действия влекут за собой последствия. Джонни и Керсти — две крайности. Джонни совсем не азартен, а вот Керсти слишком азартна, но зато невозмутимость Джонни позволяет ему глубже видеть мир вокруг. Именно поэтому его восприятие острее, чем у других. Он будто бы поднимает все камни жизни и внимательно под них смотрит. Он не из тех, кто проходит мимо или вовсе не замечает камней.

«Джонни и мертвецы» — это продолжение романа «Только ты можешь спасти человечество». Родители Джонни развелись, и он живет с матерью и дедом. Ему предстоит принять одно из важнейших решений в жизни любого подростка:

---

[59] Примечания: 59
Цит. по пер. Е. Александровой.

кем он станет, когда вырастет. Он признается, что хочет стать «кем-нибудь, для кого еще не придумали названия». Это отлично описывает самого Пратчетта, человека, который вынужден был изменить свою жизнь из-за болезни.

> «Штука в том, что нельзя просто сидеть и ждать Блестящих Перспектив, – пробормотал Джонни»[60].

«Джонни и мертвецы»

Есть ли в Джонни Максвелле что-то от двенадцатилетнего Терри Пратчетта? Очень возможно. У великих писателей часто есть что-то вроде прямого прохода в собственную юность, и Пратчетт это ясно продемонстрировал, написав настолько правдоподобные романы для подростков. «Только ты можешь спасти человечество» — отличное начало трилогии о Максвелле, но следующие два романа стали заметным шагом вперед. В них рассмотрены очень важные темы.

---

[60] Примечания: 60
Цит. по пер. Е. Александровой.

«Никогда не позволяй суеверию вставать на пути рационального мышления».

«Джонни и мертвецы»

Часть персонажей второго романа о Джонни Максвелле — мертвецы. Неизбежно возникает вопрос, что же случается с людьми после смерти. Это не подчеркивается, но тот, кто вспомнит сцену автокатастрофы в «Только ты можешь спасти человечество», непременно задумается.

Сюжет «Джонни и мертвецов» сводится к тому, что Джонни узнает, что местное кладбище планируют разрушить и построить там новый район, а вот местные жители (духи и призраки) эту идею не одобряют. Джонни видит мертвецов, а его друзья нет. С этого и начинается второе приключение Джонни Максвелла.

Сначала Джонни удивляется, что мертвецы выглядят вовсе не так, как в клипе Майкла Джексона «Триллер». Они просто бывшие люди, и их принципы еще не особенно устарели.

«…очень трудно помнить, что вне игры есть комната, а за пределами комнаты – город, а за городской чертой – страна, а за границами страны – мир, а за рубежами мира – миллиард триллионов звезд».

«Джонни и мертвецы»

Пратчетт с легкостью показывает, как подросток может оценить размер Вселенной. А потом с не меньшей легкостью демонстрирует, что мертвецы — не гротескные монстры, которые только и мечтают сожрать твои мозги. Это бывшие друзья и члены семьи, предки ваших соседей, известные и неизвестные, и все они когда-то существовали, жили и дышали. Странно наблюдать, как встретили свою судьбу разные люди на кладбище. Кто-то скончался в результате несчастного случая, кто-то от старости, а кто-то… впрочем, читайте сами. Вот, кстати, и идея для школьного проекта: изучить обычных людей в родном районе и узнать, как они жили и чем зарабатывали на эту жизнь.

Роман «Джонни и мертвецы» учит юных читателей не бояться смерти и показывает, что жизнь — очень хрупкая штука и дана нам всего лишь на мгновение. Еще в книге задается вопрос о стрем-

лении к прогрессу. Так ли на самом деле нужен этот прогресс? Всегда ли он хорош? Если большая компания приходит в маленький городок, это хорошо или плохо? Хорошо, потому что появляются новые рабочие места, и в город приезжают новые люди. Но вот как насчет мелкого бизнеса, который существовал в городке десятилетиями? Не будет ли он поглощен огромной компанией?

> «Слишком многое утеряно уже безвозвратно… Вы перекопали Хай-стрит – а сколько там было маленьких лавчонок! На этой улице жили люди! Теперь там сплошь тротуары и пластиковые щиты, и люди боятся ходить той дорогой по вечерам».

«Джонни и мертвецы»

В «Джонни и мертвецах» очень много идей и моральных планов. Это очень недооцененная книга — лучшая в трилогии о Джонни Максвелле — и ее явно необходимо внести в список чтения для начальной школы.

Еще одна книга, очень полезная для детей, — «Джонни и бомба», кульминация трилогии о Джонни Максвелле. Джонни с друзьями находят миссис Тахион, городскую сумасшедшую, с

которой мы впервые знакомимся в «Джонни и мертвецах», без сознания. Чем больше времени они проводят с ней, тем сильнее убеждаются, что она вовсе не сумасшедшая и что ей принадлежат ключи от разных эпох прошлого.

Например, от «Сплинберийского блицкрига» 1941 года. Затерявшись в истории, Джонни и его друзья получают несколько уроков — переместившись вперед во времени, они видят последствия своих действий. Да, они старались изменить все к лучшему, но сработало это вовсе не так. Например, если попытаться не дать бомбе взорваться, разные люди могут принять разные решения, и те, кому было суждено встретиться и пожениться, никогда этого не сделают. И это только часть изменений.

«Джонни и бомба» помогает детям посмотреть на свой родной район по-другому. Внезапно увидеть свой нынешний уютный мир опасным местом, ареной боевых действий, и понять, что совсем недавно все было совсем не таким мирным, как сейчас.

И при этом «Джонни и бомба» — смешная книга с приятными отношениями между главными героями.

Жаль, что на этом приключения Джонни и

его друзей закончились, потому что эти книги, особенно вторая и третья, рассказывают детям о местной истории и о последствиях своих действий и решений. И очень интересно, остались ли способности Джонни с ним навсегда и какую профессию он в результате выбрал (этим вопросом он задавался всю серию). Хотелось бы посмотреть, как он вырастет, какие еще приключения будут его ждать, кем станут его друзья Ноу Йоу, Бигмак и Холодец. А если учесть, что в третьей книге снова появилась Керсти, которая помогла Джонни спасти человечество в первой книге… может быть, между ними возникли бы романтические отношения?

Книги о Джонни Максвелле рассказывают о шансах, которые тебе выпадают, и о выборе, который приходится делать в юности, о том, что ничто нельзя принимать как должное, о необходимости постоянно задавать вопросы. Это одни из лучших книг, написанных Пратчеттом, и они позволяют нам понять, как он сам смотрит на этот мир и его чудеса. Он говорит, что не верит, будто люди правильно понимают религию, но зато верит в человеческую душу и ее способность постоянно стремиться к лучшему. Эти книги помогают нам по-новому оценить то, что у нас есть,

и понять, что времени у нас немного. Наш город изменится, наши друзья уедут или перерастут нас, те, кого мы знали и любили, умрут и станут просто памятью.

> «Джонни и дедушка некоторое время смотрели друг другу в глаза. Тишину нарушали только дождь и тиканье часов на каминной полке»[61].
>
> ***«Джонни и бомба»***

[61] Примечания: 61
Цит. по пер. Н. Аллунан.

Глава четырнадцатая
Народ

«Костер потрескивал, дым и пар поднимались вверх, в темноту, и он увидел в свете огня своих родных: они наблюдали за ним и улыбались ему. Он закрыл глаза и постарался отогнать толпу воспоминаний»[62].

«Народ, или Когда-то мы были дельфинами»

Иногда авторы, которые пишут длинные серии книг, внезапно выпускают очень успешную отдельную вещь, которая не имеет ничего общего с их знаменитыми героями. Хороший пример — детективщик Иэн Рэнкин, который написал короткий роман «Открытая дверь» — он продается гораздо лучше последней книги об инспекторе Ребусе.

В этом нет ничего удивительного. Некоторые люди хотели бы почитать конкретного писателя, но не хотят начинать читать серию с девятнадцатого тома и пытаться проследить

---

[62] Примечания: 62
Цит. по пер. Т. Боровиковой.

взаимоотношения между всеми героями. Узнав, что существует внесерийная книга, они решают попробовать — так иногда зарабатывается огромная новая аудитория.

«Народ, или Когда-то мы были дельфинами» (2008) стал первой за десять с лишним лет книгой Пратчетта не о Плоском мире. Эту историю необходимо было рассказать, и она немедленно привлекла всеобщее внимание. Книга получилась смешной и грустной. В ней снова подросток — на этот раз мальчик — на грани взрослости сталкивался со сложностями жизни.

Прежде чем познакомиться с мальчиком по имени Мау, мы читаем двухстраничный пролог, похожий на «Просто сказки» Киплинга. В нем рассказывается о сотворении мира. Действие романа происходит в девятнадцатом веке где-то в мультивселенной — не в нашем мире, но в очень на него похожем. Мау попадает на остров Мальчиков, откуда он должен вернуться не позднее, чем через тридцать дней, оставив там свою детскую душу. К Народу он должен прийти с взрослой душой.

Смастерив лодку, чтобы вернуться домой, и прибрав место своей стоянки, он начинает тревожиться. Со всего острова улетают птицы, и

Мау чувствует, что должен вернуться домой. Бегут только животные и мальчики, а мужчины встречают опасность лицом к лицу. Потом он видит огромную черную волну и боится за судьбу Народа. Когда он возвращается домой, его никто не встречает. Мау боится, что катастрофа уничтожила его племя, и плачет как ребенок. Главная тема первых страниц «Народа» — осознание своей уязвимости. Мальчик находится между двумя периодами жизни и поэтому чувствует себя особенно одиноким.

Как часто мы видим этот мотив в романах Пратчетта? Вспомним Мора, принцессу Кели, Тиффани Болит, Эскарину Смит и даже Джонни Максвелла. В романах Пратчетта существуют определенные жизненные правила, и они зависят от возраста человека. Дети обладают чистой, но тайной магией и могут использовать ее и в добрых, и в злых целях. Дети встречаются с катастрофами и должны с ними справляться. Когда Мау понимает, что цунами уничтожило его племя, и видит тела в развалинах деревни, он перестает думать о катастрофе и хоронит мертвецов в море, чтобы они могли превратиться в дельфинов (таковы его религиозные представления). Ему постоянно хочется вспоминать пережитый ужас, особенно

по ночам, но он не делает этого, демонстрируя несвойственную его возрасту зрелость. Потом он слышит голоса предков, которые велят ему последовать традиции народа и произнести молитвы над мертвыми. Это самая жуткая сцена, во время которой хочется кричать: «Может, хватит с мальчика?» Нет, не хватит. Только теперь история начинается по-настоящему.

Пратчетт собирался написать этот роман раньше 2008 года, но ужасное цунами в Индонезии ему помешало. Он не смог бы убедить читателей, что роман рассказывает не о реальной катастрофе. Поэтому он отложил идею на время. В результате роман вышел после тридцать шестой книги о Плоском мире, «Делай деньги».

История Мау, последнего из Народа, начинается трагически. Но, похоронив мертвецов в море, он не теряет головы. Жизнь Мау должна продолжаться, потому что в нем — будущее Народа. Вскоре он встречает девочку по имени Эрминтруда (хотя она предпочитает называться Дафной). Они не знают языков друг друга, но они близки по возрасту, и их свела вместе природная катастрофа.

«Они не знали, почему это смешно. Иногда человек смеется, потому что в душе больше нет места для слез. Иногда потому, что светский этикет у костра на морском берегу – это очень смешно. Иногда потому, что ты выжил, когда все было против тебя».

«Народ, или Когда-то мы были дельфинами»

Дафна происходит из цивилизованного мира. Она леди, а Мау — дикарь, но при этом они оба обладают некоторой магией. Природной. Магия Мау — это древняя сила инстинктов и традиций, а магия Дафны — наука и влияние общества. Короче говоря, он владеет старой магией, а она — новой, и их отношения строятся на родстве противоположностей. Но потом Мау начинает задаваться вопросами жизни и смерти и, конечно, не находит ответов. А Дафна говорит, что «магия» — лишь другой способ сказать «я не знаю» (то есть в этой ситуации необходима магия). Пратчетт снова исследует природную магию. Нельзя не задать вопрос: существует ли на самом деле магия? А Бог? Но это все слишком глубоко для «Народа». Красота этой истории в простоте.

Каноэ подходит к острову, едва не утонув. На острове обнаруживается старик, жрец с одного из соседних островов, который спас женщину и ребенка. Теперь героев становится пятеро. Старик презирает Мау, зовет его «демонским мальчишкой», как будто нет никакого оправдания тому, кто выжил, когда все его племя погибло. Мальчик злится и ненавидит богов, которые его прокляли, но старик (возможно, сам Пратчетт?) говорит, что, хотя у него скрипят колени и болит спина, он каждый день радуется, что все еще жив (возможно, причина кроется в капле алкоголя? О, слабости плоти!).

«Народ» мог написать только зрелый человек, который пережил все стадии взросления. Эта книга постоянно рискует скатиться в штампы и клише, но все же избегает этого. Каждый раз, когда вам кажется, что вы знаете, что случится потом, именно этого и не происходит.

Типичен ли «Народ» для творчества Терри Пратчетта? Нет. Но это одна из тех книг, которые должны были быть написаны. Пратчетт говорил, что большая часть истории пришла к нему разом. Она затрагивает обычные для него темы: разные периоды жизни, необходимость быстро вырасти, серьезные решения, вопросы о Боге,

столкновение старой магии с новой, природные явления, которые иногда принимают за магию. Рассматриваются в этой книге и вопросы экологии, в том числе глобальное потепление. «Народ» впервые поднимает мрачные и темные темы, которые потом появятся в «Платье цвета полуночи». Возможно, дело в болезни Альцгеймера — в фэнтези-романах Пратчетта (не только в книгах о Плоском мире) внезапно появляются мрачные и глобальные мотивы. «Народ» стал первым шагом в мир серьезных тем, и читатели и критики сразу это поняли. «Народ» — одна из важнейших книг Пратчетта.

История развивается, становится все более сложной и запутанной, особенно когда на острове Мау появляются новые гости, братья и беременная жена одного из них. На самом деле она уже рожает — и тут Дафне приходится столкнуться с собственными демонами. Беспомощной девятилетней девочкой она слышала, как кричит в родах и умирает вместе с ребенком ее мать.

Примерно в этот момент Мау объявляет, что он сражается со Смертью. Заметьте, не со смертью, а со Смертью, с Мрачным жнецом, одним из важнейших героев серии о Плоском мире. И, кстати, обратите внимание, что дедушки говорят с Мау

ЗАГЛАВНЫМИ БУКВАМИ. Он сошел с ума? Это действительно духи его предков? Или с ним разговаривает Смерть? Сюжет вдруг становится еще запутаннее. Новая женщина рожает ребенка.

«Народ» — это роман о жизни и смерти, выборе и шансе, борьбе и выживании. Мы узнаем, как коротка жизнь и как мало можно успеть. Интересно сравнить мир книги с реальным — роман чем-то напоминает текстовую версию Imagine Джона Леннона.

«Народ» знаменует начало нового этапа в творчестве Пратчетта. Эта книга позволяет проверить реальность вокруг себя, понять, сколько всего дает нам жизнь — в полной мере оценить все это можно, только оказавшись на необитаемом острове. И в этот момент мы начинаем понимать что-то новое.

> «Я узнаю новое, – подумала Дафна. – Надеюсь, скоро я узнаю, что именно я узнала».

«Народ, или Когда-то мы были дельфинами»

Учит ли нас чему-то эта книга? Может, и нет. Но она дает нам время подумать. Возможность оценить, что по-настоящему для нас важно. Так

бывает со многими великими книгами. Кстати, предназначен ли этот роман для юных читателей? Если мы говорим о подростках, то да. Но не стоит думать, что это детская книга, и ставить ее в один ряд с трилогией о Джонни Максвелле или с книгами о номах. Дело не в нескольких довольно жестких выражениях. «Народ» — это книга о молодых людях, попавших в суровую взрослую реальность. Пятиклассникам этого просто не понять. Дети в этой книге — не совсем дети, они уже подростки, и они отчаянно пытаются понять, как бы поступили на их месте взрослые люди с опытом.

При этом, когда появляется старый мудрый человек, Мау начинает действовать против него. Мау — вождь, Мау — Народ, а старый жрец тут ни при чем. Управляет ли Мау ситуацией? Наверное, нет. Старик-жрец пугает его, и Мау признается в этом одному из братьев. Мау постоянно задает вопросы, пытаясь понять девочку из другого мира и всякие взрослые вещи, которые ему рассказали бы, когда он вернулся бы в племя. Мау повезло найти человека, которому он может признаться в своем невежестве.

«– Послушай, я знаю, ты думаешь, что

богов нету…

– Может быть, они все-таки есть. Я только хочу знать, почему они ведут себя так, как будто их нету. Я хочу, чтобы они объяснили!»

«Народ, или Когда-то мы были дельфинами»

Как и в хороших романах о Плоском мире, тут возникает тема религии. Но возникает только в виде вопроса, который герои задают себе в особенно жутких ситуациях. Существует ли Бог? И если да, почему Он это допускает?

Вопрос этот очень древний. Особенно часто его задавали во второй половине двадцатого века, обсуждая зверства нацистской Германии. Почему Бог это допустил? Потому что человечеству нужна была катастрофа, чтобы сделать паузу и немного подумать? И не допустить чего-то еще более ужасного? Может быть. Когда произошла трагедия на «Хиллсборо»[63], которая потрясла весь футбольный мир, в Великобритании перестроили многие стадионы. Это стало возможным

---

[63] Примечания: 63

Страшная давка, произошедшая 15 апреля 1989 года на стадионе «Хиллсборо» в Шеффилде во время полуфинального матча Кубка Англии по футболу и повлекшая смерть 96 человек (прим. пер.).

потому, что футбольные фанаты обещали вести себя прилично. Как ни странно, они действительно это делали — из уважения к невинным жертвам.

Пилу (один из братьев в «Народе») плачет. Мау знает, что это правильно, но все-таки не может расплакаться сам. Все, кого он любил, погибли, погибли его культура и образ жизни (многое никогда не удастся восстановить, потому что его не учили некоторым вещам). Мау чувствует ответственность. Он обязан защитить то, что осталось от его мира. Как это сделать? Просто жить на своем острове, оставаться на своем месте. Варить пиво, слушать дедушек, защищать Женскую деревню. Это все, что может предложить ему жизнь? Такова его судьба? Это и значит быть мужчиной?

Многие были бы благодарны за такую судьбу, но благодарен ли Мау? Если он выберет этот путь, его ждет одиночество, потому что ни одна женщина, разумеется, не останется с ним. Мау злится, и вот тут-то мы и узнаем, что на самом деле Пратчетт думает о религии.

«Так вот что такое боги! Они – первый подходящий ответ! Потому что нужно добывать еду, рожать детей, жить жизнь – на большие, сложные, тревожащие ответы нету времени! Нам нужен простой ответ, чтобы не приходилось думать; потому что, стоит начать думать, и можно наткнуться на ответы, не подходящие к миру, каким он нам нужен».

«Народ, или Когда-то мы были дельфинами»

Мау спрашивает у старика, существуют ли боги. Зачем они нужны людям? Ведь сами люди важнее? «Без других людей мы ничто», — говорит он. Но всего через две недели от Народа остается только память: на острове появляются другие люди, и все меняется.

«Он был здесь, на безлюдном берегу, и ему ничего не шло на ум, кроме глупых детских вопросов… Почему всё кончается? А как всё начинается? Почему хорошие люди умирают? Чем занимаются боги?»

«Народ, или Когда-то мы были дельфинами»

Мау знает, что он не сможет сохранить Народ в одиночку, но ему не хватает знаний, чтобы изменить что-нибудь. Он верит, что боги ему не помогут, что ответ должен прийти изнутри, но сделать все сам он не может. В результате чудовищных усилий и недостатка сна он оказывается на грани смерти.

Примерно в этот момент Дафна вспоминает, как капитан ее злосчастного корабля цитировал Евангелие от Марии Магдалины на похоронах юнги. Интересно, что в нашем мире обрывки папируса с этим древним текстом не считаются одним из официальных Евангелий, так что Пратчетт опять немного пошутил с религией и с католической церковью. Правда, он немного смягчает удар, сообщая в приложении, что, по мнению Дафны, среди апостолов были женщины,

потому что «Господа нашего всегда изображают одетым в белое — а кто-то ведь должен был ему вовремя постирать».

Вторая часть книги посвящена в основном красоте дикого мира. Народ — как и большинство знаменитых индейских племен — видит вокруг себя нетронутую историю. У них есть традиции и цель, потому что они чувствуют родство со своими предками. Ну, Мау точно чувствует. Впрочем, Дафна тоже что-то понимает. Он говорит, что на острове никогда не бывал ни один европеец, потому что золото в пещере дедушек лежит нетронутым. Как тут не вспомнить разоренную Долину Царей в Египте?

«Народ» нельзя назвать кульминацией идей Пратчетта, но это чудесное их воплощение. Любовь к астрономии и чудесам матери-природы помогла создать интересный фон для истории о древней расе, уничтоженной катастрофой. Дикий — но отнюдь не примитивный — подход к жизни Народа показывает, о чем забыли так называемые цивилизованные люди: «Если ложь делает нас сильнее, ложь станет моим оружием… Людям нужна ложь, чтобы жить. Они требуют ее, крича во весь голос».

Представители цивилизованного мира ча-

сто назначаются отрицательными героями. Например, в фильме «Аватар», основанном на истории уничтожения американских индейцев переселенцами из «цивилизованного» мира, нарушавшими все договоренности. Возможно, с обществом действительно что-то не так, если книги и фильмы вынуждены напоминать о том, как прекрасен мир и люди в нем.

Пратчетт говорит о «флагах и ружьях», то есть о Британской империи. Флаги втыкались в новые земли, а ружья не позволяли их оттуда вытащить. Фантастическое допущение «Народа» вовсе не в том, что действие происходит в параллельном мире. Народ получает что-то от европейцев. В реальности такого никогда не случалось.

> «Мышление.
>
> Герои книги иногда предаются этому занятию. Попробуете ли вы его в домашних условиях – зависит исключительно от вас».

«Народ, или Когда-то мы были дельфинами», примечание автора

«Народ» (2008) и «Платье цвета полуночи» (2010) — это рассказ об обществе, в котором мы выросли. О кровопролитии, которое устраивают

победители — те, кто пишет учебники по истории, оправдывая в них свои преступления. О том, что историю любого народа можно перевернуть, взяв в руки оружие.

Глава пятнадцатая
Вежливые орангутанги

«Однажды я обнял орангутанга и потом очень долго пытался достать свою шляпу с дерева».

Терри Пратчетт

По-малайски «оранг» — это «человек», а «утанг» — «лес», так что «орангутанг» — «лесной человек». Орангутанги очень близки к людям, но примерно 90 % времени они тратят на поедание фруктов и листьев. Есть два вида орангутангов: *Pongo pygmaeus* с Борнео и *Pongo abelii* с Суматры. Представители двух видов немного отличаются. У орангутангов с Суматры у́же лицо и длиннее борода, а орангутанги с Борнео немного темнее.

В отличие от многих других приматов, орангутанги — не социальные животные, особенно самцы. Большую часть времени они проводят в одиночестве. Дети какое-то время цепляются за шерсть матери, а потом ходят за ней по пятам. Первые пять лет жизни они остаются с матерью. Если самка заводит троих детей, это занимает у нее примерно пятнадцать лет, а общая про-

должительность жизни составляет сорок пять лет. Орангутанги живут очень долго, но их среда обитания находится в смертельной опасности.

Индонезия занимает третье место в мире по количеству тропических лесов. К сожалению, каждую минуту уничтожается участок леса, равный по территории десяти футбольным полям. В отчете Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП), опубликованном в 2007 году, указывалось, что 98 % тропических лесов Индонезии будут уничтожены к 2022 году. На Борнео осталось всего 54 000 орангутангов (вид находится под угрозой вымирания), а на Суматре — всего 6600 (вид на грани исчезновения). В общем, будущее орангутангов выглядит печально.

Надежды для них не осталось? Миру плевать на них? Не совсем. В 1990 году был основан Фонд спасения орангутангов[64], и Терри Пратчетт стал одним из восьми членов правления. Цель фонда — сохранить популяцию орангутангов в естественной среде и рассказать людям об этих приматах.

---

[64] Примечания: 64

Британский фонд является филиалом Проекта сохранения орангутангов Суматры (SOCP), многоплановой программы спасения вида Pongo abelii, орангутангов Суматры, находящихся под угрозой исчезновения. www.orangutan.org.uk *(прим. авт.).*

В 1995 году Пратчетт снял в Борнео и Лондоне документальный фильм «Терри Пратчетт в джунглях», который рассказывает о любви писателя к орангутангам и его глубоком знакомстве с их жизнью. В фильме затронуты — в типичном для Пратчетта юмористическом ключе — многие важные темы. Кроме того, это очень милое зрелище. Несколько раз любопытный молодой орангутанг снимает с Пратчетта шляпу, а другой орангутанг наотрез отказывается фотографироваться на белом фоне.

Пратчетт очевидно восхищается приматами. «Умные и любопытные люди всегда засовывают пальцы в розетку вселенной, тычут в выключатель и смотрят, что случится потом». Эти слова Пратчетт сказал молодому орангутангу, повисшему у него на плече. Было ясно, что ему очень нравится смотреть на любимое животное в естественной среде обитания. Зато ночью его атаковали жуки, и к утру писателю очень захотелось уничтожить всех насекомых, известных человечеству.

Фильм был снят при поддержке Фонда спасения орангутангов. В нем принимали участие Иэн Редмонд, кавалер ордена Британской империи, специалист по тропической биологии, и доктор

Бируте Галдикас, которая почти сорок лет занималась изучением орангутангов Индонезии. У создателей фильма получилось привлечь внимание к проблеме. Сэр Алек Гиннесс записал в своем дневнике, что давно не видел по телевизору ничего настолько же впечатляющего, и многие готовы согласиться с великим актером.

Пратчетт заинтересовался орангутангами, когда библиотекарь Незримого Университета превратился в такового. К сожалению — ну или к счастью, — орангутангом он остался навсегда. В этом есть свои преимущества. Во-первых, он стал в три раза сильнее человека (кто-то говорит, что в семь, но Пратчетт считает, что в три). Ладони у орангутанга больше и сильнее (очень полезно при работе с гигантскими гримуарами), а руки длиннее тела (семь футов, чтобы дотянуться до книги в заднем ряду). Ну а еще он научился карабкаться на верхние полки больших шкафов, тоже отличный бонус (спросите у любого студента). Проблемы, впрочем, тоже есть: орангутанги живут в два раза меньше людей и не способны произнести ничего, кроме «у-ук», поэтому беседовать с ними сложно (зато у библиотекаря отличная речевая характеристика).

У библиотекаря нет жировых наростов на

щеках, которые очень нравятся самкам орангутангов, но в Незримом Университете редко встречаются даже человеческие женщины, не то что приматы. Никто не помнит имени библиотекаря, но ходят слухи, что его звали Гораций Ворблхат.

Орангутанги в фантастике встречались и до Пратчетта. Например, в «Убийстве на улице Морг» Эдгара По именно орангутанг оказывается таинственным злодеем, а в «Планете обезьян» есть доктор Зейюс, который хочет уничтожить человечество. Памятуя об этом, Пратчетт открывает перед приматами новые пути в литературе. Он не разделяет предубеждений авторов прошлого (равные права всем орангутангам!).

В романах Пратчетт может смеяться над орангутангами, но в жизни он зверски серьезен. Он очень боится, что они могут вымереть и что Фонд спасения орангутангов и деньги, которые фанаты Пратчетта жертвуют на конах по Плоскому миру, не помогут их сохранить. В будущем рыжие пожиратели мыла (да, они обожают есть мыло, и это им почему-то не вредит) могут остаться только в книгах, и это будет ужасно.

В середине 2011 года Пратчетт подумывал вернуться в Индонезию и поработать в Фонде. В

мае он открыл сад Фонда спасения орангутангов на Цветочном шоу в Челси — ведь он любит не только животных, но и цветы. Если же говорить только о творчестве, то Пратчетт создает героя (в данном случае орангутанга), а потом выстраивает вокруг него реальность. Это многое говорит о его увлеченности и проницательности. Его очень сильно волнует ситуация с орангутангами, и он рассказал о них всей Британии.

> «Мало кому из людей удается распрощаться с человеческой расой и остаться при этом в живых, и библиотекарь стойко сопротивлялся всем попыткам вернуть его в прежнее состояние. Поскольку он был единственным библиотекарем во всей множественной вселенной, который мог снимать книги с полок не только руками, но и ногами, Университет настаивать не стал».

«Эрик, а также Ночная стража, ведьмы и Коэн-Варвар»

Глава шестнадцатая
Персонаж по имени Смерть

«Квантовая физика становится такой странной, что скоро может появиться архангел Гавриил».

Терри Пратчетт

Все, кто живет на этом свете, умирает. Это факт. Все, кого создают писатели, живут вечно. Люди со всего мира до сих пор пишут Шерлоку Холмсу, которому уже почти сто двадцать пять лет.

Пратчетт пишет о Смерти как о личности, как и его друг Нил Гейман. Только у Геймана Смерть — это красивая юная девушка-гот, а Пратчетт выбрал скелета в черном плаще. Боится ли он умирать? «Умирать не страшно, — говорит он, — чего там бояться?»

«Все позади, и самое худшее, что может вас ждать, это жидкий чай, питательная овсяная болтушка, непродолжительные укрепляющие прогулки по садику и, если повезет, краткая платоническая любовь с обслуживающим вас ангелом».

«Стража! Стража!»

Несмотря на силу своего воображения, Пратчетт относится к неизбежному скептически. Он говорит, что хочет продолжать писать — а мертвецу писать довольно сложно. Сейчас, когда он знает о болезни Альцгеймера, он просто хочет прожить достаточно долго, чтобы закончить следующую книгу. Но жизнь и смерть всего зачаровывали Пратчетта, особенно смерть. Она — точнее он, Смерть — один из важнейших героев романов о Плоском мире (и даже «Страты»). Как и в реальном мире, он то и дело вмешивается в жизнь разных героев, меняет ее — или обрывает — в самый неожиданный момент.

Волшебник Ринсвинд много раз сбегал от смерти, но вообще смертью заканчивается любая жизнь. Единственный вопрос — как это произойдет. Но этой темы люди предпочитают не касаться, потому что выбирать свою смерть

обычно не приходится. Пратчетт, как и очень многие люди, пытается немного изменить мир к лучшему — он развлекает людей историями о Плоском мире, пообещав, впрочем, оставить их без финала. Герои будут жить дальше в его книгах. Плоский мир не будет уничтожен, хотя в «Безумной звезде» это ему грозило. Никакой отщепенец из Незримого Университета не разрушит мир масштабным заклинанием.

Это решение Пратчетта многое говорит нам о его отношении к жизни: жизнь продолжается. Может быть, не твоя личная, но жизнь твоих детей и внуков, или хотя бы чужих детей и внуков, и ты живешь в их воспоминаниях.

Найдут лекарства от смертельных болезней, люди научатся понимать Вселенную, будут жить все дольше и дольше (и пенсионный возраст вырастет соответственно). «Мы все — создания науки, — говорит Пратчетт, уточняя, впрочем: — Она управляет нами настолько же, насколько мы ею».

«А в этой комнате будущее перетекает в прошлое, протискиваясь сквозь узкий ободок настоящего»[65].

«Мрачный жнец»

Мрачный жнец, Смерть, — это все тот же скелет с косой. Хотя все остальное в историях Пратчетта меняется неузнаваемо, старый добрый Смерть остался прежним.

Некоторые утверждают, что, если Смерть существует, должен существовать и Бог, но они путают Смерть и Дьявола. Пратчетт же следует более древним традициям, создавая богов в своих книгах, — странно для человека, который не верит в Бога? Ближе к концу романа «Мрачный жнец» Смерть говорит: «МЫ ЕСМЬ НАДЕЖДА. МЫ ЕСМЬ МИЛОСЕРДИЕ. И МЫ ЕСМЬ СПРАВЕДЛИВОСТЬ. НЕТ НИЧЕГО. ЕСТЬ ТОЛЬКО МЫ».

Устами Смерти Пратчетт произносит важные вещи о жизни, смерти, Вселенной и религии. Он не задерживается на этом, как и на других важных темах, просто обозначает их, подсказывает читателю, иногда вообще не вынося суждений и предлагая читателю додуматься

---

[65] Примечания: 65
Цит. по пер. Н. Берденникова, А. Жикаренцева.

до всего самому. В «Мрачном жнеце» мы читаем: «ВСЕ, ЧТО СУЩЕСТВУЕТ, ЭТО МЫ. НО МЫ ДОЛЖНЫ ЛЮБИТЬ. ИБО ЕСЛИ МЫ НЕ ЛЮБИМ, ЗНАЧИТ, НЕ СУЩЕСТВУЕМ. А ЕСЛИ МЫ НЕ СУЩЕСТВУЕМ, ЗНАЧИТ, НЕТ НИЧЕГО, КРОМЕ СЛЕПОГО ЗАБВЕНИЯ».

Эти слова кажутся мне одними из самых важных во всем творчестве Пратчетта. Они существуют на нескольких уровнях сразу. Можно принять их за разговор о том, что человечество владеет опасными технологиями и не задумывается об окружающей среде. Это не вопрос веры. Не забывайте, что Пратчетт много лет работал в области ядерной энергетики и видел многое, что его, мягко выражаясь, удивило. Еще его очень волнует судьба орангутангов и тропических лесов, так что мысли об окружающей среде явно часто приходят ему в голову, как и многим другим. Но вообще-то эти слова — с учетом того, что они исходят от Мрачного жнеца, — говорят и о другом. После смерти нет ничего, кроме «забвения».

Британская гуманистическая ассоциация — «национальная благотворительная организация, которая представляет интересы нерелигиозных людей, которые строят свою жизнь, не опираясь на религиозные этические концепции, на основе

разума и гуманизма». Ассоциация состоит из атеистов и агностиков. Пратчетт — не атеист, но его жизнь тоже определяется «стремлением к благополучию человечества».

> «Пара католиков с маленьким сыном… Они по-прежнему встают по воскресеньям рано утром, чтобы посетить мессу… Но ведь люди-то говорят. Есть одна мормонская семья нового раскола – это еще трое, плюс их дети. Остальные – протестанты, да еще один атеист. Таковым он себя, по крайней мере, считал, пока Майкл не раскрыл ему глаза. Он пришел сюда, чтобы посмеяться, и остался, чтобы учиться…»[66]
>
> ***Роберт Хайнлайн, «Чужак в чужой стране»***

В апреле 2011 года генеральный секретарь Британской гуманистической ассоциации посетил конференцию Национального союза учителей. Его заинтересовала критика в адрес религиозных школ, которые якобы недостаточно распространяют идеи всеобщего равенства и толерантности.

---

[66] Примечания: 66
Цит. по пер. В. Ковалевского, Н. Штуцер.

Вопрос работы религиозных школ очень сложен, и не стоит относиться к нему свысока. Детей в них воспитывают в соответствии с правилами церкви, к которой принадлежат их родители и учителя, то есть верующие люди. Если к ним попадают дети и учителя, не готовые следовать правилам, возникает две серьезные проблемы: 1) неверующих детей не интересуют дела школы; 2) всю школьную жизнь ребенка будет мучить чувство, что он не похож на других, потому что он и его родители не понимают и не хотят принимать веру, которая пропитывает все его окружение.

Британская гуманистическая ассоциация занимается многими важными вопросами, и Пратчетт, а также другие знаменитости, в том числе писатели — например, Филип Пуллман, — поддерживают их деятельность. Дело не в принижении чужой веры, а в работе с собственными мыслями и философией.

> «Я несу ответственность. У моей жизни есть цель. Делать окружающее лучше и мудрее и работать ко всеобщему благу. Вот зачем я».
>
> ***Филип Пуллман***

Это важнейшее заявление Пуллман разме-

стил на сайте Британской гуманистической ассоциации. Оно очень напоминает жизненную философию Пратчетта. Его внутренняя сила проистекает из понимания, кто он, и способности управлять собственной судьбой. У двух писателей много общего: не только схожие мысли о религии, но и выражение этих мыслей и своего мнения посредством фэнтези. Вдвоем они могли бы написать великий роман с ведьмами и демонами, сражающимися против некоторой религиозной силы. Многие мечтают о возрождении творческого союза Пратчетта и Геймана, но дуэт Пратчетта и Пуллмана будет гораздо острее, резче и провокационнее. Я не критикую Геймана: он прекрасно описывает в своих книгах скрытую тьму, взять хотя бы «Коралину», книгу, которую никто не хотел публиковать и которую все требуют переписать. Гейман рассказал прекрасную мрачную сказку в духе братьев Гримм, и она великолепно выглядит на большом экране. Если учесть, как хороши «Благие знамения», написанные Пратчеттом и Гейманом, представляете, что бы создали вдвоем два великих гуманиста?

Пуллман выразил свое отношение к христианству в книге «Добрый человек Иисус и негодник Христос». В 2010 году и Пратчетт, и Пуллман под-

писались под открытым письмом против визита Папы Бенедикта XVI в Великобританию. Основной причиной возражений было отношение католической церкви к презервативам, особенно в странах третьего мира, где остро стоит проблема СПИДа, попытки настаивать на раздельном обучении и отказ признать за гомо- и бисексуальными, а также трансгендерными людьми равные права. Среди других знаменитостей, подписавших это письмо, — Стивен Фрай и профессор Ричард Докинз. Оно было опубликовано в «Гардиан» 15 сентября 2010 года.

> «В темнейших глубинах его сердца таилось знание, что он не должен сходить на пол. Необходимо цепляться за свой головокружительно высокий утес, оставаться пусть и трепещущим, но торжествующим в понимании величия своей победы, дающей ему твердую опору, безопасность сознания, что он, человек отличной от всех породы, не продал страха ради свое первородство».
>
> ***Мервин Пик, «Горменгаст»***

Пратчетт не находит утешения в Боге, но верит, что существует нечто, придающее жизни

смысл, — вот только это нечто невозможно понять или хотя бы найти. Это видно по его раннему роману «Страта». Даже Смерть подтверждает, что ему ничего не известно. В этом мире столько тайн, которые до сих пор никем не раскрыты, и никто не способен в полной мере понять эволюцию или человеческую историю.

В 2011 году было объявлено, что НАСА принимает участие в археологических раскопках в Египте. Утверждается, что только один процент сокровищ Древнего Египта уже найден, а ведь раскопки ведутся уже долго. На снимках из космоса видны новые потенциальные открытия, но что они докажут? Да, нам придется переписать учебники истории, но станут ли они ближе к истине? И имеет ли эта истина вообще какое-то отношение к созданию мира? Вряд ли. Хотя стоит вспомнить невероятное открытие, совершенное в 1922 году в Египте: гробницу Тутанхамона. Многие ученые полагают, что там был найден папирус, подтверждающий, что отцом Тутанхамона был Эхнатон (ДНК-тесты тоже это подтверждают), который поклонялся единому Богу и уничтожал статуи других богов — которые немедленно вернулись после его смерти. Считается, что некоторые события, описанные в этом папирусе, совпадают

с событиями, описанными в Ветхом Завете. Из этого можно сделать вывод, что Эхнатон на самом деле был Моисеем и что Библия основана на египетской истории[67].

К сожалению, папирус, предположительно найденный Говардом Картером и лордом Карнарвоном в 1922 году, никто никогда не видел и уж тем более не изучал. Единственное упоминание о нем — комментарий, походя сделанный Картером некоему британскому чиновнику. Но важно понимать, что такие люди, как Терри Пратчетт и Филип Пуллман, убеждены, что всеобщее восприятие Бога неверно. И кто докажет, что они неправы?

«Мой ад везде, и я навеки в нем.
Ты думаешь, что тот, кто видел бога,
Кто радости небесные вкушал,
Не мучится в десятке тысяч адов,

[67] Примечания: 67

Автор тут приводит исключительно свои домыслы, которые не разделяет ни один серьезный ученый (за исключением Зигмунда Фрейда, которого сложно назвать историком). Параллели между Ветхим Заветом и египетскими источниками существуют, но куда более явные, например так называемая Стела Мернептаха, где упоминается исход евреев из Египта *(прим. пер.).*

Лишась навек небесного блаженства?»[68]

Кристофер Марло, «Трагическая история доктора Фауста»

[68] Примечания: 68
Цит. по пер. Н. Амосовой.

Глава семнадцатая
Болезнь Альцгеймера

«Конечно, однажды я умру, как и все остальные. Возможно, это случится гораздо позже, чем вы думаете. Или гораздо раньше».

Терри Пратчетт

Болезнь Альцгеймера была обнаружена немецким неврологом Алоисом Альцгеймером в 1901 году. Это заболевание мозга, приводящее к образованию «бляшек» и «клубков», которые разрушают клетки мозга. Хотя некоторые лекарства могут замедлить развитие болезни, способы ее излечения пока не найдены. В Великобритании болезнью Альцгеймера страдают примерно 420 000 человек, но только 3,5 процента из них еще не достигли 65 лет. Терри Пратчетту исполнилось всего 59, когда ему диагностировали эту болезнь. «В каком-то смысле мне повезло. Диагноз поставили на ранней стадии», — говорит он, демонстрируя свой оптимизм.

Пратчетт полагал, что пережил небольшой инсульт после энцефалосцинтиграммы. За два или

три года до того он заметил, что стал печатать медленнее и хуже. Поначалу он счел это признаком надвигающейся старости, но решил пройти обследование, чтобы выяснить причину. Сначала он прошел тест умственных способностей, где задавали вопросы типа «Какой сегодня день?» Но после повторной оценки в декабре 2007 года ему диагностировали заднюю кортикальную атрофию, редкую форму болезни Альцгеймера. Пратчетт описывает симптомы как иссыхание задней части мозга. Он быстро рассказал о диагнозе издателю и многим фанатам.

Эта болезнь описывается как прогрессирующее дегенеративное состояние, при котором разрушаются в основном клетки задней части мозга. Смерть мозга сопровождается накоплением ядовитых белков, амилоида и тау-белка, которые формируют бляшки, как при обычной болезни Альцгеймера. Это очень редкий вариант болезни, хотя, возможно, раньше его просто не умели диагностировать.

Болезнь Альцгеймера ассоциируется с ухудшением памяти и постепенным снижением когнитивных функций, включая нарушение речи и умение считать и воспринимать информацию. Больные задней кортикальной атрофией

сохраняют память, но испытывают проблемы со зрением, вплоть до полной его утраты, а также с мелкой моторикой и грамотностью.

Средняя продолжительность жизни с этой болезнью неизвестна. Некоторые живут примерно столько же, сколько больные обычной болезнью Альцгеймера (десять-двенадцать лет с момента появления симптомов), а другие — намного дольше.

Пратчетт говорит, что если уж надо болеть Альцгеймером, то это лучший вариант. Публично он не особо страдает.

Известие о своей болезни он разместил в «Новостях Плоского мира», на своем сайте. «Я бы предпочел некоторое время не распространяться на эту тему, однако обязательства перед читателями не позволят мне держать в секрете такую новость.

У меня диагностировали очень редкую форму ранней болезни Альцгеймера».

Пратчетт честно и откровенно рассказал о своей болезни всем вокруг. Когда его спросили, почему он так решил, он ответил: «А почему нет? Я не сделал ничего плохого».

13 июня 2008 года он выступил на шоу «Фрост во всем мире», где рассказал Дэвиду Фросту о

своем состоянии и философском отношении к нему. Он объяснил, что будет писать, пока сможет. Как сказано в «Новостях Плоского мира»: «При прочих равных я надеюсь выполнить все текущие договоренности и ряд будущих, но это еще подлежит обсуждению». «Честно говоря, я бы предпочел, чтобы никто не расстраивался, потому что время на пару книг еще осталось».

Он сделал пожертвование в Фонд изучения болезни Альцгеймера в Великобритании (миллион долларов, больше 500 000 фунтов) и стал его патроном. «Я думаю, мы сможем победить», — сказал он. Это смелые слова, но не единственное его важное высказывание на эту тему. «Нельзя забывать, что это просто болезнь, а не кара Божья… ее не стоит стыдиться, вы ни в чем не виноваты».

Пратчетт занят тем, что рассказывает людям об этой болезни, снимает с нее стигму. Он объясняет, что исследования идут в правильном направлении и что уже получены многообещающие результаты, но случится ли прорыв достаточно быстро, чтобы помочь ему самому? Он всегда был — и остается — оптимистом. В возрасте шестидесяти лет Пратчетт заявил прессе, что «пытается относиться к болезни философски» и надеется,

что лекарство от нее будет найдено.

Отец Пратчетта велел ему относиться философски ко всему, и писатель всегда пытался так и поступать. Но по утрам, когда человек чувствует себя особенно уязвимым, это сложно.

Между 2008 и 2010 годами Пратчетт почти утратил способность говорить на публике. Когда он произносил речь по случаю своего пожертвования Фонду, он справился, пользуясь заметками. Но вот два года спустя, в Тринити-колледже в Дублине, он уже не смог говорить сам и кто-то другой прочитал его речь вслух, а Пратчетт только комментировал происходящее.

Пратчетт — творческий человек, и он явно замечал свою болезнь, глядя на экран компьютера. Он с юности обожал писать и был профессиональным журналистом — очевидно, что болезнь его ужасала. Однако он воспринимал ее с мужеством и решимостью, так что эта глава не такая уж грустная.

Пратчетт продолжал сообщать своим фанатам, другим больным и их близким, как влияет на него болезнь. Такая откровенность одновременно трогательна и страшновата, но нельзя не восхищаться человеком, который не боится рассказывать широкой публике о своей болезни.

Он объяснял, что раньше умел писать сложные слова, а потом разучился писать простые. Он может дать интервью, но если он снимет свитер, то не уверен, что сможет снова его надеть. Во время выступления в Тринити-колледже он посмеялся над подобным случаем со своими трусами.

Пратчетт не смог больше печатать самостоятельно и начал диктовать книги программе, когда писал «Незримых академиков». Его книга «Народ, или Когда-то мы были дельфинами» оказалась очень популярна среди критиков и покупателей, и постоянная поддержка фанатов не могла не вдохновлять писателя. Когда он сделал свой вклад в Фонд изучения болезни Альцгеймера, в Интернете запустили флешмоб, призывающий собрать среди фанатов точно такую же сумму и пожертвовать туда же. Разве может сдаться человек, которого так поддерживают?

Сайт флешмоба призывал людей одеваться в орангутангов и свешиваться с деревьев, а еще писать о сборе денег в блогах, «Фейсбуке» и «Твиттере». Эффект был ошеломляющим. Деньги собирали самыми разными способами, в том числе печатью футболок и продажей книг на «ИБэе». И дело не только в деньгах: дело скорее в чувстве

юмора миллионов фанатов, их сочувствии Пратчетту и интересе к его судьбе.

> «Тут не скажешь: я не виновата. Не скажешь: я ни при чем.
>
> Сказать можно только одно: я не отступлю перед трудностями».

«Шляпа, полная неба»

Глава восемнадцатая
Крылья душевной боли

«Когда я был журналистом, люди умирали „после долгой болезни“, и все знали, что это рак. Но когда рак начали называть вслух, начались настоящие исследования этой болезни. Так что я не собираюсь отсиживаться в норе. Я буду говорить, и говорить громко».

Терри Пратчетт

17 апреля 2011 года в газете «Сандей таймс» вышла статья о том, что сэр Патрик Стюарт, знаменитый актер, поддерживает «Смерть с достоинством», организацию, которая хочет изменить закон и разрешить людям, находящимся в здравом уме, покончить с жизнью прежде, чем это сделает смертельная болезнь.

Хотя в свои семьдесят Стюарт весьма бодр и каждый день выходит на сорокаминутную пробежку, пять лет назад ему диагностировали ишемическую болезнь сердца, и он начал задумываться о смертельных болезнях. В 2009 году он вступил в «Смерть с достоинством», но не афи-

шировал этого. Только через несколько месяцев организация поняла, что это и есть сэр Патрик Стюарт, исполнитель шекспировских ролей и бывший капитан «Энтерпрайза» («Звёздный путь: Следующее поколение»). Его попросили стать почетным членом организации, как и Терри Пратчетта.

Пратчетт упоминается в этой статье. Также он снимался в документальном фильме BBC «Терри Пратчетт: выбирая умереть», который вышел на экран 13 июня 2011 года. В этом фильме он общается с человеком по имени Питер, который решил умереть в «Дигнитас», клинике эвтаназии под Цюрихом. Фильм резко осудила организация «Заботиться, а не убивать», которая сочла, что «фильм демонстрирует только преимущества эвтаназии, не обращая внимания на недостатки». Даже если вынести за скобки вопрос религиозных верований, мнений за эвтаназию и против нее существует очень много. Многие делают разницу между смертельно больными и теми, кто страдает мучительными болями. В фильме Пратчетт очень явно выразил свои взгляды, поговорив с двумя людьми, которые решили умереть в «Дигнитас». Второму из них, Эндрю, всего сорок два года, но он страдает рассеянным склерозом

и пытался покончить с собой, прежде чем попал в «Дигнитас». Он всерьез решил расстаться с жизнью, несмотря на боль, которую это решение причинило его матери.

Я могу только выразить свое личное мнение, поскольку вопрос эвтаназии выходит за рамки этой книги. Вдумайтесь только в это название: «Выбирая умереть». Сэр Терри Пратчетт собирается расстаться с жизнью из-за болезни, и мне кажется, что это в какой-то мере правильно. Он столкнулся со своими демонами и сделал из этого выводы, но я боюсь, что финальный вывод его не обрадовал. Он сказал, что хотел бы умереть на солнышке. Еще он уточнил, что в Швейцарии солнце тоже иногда светит, но вряд ли сердце подсказывало ему именно это. Оно говорило, что лучше было бы погожим английским днем выйти в свой любимый сад и уже там умереть с достоинством.

В самом начале фильма Пратчетт спрашивает: «Может ли кто-нибудь вроде меня или вас выбрать, как именно он умрет?» Лично мне очень хочется знать ответ на этот вопрос. Я верю, что ему не понравился «Дигнитас». В душе он хотел умереть здесь. И это не только мое мнение — иначе зачем он пытался продвинуть в Британии

закон об эвтаназии?

Еще одна важная часть документального фильма — возможно, наиболее личная — посвящена поездке Пратчетта в Бельгию, к вдове писателя Хюго Клауса. Она объясняет, что муж хотел закончить книгу, прежде чем оборвать свою жизнь, но не смог этого сделать из-за болезни Альцгеймера. Он выбрал эвтаназию, которая в Бельгии законна, и предпочел умереть с шампанским и сигаретой в руках.

> «Не способный больше диктовать, не способный больше писать. Не способный больше общаться…»
>
> ***Терри Пратчетт, «Терри Пратчетт: выбирая умереть».***

Сразу после этого фильма Джереми Паксман устроил дебаты об эвтаназии в программе «Ньюснайт» на BBC. Тема эта слишком широка для тридцатиминутной программы, и дебаты пришлось прекратить, когда они стали слишком эмоциональными. Епископ Эксетерский беспокоился об уязвимых группах населения, а группа «Право на смерть» яростно требовала разрешить смертельно больным кончать с жизнью. В ходе программы было показано интервью Пратчет-

та, в котором он сказал Паксману, что, по его мнению, смертельно больным стоит разрешать самоубийство с помощью врачей.

За два года до этого, в октябре 2008-го, Дэниэл Джеймс, двадцатитрехлетний игрок в регби, парализованный после спортивной травмы, поехал в Швейцарию, чтобы покончить с жизнью. Его сопровождали родители, которые заявили прессе, что их сын имеет право умереть. Их не преследовали по суду. Два месяца спустя, в декабре 2008-го, канал «Скай риал лайвс» транслировал запись добровольного самоубийства гражданина США Крейга Эверта. 25 января 2009 года Джули Уолтерс сыграла в драме «Короткая поездка в Швейцарию». Фильм рассказывает о враче (Уолтерс), которая понимает, что ее ждет мучительная смерть, и решает взять дело в свои руки. Это очень трогательный фильм, поднимающий важные вопросы[69].

[69] Примечания: 69

Фильм основан на реальной истории Анны Тернер, пожилого врача из Англии, которая умерла в 2006 году в клинике «Дигнитас», потому что не могла больше жить с прогрессирующим супраклеарным парезом, неизлечимым нейродегенеративным заболеванием.

«В те дни подобные происшествия почти не обсуждались. Самоубийство считалось противозаконным, почему – Джонни никак не мог взять в толк. Выходило, что, если ты промазал, или недотравился газом, или оборвалась веревка, тебя надо тащить в кутузку, чтоб ты наконец понял: жизнь прекрасна и удивительна».

«Джонни и мертвецы»

Телевидение сообщает публике об ассистированных самоубийствах и о том, что знаменитости — в том числе возведенные в рыцарское достоинство — открыто поддерживают эвтаназию, и стигма постепенно исчезает. Так много лет назад люди вдруг научились произносить вслух слово «рак» и начали бороться с ним. «Любой волшебник знает, — объясняет Пратчетт, — что, назвав нечто по имени, ты обретаешь власть над ним». И в реальности дело происходит точно так же.

В 2011 году сэр Терри Пратчетт и сэр Патрик Стюарт продолжали заниматься вопросом эвтаназии. Они постоянно привлекали внимание общественности к своим собственным мрачным перспективам и открыто обсуждали их. «Жупел — это слово „самоубийство“, — поясняет

Пратчетт, — оно применимо скорее к женщине, которая выбросилась из окна, и не имеет никакого отношения к человеку, который вместе со своей семьей решает, что его жизнь должна закончиться в определенный момент с помощью врача». Жупел или стигма? Иногда люди начинают понимать суть этой дилеммы — когда оказываются в безнадежной ситуации. Сколько людей слышали, как их любимые умоляли о смерти?

Пратчетт полагает, что ассистированное самоубийство — весьма разумный выход для страдающих ужасными болезнями. Он говорил о смерти своего отца и деда от рака (в возрасте восьмидесяти шести и восьмидесяти четырех лет соответственно) и приходил к выводу, что девяносто — это не так и много в наше время. Он смирился с тем, что его Альцгеймер проявился очень рано, но тем не менее хотел прожить не меньше отца и деда. Имеющиеся у науки данные позволяют предположить, что это возможно, но если Альцгеймер будет слишком сильно мешать, Пратчетт сделает выбор в пользу достоинства, а не неприкосновенности человеческой жизни.

«Я не боюсь смерти. Думаю, что мало кто боится – на самом деле все эти страхи могут оказаться реальностью за много лет или месяцев до собственно смерти».

Терри Пратчетт, из интервью газете «Вашингтон пост» 1 октября 2008 года

Эта и предыдущая глава посвящены двум разным темам, болезни Альцгеймера и эвтаназии. Однако одна из этих вещей вполне может стать причиной другой — в том числе по мнению Пратчетта. Он открыто говорит на обе темы, делится своими взглядами и обсуждает действия (и бездействие) правительства, которое должно помогать больным. Он объясняет, что болезнью Альцгеймера в Великобритании страдает не меньше людей, чем раком, но в изучение болезни Альцгеймера вкладывается на порядки меньше денег. «Все слышали о людях, вылечившихся от рака, — говорит Пратчетт, — но вот лично я не слышал ни об одном человеке, который вылечился от Альцгеймера».

Болезнь Альцгеймера и эвтаназия — очень важные для Пратчетта темы. Он гуманист, а значит, верит в существование высшего порядка во

Вселенной, хоть и не верит в Бога (это ясно по его научно-фантастическим романам). Соответственно, он не разделяет идею о том, что человек не может оборвать собственную жизнь, потому что жизнь — благословение Божье. Он говорит, что не находит в этой идее никакого утешения. Кто-то наверняка скажет, что он нарушает свои собственные права человека, и не захочет дать ему возможность исполнить свое решение, когда болезнь начнет слишком сильно тяготить его. И это, конечно, только дополнительно портит Пратчетту жизнь.

И как он с этим справляется? Он говорил, что после постановки диагноза почувствовал, что ему не хватает медицинского внимания. Тогда он обратился через свой сайт к лучшим нейрохирургам и неврологам — и они откликнулись. Эти люди выросли на его книгах и стали блестящими специалистами. Пратчетт мог изложить им все свои идеи и мысли о болезни Альцгеймера.

Например, существует мнение, что причиной болезни могут стать пломбы из ртутной амальгамы. Пратчетт рассказал об этом группе специалистов, которую называл «Греческим хором», но не убедил их. Правда, они сказали, что замена всех пломб не причинит никакого вреда,

и Пратчетт потратил на это около трех тысяч фунтов. Он попросил разрешения оставить себе две пломбы, чтобы сделать из них запонки, но ему сообщили, что их утилизируют, как опасные отходы. Его поразила идея, что он легко мог принести их к стоматологу у себя во рту, но вот унести их от стоматолога в кармане уже нельзя. Тогда он предложил вынести их опять же во рту, но стоматолог почему-то не согласился.

Короче говоря, Пратчетт страдает болезнью, которая его убьет, он не может покончить с жизнью, когда страдания станут невыносимыми, а причина этого только в том, что Бог создал жизнь и не нам решать, когда она закончится. Но если мы сделаем такой вывод, значит, мы ничего не знаем о Терри Пратчетте — о его оптимизме, юморе, силе и готовности бороться. Благодаря своему воображению он стал очень богатым и очень знаменитым, и теперь он просит людей по всему миру (не только в Великобритании) воспользоваться собственным воображением (и немного подумать) и изменить отношение к смертельным болезням. Еще он просит политиков быть храбрыми и практичными — правящие политики трусливы и лишены воображения, а это ведь позор. И Пратчетт продолжит менять от-

ношение к болезни Альцгеймера и к эвтаназии. Когда народ начнет разбираться в этой теме, он сможет надавить на власть и сделать что-нибудь для смертельно больных[70].

> «Мы учимся выбирать самую короткую дорогу, но всегда можно сделать что-нибудь еще».

[70] Примечания: 70

В 2011 году, во время написания этой книги, Терри Пратчетт начал оформлять документы для клиники «Дигнитас». Однако прибегнуть к ее услугам ему не пришлось. 12 марта 2015 года он скончался у себя дома, в окружении семьи. На момент смерти ему исполнилось 66 лет *(прим. пер.).*

Глава девятнадцатая
Немного о кошках

«Человек, не придающий значения протоколу, никогда не имел дела с кошкой».

Роберт Хайнлайн

Годы идут, и Пратчетт становится все менее смешным. В новостных колонках и телепрограммах обсуждается его отношение к эвтаназии и болезни Альцгеймера. Это важные и масштабные темы, и понятно, что именно туда уходят все его силы. Фанаты Пратчетта стараются не расстраиваться. Вот и я решил закончить эту книгу короткой главой об одном из любимейших Пратчеттом явлений: о кошках.

Пратчетт любит кошек. Они жили у него дома больше тридцати пяти лет. Когда в 2011 году вышла статья о его участии в церемонии открытия Цветочного шоу в Челси, его изобразили в саду с черной кошкой.

В феврале 2006-го в интервью журналу «Ваша кошка» Пратчетт сказал, что нынешняя коллекция кошек образовалась случайно (тогда их было шесть). Семья Пратчетт любит и понимает кошек,

и Пратчетт быстро объяснил это в интервью. Он сказал, что у него дома всегда найдется полная миска и открытая дверь. И еще он сказал, что один из его котов, Чингис, сядет вам на колени, только если сам этого захочет. Конечно, все кошки только так и поступают — и люди могут с этим смиряться или не смиряться. В основном за это кошек и любят.

В кабинете у Пратчетта живет кот по имени Патч, который спит в ящике и высовывает наружу лапы, если ему нужно внимание. Однажды Пратчетт случайно его запер, но Патч не обиделся.

> «Стиль. Красота. Грациозность. А это очень важно. Если бы кошки были похожи на жаб, мы бы очень быстро поняли, какими мерзкими, жестокими существами они на самом деле являются»[71].

«Дамы и господа»

Кошки участвуют в двух книгах Пратчетта — одна из них не такая серьезная, как другая. Во-первых, это «Кот без дураков» с иллюстрациями Грея Джолиффа, сборник анекдотов, который

---

[71] Примечания: 71
Цит. по пер. Н. Берденникова, А. Жикаренцева.

порадует всех любителей кошек. А может, и тех, кто кошек не любит, — очень уж хороши иллюстрации.

Вторая же книга — «Изумительный Морис и его ученые грызуны», книга о Плоском мире для маленьких читателей. Сюжет «Мориса» во многом позаимствован из сказки о Гаммельнском крысолове. Морис (кот) водит ученых крыс из города в город, а потом получает деньги за то, чтобы выгнать их. Крысы очень хотят жить с людьми в мире и дружбе, но существует братство грызунов, которое хочет создать новую суперрасу крыс. Сюжет довольно занимательный и одновременно затрагивает важные вопросы вроде расизма, дискриминации и сект. И это детская книга, хотя ничто не мешает ее читать и взрослым.

В 2011 году роман «Изумительный Морис и его ученые грызуны» был награжден медалью Карнеги, которая стала первой серьезной премией Пратчетта. В 2003 году роман поставили на радио BBC 4. Фасоль Опасно-для-жизни озвучивал Дэвид Теннант. Эта книга не похожа на другие книги о Плоском мире, но она такая же сложная и интересная, как и романы для взрослых. Кто-то может сказать, что эта книга понравится только любителям кошек, но на самом деле ее полюбили

многие фанаты Плоского мира.

> «В древности кошек почитали как богов. Они этого не забыли».
>
> ***Терри Пратчетт***

Кошки занимали важное место в верованиях определенных народов и на жанр фэнтези тоже повлияли немало. Взять, например, «Кота в сапогах», киплинговскую «Кошку, которая гуляла сама по себе» и Чеширского кота из «Алисы в Стране чудес». Все эти кошки очень умны и храбры. В телесериале «Красный карлик» кошка всегда на шаг опережает товарищей по команде. В отличие от орангутангов, о которых мы уже говорили, кошек в литературе никто не притесняет. А причина проста: многие писатели их любят.

> «Кошки напрочь лишены чувства юмора, они непомерно эгоистичны и очень обидчивы»[72].
>
> ***Роберт Хайнлайн, «Дверь в лето»***

---

[72] Примечания: 72
Цит. по пер. А. Бранского.

Приложения

Приложение А
Пратчетт на экране

В этой главе вы найдете информацию о самых заметных фильмах и телесериалах, снятых по книгам Пратчетта, с краткими рецензиями и списком актеров. В целом фильмы по книгам Пратчетта довольно успешны. Обычно он принимает в их создании некоторое участие: редактирует сценарий или играет маленькую роль-камео.

Угонщики/Truckers (телесериал)

Дата выхода: 1992

Режиссер: Крис Тейлор, Джеки Кокл, Франсис Вос

Сценарий: Брайан Трумен

Мультфильм, очень приятно снятый, но почти забытый. Озвучка великолепна, анимация, впрочем, тоже. Идеальный фильм для детей на выходные.

Вещие сестрички/Wyrd sisters (телесериал)

Дата выхода: 1997

Режиссер и продюсер: Джин Флинн

Это, наверное, наименее впечатляющая экранизация Пратчетта. Сюжет неплох, но графика довольно невнятная и недетализированная. Подойдет юным зрителям — честно говоря, для них мультфильм и снят, но назвать его классикой нельзя даже с самой большой натяжкой.

Роковая музыка/ Soul music (ТВ)

Дата выпуска: 1997

Режиссер и продюсер: Джин Флинн

Продолжительность: 159 минут

Настоящий рок. Веселое путешествие по Плоскому миру. Немного беспорядочнее «Вещих сестричек», конечно, но в целом очень неплохой мультфильм, особенно для тех, кто не читал книгу.

Джонни и бомба/ Johny and the Bomb (ТВ)

Дата выхода: 2006

Режиссер: Дермот Бойд

Сценарий: Питер Таберн

Продолжительность: 120 минут (три части)

«Джонни и бомба» — идеальная основа для детского сериала на BBC. Сюжет сочетает в себе приключения и исторические факты, он одновременно информативный и интересный. Юные актеры отлично играют свои роли. Они не радуются, когда попадают в прошлое, а по-настоящему боятся. И боятся еще сильнее, когда возвращаются в настоящее и обнаруживают, что их «добрый» поступок изменил будущее. Фильм, как и книга, получился очень многоуровневым, он порадует как детей, так и взрослых.

Джонни и мертвецы/ Johny and the Dead (телесериал)

Дата выхода: 2006

Режисер: Джералд Фокс

Сценарий: Джералд Фокс, Линдси Дженкинс

Еще одна великолепная экранизация романа о Джонни Максвелле с идеальным актерским составом. Поскольку Пратчетт всегда старается принимать участие в работе над фильмами, экранизации его книг обычно бывают хорошими и привносят во вселенную его книг что-то новое, а это случается редко.

Санта-Хрякус: Страшдественская сказка/ Terry Pratchett's Hogfather (ТВ)

Дата выхода: 2006

Режиссер: Вадим Жан

Сценарий: Вадим Жан

«Санта-Хрякус» — очень приятный фильм, но маленькие зрители его не оценили. Сцена смерти в самом начале показалась многим неподходящей для детей. Хотя он предназначен для подростков, дети тоже его смотрели, и в этом основная претензия к фильму: он не подходит для семейного просмотра. Дэвид Джейсон, Марк Уоррен, Мишель Докери и Тони Робинсон отлично играют свои роли, голос Смерти стал одной из последних ролей Иэна Ричардсона, ну а сам Пратчетт появился на экране в роли игрушечных дел мастера.

Начало фильма совпадает с началом книги. Мы слышим голос Иэна Ричардсона и видим прекрасные изображения огромной черепахи, слонов и Плоского мира. Потом начинается важнейшая сцена детских кошмаров, а потом мы видим подвалы гильдии Убийц и потихоньку начинаем ощущать Рождественский дух. Эта интерпретация романа Пратчетта мрачнее и

провокационнее, чем оригинал. Но когда Смерть надевает наряд Санта-Хрякуса, чтобы доставить детям подарки, появляется наконец и фирменный юмор автора. Больше всего мне нравится в «Санта-Хрякусе» визуальный ряд. Все вокруг черно-кремовое, но иногда появляются красные пятна. Очень хороший, зрелищный фильм.

«Санта-Хрякус» очень полюбился фанатам, и через год после него кинокомпания The Mob экранизировала первый роман о Плоском мире, «Цвет волшебства».

Цвет волшебства/ The Colour of Magic (ТВ)

Дата выхода: 2008

Режиссер: Вадим Жан

Продолжительность: 189 минут

После успеха «Санта-Хрякуса» кинокомпания The Mob взялась за первый роман о Плоском мире. Правда, в результате фильм был снят по двум первым романам, «Цвету волшебства» и «Безумной звезде». В создании сценария принимал участие сам Пратчетт (еще он снялся в маленькой роли), так что к сценарию претензий нет. Ринсвинда сыграл опытный актер Дэвид Джейсон, который мечтал об этой роли десять лет.

Сюжет быстро летит вперед, сохраняя большую

часть юмора первоисточника. Веселое и яркое фэнтези-приключение понравится всей семье. В начальных титрах сказано, что с фильмом «возился Терри Пратчетт» — и это явно не было лишним. Шон Остин играет Двацветка, и вместе с Джейсоном они составляют отличный дуэт (трио, если считать Сундук). Прибавим еще симпатичное маленькое камео — Кристофер Ли в качестве голоса Смерти. Так и получится один из лучших фильмов по Пратчетту.

Опочтарение/Going Postal (ТВ)

Дата выхода: 2010
Режиссер: Джон Джонс
Сценарий: Бев Дойл, Ричард Курти
Продолжительность: 185 минут

Мойст фон Липвиг украл много миллионов долларов из банков Плоского мира. Его наконец поймали и приговорили к смерти, но казнь инсценировали, а самому Мойсту дали шанс на прощение — ему предложили возглавить почтамт Анк-Морпорка. Многие годы это место оставалось вакантным, и письма не доставлялись, но у Мойста нет выбора. Ему приходится взяться за работу. К его чести, он это делает, несмотря на все опасности. Еще он влюбляется

— и узнает, что сыграл чудовищную роль в семейной истории своей возлюбленной. Он решает разорвать отношения, но сюжет идет своим чередом, и все заканчивается хорошо.

Фильм имеет очень удачную длину, он интересный и красивый, пратчеттовское остроумие сохранено, и серьезные сюжетные моменты тоже. Из Клэр Фой вышла отличная Дора Гая Ласска — она то надменная и холодная (и при этом очень привлекательная), то сломленная и несчастная. Ричард Койл тоже очень хорош. Ряд второстепенных персонажей весьма удачен, например герой Эндрю Сакса. Это еще один великолепный фильм по Пратчетту, где он тоже сыграл маленькую роль.

Приложение B
Пратчетт на сцене

«Терри пишет очень хорошие диалоги. Не всем авторам это под силу. Но Терри, как и Диккенс, создает тексты, которые можно сразу переносить в пьесу».

Стивен Бригс, предисловие к пьесе «Мор»

Я вовсе не собираюсь перечислять все адаптации романов о Плоском мире для театральной сцены. Они основаны на книгах Пратчетта, но сделаны без его участия. В этом коротком приложении я коснусь только самых заметных пьес и расскажу, откуда они взялись.

Стивен Бригс родился в 1951 году. Он государственный служащий и драматург-любитель. Его работа с книгами Пратчетта началась в 1991 году, когда он адаптировал «Вещих сестричек», пародию на Шекспира, для любительского театра Абингдона в Оксфордшире, заручившись разрешением автора. Движимый любовью к театру, он сыграл роль герцога Флема. Пьеса получилась веселая и успешная, так что на следующий год

Бригс адаптировал «Мора» и сыграл роль Смерти. В 1993 году он уже играл лорда Витинари в «Страже! Страже!»

Постепенно Бригс заработал себе репутацию среди фанатов Плоского мира и адаптировал для сцены многие другие романы. Они настолько успешны, что иногда он даже получал рукописи до официального выхода, чтобы театральная премьера совпала с выходом книги. Любительский театр Абингдона стал теперь важной частью легенды о Плоском мире, потому что там Пратчетта поставили впервые. Зал вмещает меньше ста зрителей, а сцена в этом театре крохотная, но скромное начало не помешало театру достигнуть многого.

Кроме пьес, Бригс участвовал в создании и других объектов вселенной Плоского мира. По его собственным словам, в эту вселенную его затянуло. Он придумал «Путеводитель по Анк-Морпорку» и собрал много материалов для энциклопедии «Новый компаньон по Плоскому миру».

Хотя потом и другие театральные деятели тоже обратили внимание на Пратчетта, адаптации Стивена Бригса считаются эталоном, и ему доверяет сам Пратчетт.

«Когда вышла компьютерная игра по Плоскому миру, Смерть даже пригласили в самый модный индийский ресторан Лондона поесть карри с группой журналистов. Куча журналистов, а взять еду навынос нельзя. К большому сожалению Смерти».

Стивен Бригс, воспоминания о роли Смерти, из предисловия к пьесе «Мор»

Приложение С
Терри Пратчетт: библиография

Короткие рассказы для «Бакс фри пресс»

Вэтом списке перечислены даты и количество эпизодов каждого из рассказов, написанного для «Бакс фри пресс». Ни один из них не был подписан именем Пратчетта, он использовал псевдоним — дядюшка Джим. Изначально у рассказов не было названий, но потом они появились. Здесь названия не приведены. Номера «Бакс фри пресс» с рассказами Пратчетта очень ценятся коллекционерами.

- 8 октября — 23 декабря 1965 г. (12 эпизодов)
- 31 декабря 1965 г. — 7 января 1966 г. (два эпизода)
- 14 января — 28 января 1966 г. (три эпизода)
- 4 февраля 1966 г. (один эпизод)
- 11 февраля 1966 г. (один эпизод)
- 18 февраля 1966 г. (один эпизод)
- 25 февраля 1966 г. (один эпизод)
- 4 марта 1966 г. (один эпизод)
- 11 марта — 18 марта 1966 г. (два эпизода)

• 25 марта — 8 апреля 1966 г. (три эпизода)
• 15 апреля — 29 апреля 1966 г. (три эпизода)
• 6 мая — 20 мая 1966 г. (три эпизода)
• 27 мая — 15 июля 1966 г. (восемь эпизодов)
• 22 июля — 5 августа 1966 г. (три эпизода)
• 12 августа — 26 августа 1966 г. (три эпизода)
• 2 сентября — 23 сентября 1966 г. (четыре эпизода)
• 30 сентября — 28 октября 1966 г. (пять эпизодов)
• 4 ноября — 9 декабря 1966 г. (шесть эпизодов)
• 16 декабря — 30 декабря 1966 г. (три эпизода)
• 6 января — 13 января 1967 г. (два эпизода)
• 20 января — 3 марта 1967 г. (три эпизода)
• 10 марта — 23 марта 1967 г. (три эпизода)
• 31 марта — 9 июня 1967 г. (11 эпизодов)
• 16 июня 1967 г. (один эпизод)
• 23 июня — 7 июля 1967 г. (три эпизода)
• 14 июля — 21 июля 1967 г. (два эпизода)
• 28 июля 1967 г. (один эпизод)
• 4 августа — 25 августа 1967 г. (четыре эпизода)
• 1 сентября — 15 сентября 1967 г. (три эпизода)
• 22 сентября — 29 сентября 1967 г. (два эпизода)
• 6 октября — 27 октября 1967 г. (четыре эпизода)

• 3 ноября — 10 ноября 1967 г. (два эпизода)
• 17 ноября — 8 декабря 1967 г. (четыре эпизода)
• 15 декабря — 22 декабря 1967 г. (два эпизода)
• 29 декабря 1967 — 12 января 1968 г. (три эпизода)
• 19 января — 9 февраля 1968 г. (четыре эпизода)
• 16 февраля — 8 марта 1968 г. (четыре эпизода)
• 15 марта — 29 марта 1968 г. (три эпизода)
• 5 апреля — 19 апреля 1968 г. (три эпизода)
• 26 апреля — 17 мая 1968 г. (три эпизода)
• 24 мая — 12 июня 1968 г. (восемь эпизодов)

С этого момента Пратчетт начал иллюстрировать свои рассказы.

• 19 июля — 16 августа 1968 г. (пять эпизодов)
• 23 августа — 6 сентября 1968 г. (три эпизода)
• 13 сентября — 20 сентября 1968 г. (два эпизода)
• 27 сентября — 8 ноября 1968 г. (семь эпизодов)
• 15 ноября — 29 ноября 1968 г. (три эпизода)
• 6 декабря — 20 декабря 1968 г. (три эпизода)
• 28 декабря 1968 г. (один эпизод)
• 3 января — 17 января 1969 г. (три эпизода)
• 24 января — 7 февраля 1969 г. (три эпизода)
• 14 февраля — 28 февраля 1969 г. (три эпизода)

• 7 марта — 28 марта 1969 г. (четыре эпизода)
• 3 апреля 1969 г. (один эпизод)
• 11 апреля — 18 апреля 1969 г. (два эпизода)
• 25 апреля — 16 мая 1969 г. (четыре эпизода)
• 23 мая — 6 июня 1969 г. (три эпизода)
• 13 июня — 11 июля 1969 г. (пять эпизодов)
• 18 июля — 1 августа 1969 г. (три эпизода)
• 8 августа — 29 августа 1969 г. (четыре эпизода)
• 5 сентября — 24 октября 1969 г. (восемь эпизодов)
• 31 октября — 5 декабря 1969 г. (шесть эпизодов)
• 12 декабря — 24 декабря 1969 г. (три эпизода)
• 2 января — 23 января 1970 г. (четыре эпизода)
• 30 января — 20 февраля 1970 г. (четыре эпизода)
• 27 февраля — 13 марта 1970 г. (три эпизода)
• 20 марта — 24 апреля 1970 г. (шесть эпизодов)
• 1 мая — 29 мая 1970 г. (пять эпизодов)
• 12 июня — 17 июля 1970 г. (шесть эпизодов)
• 24 июля — 14 августа 1970 г. (три эпизода)
• 21 августа — 18 сентября 1970 г. (пять эпизодов)

Ранние рассказы

• The Hades Business, 1963
• Night Dweller, 1965
• And Mind the Monoliths, 1978.

Ранние романы

• Люди ковра (The Carpet People), 1971
• Темная сторона солнца (The Dark Side of the Sun) 1976
• Страта (Strata), 1981

Романы о Плоском мире

Цикл о волшебниках
• Цвет волшебства (The Colour of Magic), 1983
• Безумная звезда (The Light Fantastic), 1986
• Творцы заклинаний (Equal Rites), 1987
• Посох и шляпа (Sourcery), 1988
• Эрик, а также ночная стража, ведьмы и Коэн-варвар (Eric), 1990
• Последний континент (The Last Continent), 1998
• Последний герой (The Last Hero), 2001
• Незримые академики (Unseen Academicals),

2009

Цикл о ведьмах

• Вещие сестрички (Wyrd Sisters), 1988
• Ведьмы за границей (Witches Abroad), 1991
• Дамы и господа (Lords and Ladies), 1992
• Маскарад (Maskerade), 1995
• Carpe Jugulum. Хватай за горло! (Carpe Jugulum), 1998

Цикл о Тиффани Болит

• Маленький свободный народец (The Wee Free Men), 2003
• Шляпа, полная неба (A Hat Full of Sky), 2004
• Господин Зима (Wintersmith), 2006
• Платье цвета полуночи (I Shall Wear Midnight), 2010
• Пастушья корона (The Shapherd's Crown), 2015

Цикл о Смерти

• Мор, ученик Смерти (Mort), 1987
• Мрачный жнец (Reaper Man), 1991
• Роковая музыка (Soul Music), 1994
• Санта-Хрякус (Hogfather), 1996
• Вор времени (Thief of Time), 2001

Цикл о городской страже

• Стража! Стража! (Guards! Guards!), 1989

• К оружию! К оружию! (Men at Arms), 1993
• Ноги из глины (Feet of Clay), 1996
• Патриот (Jingo), 1997
• Пятый элефант (The Fifth Elephant), 1999
• Ночная стража (Night Watch), 2002
• Шмяк! (Thud!), 2005
• Дело табак (Snuff), 2011

Цикл о Мойсте фон Липвиге

• Держи марку! (Going Postal), 2004
• Делай деньги! (Making Money), 2007
• Поддай пару! (Raising Steam), 2013

Внецикловые произведения

• Пирамиды (Pyramids), 1989
• Движущиеся картинки (Moving Pictures), 1990
• Мелкие боги (Small Gods), 1992
• Интересные времена (Interesting Times), 1994
• Правда (The Truth), 2000
• Изумительный Морис и его ученые грызуны (The Amazing Maurice and his Educated Rodents), 2001
• Пехотная баллада (Monstrous Regiment), 2003

Дополнительные материалы:

• The Streets of Ankh-Morpork (карта), 1993

• The Discworld Companion (путеводитель по Плоскому миру, в соавторстве со Стивеном Бригсом), 1994

• Nanny Ogg's Cook Book, 1999

• Наука Плоского мира (The Science of Discworld), в соавторстве с Йеном Стюартом и Джеком Коэном, 1999

• Наука Плоского мира. Книга 2: Глобус (The Science of Discworld II: The Globe), в соавторстве с Йеном Стюартом и Джеком Коэном, 2002

• Discworld Almanac, в соавторстве с Бернардом Пирсоном, 2004

• The Art of Discworld (альбом), 2004

• Наука Плоского мира. Книга 3: Часы Дарвина (The Science of Discworld III: Darwin's Watch), в соавторстве с Йеном Стюартом и Джеком Коэном, 2005

• The Folklore of Discworld, в соавторстве с Жаклин Симпсон, 2008

• Where's My Cow? 2005

• Весь Анк-Морпорк. Путеводитель (The Compleat Ankh-Morpork), 2012

• Наука Плоского мира. Книга 4: День Страш-

ного Суда (The Science of Discworld IV: Judgement Day), в соавторстве с Йеном Стюартом и Джеком Коэном, 2013

Цикл «Бесконечная земля» в соавторстве со Стивеном Бакстером

- Бесконечная Земля (The Long Earth), 2012
- Бесконечная война (The Long War), 2013
- Бесконечный Марс (The Long Mars), 2014
- The Long Utopia, 2015
- The Long Cosmos, 2016

Цикл «Джонни Максвелл – спаситель Вселенной»

- Только ты можешь спасти человечество (Only You Can Save Mankind), 1992
- Джонни и мертвецы (Johnny and the Dead), 1993
- Джонни и бомба (Johnny and the Bomb), 1996

Трилогия о номах

- Угонщики (Truckers), 1989
- Землекопы (Diggers), 1990
- Крылья (Wings), 1990

Отдельные романы

• Благие знамения (Good Omens), в соавторстве с Нилом Гейманом, 1991
• Народ, или Когда-то мы были дельфинами (Nation), 2008
• Финт (Dodger), 2012

Сборники рассказов и эссе:

• Кот без прикрас (The Unadulterated Cat), 1989
• Once More ** with Footnotes, 2004
• A Blink of the Screen, 2012
• A Slip of the Keyboard: Collected Non-fiction, 2014
• Драконы в старом замке и другие истории (Dragons at Crumbling Castle: And Other Stories), 2014
• The Witch's Vacuum Cleaner, 2016

Приложение D
Список книг библиотеки Незримого Университета

Доступ запрещен. Волшебники любого пола могут обратиться к Ууку.

И наконец
Заключение

«Очень важно знать, откуда мы пришли, потому что, если не знаешь своих истоков, ты не знаешь, где ты и кто ты, а если не знаешь, где ты и кто ты, так не знаешь и куда идешь. А если ты не знаешь, куда идешь, так, скорее всего, ты сбился с пути».

«Платье цвета полуночи», примечание автора

Романы Терри Пратчетта полны жизни и остроумия. В них явно проступает личность самого автора. Если читать его произведения в порядке публикации, от рассказов для «Бакс фри пресс» до самых последних романов, можно проследить, как он вырастает в одного из величайших авторов фэнтези.

Пратчетт никогда не скрывал своего отношения к жанру фэнтези. Он полностью сломал его — и создал заново, чтобы подарить этот жанр новому поколению читателей и будущих писателей, которые заявляют, что именно Пратчетт

служит им примером.

Да, поздние романы о Плоском мире бывают довольно мрачными, вопрос только — дело в болезни автора или в его желании порассуждать о проблемах общества (мне кажется, что и в том и в другом). Это не делает их хуже. Да, они стали немного «взрослее», но юные читатели могут пока ознакомиться со всем остальным. Вы вообще представляете себе школьную библиотеку без «Джонни и бомбы» или «Людей ковра»?

Как и у любого великого художника, у Пратчетта есть фанаты, которые любят тот или иной период его творчества. Я, как и многие другие, предпочитаю ранние вещи о Плоском мире, в которых о героях еще нельзя сказать ничего определенного и они могут творить все что угодно. Именно в этих книгах видна сила воображения автора. «Цвет волшебства», «Безумная звезда», «Творцы заклинаний» и «Мор» — это бессмертная классика, которую будут любить еще много поколений. Лично я люблю еще и Нак Мак Фиглей, но после «Маленького свободного народа» они никогда не занимали в романе достаточно заметное для меня место. Это критика? Нет, просто наблюдение. Волшебники и ведьмы у Пратчетта — люди, а Пратчетт любит людей, поэтому они

становятся главными героями. Мрачный жнец дамокловым мечом нависает над шеей всей серии, и это идеальная метафора жизни Пратчетта, который с оптимизмом смотрит в лицо своей болезни. Вклад Пратчетта в борьбу с болезнью Альцгеймера сравним с его вкладом в литературу. И много лет спустя мы будем с благодарностью вспоминать доброго умного человека, который изменил ситуацию еще при жизни. Он не только великий писатель, но и настоящий человек. Это серьезный комплимент, но полностью заслуженный.

В начале этого заключения я привел цитату из Пратчетта, касающуюся человека и его места в мире. Я не могу не согласиться с его словами. Некоторые люди изучают историю своего рода и узнают, что они происходят вовсе не из Лондона, хотя это утверждалось на протяжении последних трех поколений. Вместо этого оказывается, что семья тысячу лет фермерствовала в Уэст-Кантри, куда пришла из Рима, или что-нибудь еще настолько же фантастическое. Связь с собственными предками очень важна, но не стоит и забывать, кто ты теперь, какое место ты занимаешь среди своей семьи, друзей и коллег. Нам всем стоит взять пример с Пратчетта, вести себя с

таким же достоинством и изяществом — посмотрите, как он относится к собственной жизни и к жизни людей вокруг него, людей, которым он интересен, и тех людей, которые больны той же болезнью, что и он.

Для многих людей Терри Пратчетт — настоящий герой, и его книги не потеряют актуальности еще много лет. Очень важна трилогия о Джонни Максвелле. Она предназначена для детей и очень многое рассказывает о сохранении маленьких городов. Когда Джонни просыпается по утрам, вся вселенная бросается ему в лицо. Я уверен, что с самим Пратчеттом происходит то же самое. Если вы хотите увидеть, каким сэр Терри Пратчетт был в юности, прочитайте «Только ты можешь спасти человечество», «Джонни и мертвецы» и «Джонни и бомба». Я бы очень хотел прочитать четвертую книгу, о выросшем Джонни. Но мне кажется, что мы и так с ним знакомы.

«Ломает буря майские цветы,
И так недолговечно лето наше!»[73]

Уильям Шекспир, сонет 18

---

[73] Примечания: 73
Цит. по пер. С. Маршака.

Финальный комментарий

Когда я писал эту книгу, меня очень смущало, что приходится выкидывать огромные куски вселенной Пратчетта. Только Ночной страже и криминальным романам о Плоском мире можно посвятить отдельный том, но в этой книге я их почти не упоминал.

Я написал несколько книг о писателях и их книгах, но впервые я пишу о писателе и его главных книгах. В некотором смысле эта вещь довольно эгоистична, потому что я постоянно перечитывал во время работы лучшие романы Пратчетта.

Написав о таких авторах, как Джеймс Герберт и Иэн Рэнкин, я понял, что больше всего о себе писатели говорят в ранних книгах, поэтому я прошу прощения, что столько внимания уделил ранним работам Пратчетта. Других важных книг и серий я тоже коснулся, но именно первые книги наиболее красноречивы и помогают понять, откуда взялся Плоский мир. Исключение — это «Народ, или Когда-то мы были дельфинами», отдельная книга, очень отличающаяся от всего, что написал Пратчетт. Возможно, именно по этой книге стоит судить того писателя, которым он

стал через сорок лет после «Людей ковра».

О Пратчетте, его жизни и книгах можно говорить долго. Некоторые главы писались легко и весело, другие, посвященные более сложным вопросам, потребовали серьезного подхода. Может быть, писать их было даже интереснее, потому что они касаются проблем, с которыми сталкивается не только сам Терри Пратчетт, но и самые разные люди, ведущие самый разный образ жизни. Наверное, в этом и смысл Плоского мира: он интересен самым разным людям и меняет их жизнь к лучшему.

Крейг Кэйбелл
Лондон, июнь 2011 года

Что почитать

Это список величайших книг в жанре фэнтези, когда-либо опубликованных. Сюда не попала ни одна книга в жанре ужасов или научной фантастики. Список не исчерпывающий. Я просто попытался объяснить, что такое фэнтези лично для меня.

Романы Терри Пратчетта, в первую очередь: «Цвет волшебства», «Безумная звезда», «Творцы заклинаний», «Мор, ученик Смерти», «Посох и шляпа», «Пирамиды», «Эрик, а также ночная стража, ведьмы и Коэн-Варвар», «Мрачный жрец», «Маленький свободный народец», «Шляпа, полная неба», «Стража! Стража!», «Мелкие боги», «Джонни и мертвецы», «Держи марку!», «Делай деньги!», «Народ, или Когда-то мы были дельфинами», «Платье цвета полуночи»

- Цветные книги волшебных сказок Эндрю Лэнга, 12 томов
- «Сон в летнюю ночь», Уильям Шекспир
- «Рождественская песнь в прозе», «Колокола», «Детская мечта о звезде», Чарльз Диккенс
- «Путешествия Гулливера», Джонатан Свифт

• «Ветер в ивах», Кеннет Грэм
• «Хоббит», «Властелин колец», «Сильмариллион», «Дети Хурина», Дж. Р. Р. Толкин
• Хроники Нарнии, К. С. Льюис
• Книги Джаспера Ффорде
• «Опаснейшее путешествие», Ричард Адамс
• Книги о самой плохой ведьме, Джилл Мерфи
• Книги о Гарри Поттере, Дж. К. Роулинг
• Тетралогия об Эрагоне, Кристофер Паолини
• «Алиса в Стране чудес», Льюис Кэрролл
• Романы об Артемисе Фауле, Йон Колфер
• «Чернильное сердце», Корнелия Функе
• «Бесконечная история», Михаэль Энде
• «Питер Пэн», Джеймс Барри
• «Счастливый принц», «Соловей и роза», «Эгоистичный великан», «Портрет Дориана Грея», Оскар Уайльд
• Трилогия «Темные начала», «Чучело и его слуга», Филип Пуллман
• «Волшебник страны Оз», Фрэнк Баум
• «Флейтист из Гаммельна», Роберт Браунинг
• «Сотканный мир», «Вечный похититель», Клайв Баркер
• «Коралина», «Смерть: высокая цена жизни», серия о Песочном человеке, Нил Гейман
• «Дорога славы», Роберт Хайнлайн

• «Соломон Кейн», романы о Конане, Роберт Говард
• «Затерянный мир», сэр Артур Конан Дойл
• «Земля, позабытая временем», Эдгар Берроуз
• «Кинг Конг», Эдгар Уоллес, Мэриан Купер, Делос Ловелас
• Сказки братьев Гримм
• Сказки дядюшки Римуса
• «Просто сказки», Редьярд Киплинг
• Хроники Данктонского леса, Уильям Хорвуд

Об авторе

Крейг Кэйбелл написал 16 книг. Более двадцати лет он был внештатным репортером, в основном для «Индепендент». Пять лет он писал о рок-музыке, а потом стал штатным репортером «Фокуса», журнала Министерства обороны, для которого писал статьи и новости. Он писал обзоры книг и вин в разные журналы и ездил по всему миру в командировки. Он работал в Кувейте после войны в Персидском заливе, а потом помогал мелкому бизнесу из Англии развиваться в Америке. В соавторстве с Грэмом Томасом он написал «Операцию Биг Бен — Спитфайры против фау-два, 1944–45». По этой книге был снят фильм, а потом вышла лимитированная серия моделей Спитфайров Mark XVI с обрезанными крыльями. Книга «День победы — день, который мы никогда не забудем», написанная в соавторстве с Алланом Ричардсом, получила очень высокую оценку критиков и использовалась при подготовке праздничного концерта на Трафальгарской площади в честь шестидесятилетия Победы. Ричард Грант ставил на сцене воспоминания ветеранов, описанные в этой книге.

Крейг Кэйбелл живет в Лондоне с женой, тремя детьми и книгами Терри Пратчетта. Он мечтает, что однажды у него будет достаточно времени, чтобы заскучать.